

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока

З. А. Арабаджян

ИРАНСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ 1926–1941 гг.

Москва
2022

ББК 65.9(5Ирн)

А79

Рекомендовано

Ученым советом Института Востоковедения РАН

Ответственный редактор

канд. экон. наук *Н. М. Мамедова* (ФГБУН ИВ РАН)

Рецензенты

канд. ист. наук *И. Е. Федорова* (ФГБУН ИВ РАН)

канд. ист. наук *Э. Б. Боев* (ФГБУН ИВ РАН)

Арабаджян, З. А.

А79 Иранская модернизация 1926–1941 гг. : монография /
З. А. Арабаджян ; Ин-т востоковедения Рос. акад. наук, Центр
изуч. стран Ближ. и Сред. Востока ; [отв. ред. Н. М. Маме-
дова]. – Москва : ИВ РАН. – 2022. – 254 с.

ISBN 978-5-907543-82-9 (в пер.)

Монография является комплексным исследованием всесторонних реформ, проводившихся Реза-шахом в 1920–1930-е гг. Эти реформы охватывали все стороны жизни страны: идеологию, вооруженные силы, экономику, правовую и политическую системы, образование, культуру. Работа написана с использованием широкого спектра источников, особенно архивных материалов. Актуальность заданной темы определяется поспешными в прошлом суждениями о результативности проведенных тогда реформ и перипетиями, которые Иран переживает в последние десятилетия. Работа может представлять интерес не только для востоковедов, историков, студентов, но и для широкого круга читателей.

ББК 65.9(5Ирн)

ISBN 978-5-907543-82-9 (в пер.)

© Арабаджян З. А., 2022

© ФГБУН ИВ РАН, 2022

© Оформление. Трошина П. А., 2022

*Памяти
Марианны*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Введение	8
Глава I. Идеологическая база реформ.....	21
Глава II. Приводные ремни модернизации.....	41
Глава III. Реформа правовой системы.....	64
Глава IV. Изменения политической системы и борьба с оппозицией	78
Глава V. Модернизация экономики и изменения в социальной структуре	128
Глава VI. Реформы в области образования.....	167
Глава VII. Культура и изменения в культурном облике	198
Заключение	231
Приложение.....	244
Список сокращений	246
Список источников и литературы	247

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа является продолжением серии исследований автора, посвященных изучению иранской истории в период от Конституционной революции 1905–1911 гг. до иранской революции 1978–1979 гг. Ранее уже были опубликованы работы, посвященные Конституционной революции и Ирану в годы Первой мировой войны¹. Монография «От Реза-хана до Реза-шаха (истоки иранской модернизации 1921–1925 гг.)» в настоящее время готовится к печати одним из московских издательств.

Характерной особенностью указанных монографий является то, что они написаны с широким привлечением материалов Архива внешней политики Российской империи и Архива внешней политики Российской Федерации. Однако в предлагаемом вниманию читателей исследовании таких материалов почти нет. Это объясняется тем, что дипломатические ведомства обращают внимание в первую очередь на ход политических событий, на борьбу различных групп в политической элите страны, на взаимодействие правящих кругов с иностранными представителями и т. п. В меньшей степени они ориентированы на сбор и анализ информации, связанной с социально-экономическими аспектами положения в стране пребывания, на изменения, происходящие в таких сферах, как юриспруденция, общий культурный облик, образование и пр.

В силу указанного обстоятельства основными источниками для анализа стали материалы иранского парламента (Меджлиса), международных организаций, занимавшихся изучением дел в той или иной области общественной жизни, всевозможная справочная

¹ Арабаджян, З. А. Неизвестные страницы Конституционной революции 1905–1911 гг. в Иране. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2021; Арабаджян, З. А. Иран в годы Первой мировой войны. М.: Издательская группа URSS, 2021.

литература, воспоминания очевидцев и исследовательские работы иранских, западных и отечественных (советских) авторов.

Возвращение к указанной проблематике имеет особое значение в связи с тем, этот период не получил в специальной литературе однозначной оценки. В эпоху династии Пехлеви действия Реза-шаха по всесторонней модернизации феодального или в лучшем случае полуфеодального общества в основном одобрялись иранскими авторами. В то же время иностранные наблюдатели оценивали произведенные перемены по-разному. Советские исследователи – как правило, крайне негативно, западные – тоже по большей части негативно, но далеко не всегда. Многие оценки зависели от политических установок и отношений различных стран с монархическим Ираном. Это во многом касается советских исследователей, критиковавших Реза-шаха с классовых позиций, но присущее и западным, старающимся спрятаться за ширмой буржуазного объективизма и академической беспристрастности. В действительности оснований для критики есть немало, особенно в области аграрной политики монархии. Одним из аргументов критиков являлось то, что отречение Реза-шаха от престола в 1941 г. привело к быстрой утрате многих достижений его режима.

После свержения монархии в 1979 г. иранскими авторами эпохи Исламской Республики Иран ее деяния, как при первом шахе династии, так и при втором, подвергались уничижительной критике и отрицанию. При этом критики даже не задумывались над вопросом: от какого наследия следует отказаться, а что разумно было бы сохранить. Между тем перипетии в развитии современного Ирана, который в неизбежной и постоянной борьбе наций на мировой арене постепенно отстает от тех, кто раньше и близко рядом с ним не мог находиться, делают настоятельно необходимым изучение реформаторских усилий прошлого, позволивших стране сделать важные и во многом успешные шаги по преодолению социально-экономической отсталости.

Западные авторы также снизили интерес к вопросам модернизации в Иране в довоенные годы, в большей степени ориентируясь на более длительный по времени исторический период,

охватывающий, как правило, весь XX век, а иногда выходящий и в текущее столетие. В таких работах эпоха Реза-шаха предстает в качестве лишь одного из звеньев в цепи событий и процессов.

В позднесоветской, а потом в российской иранистике вопрос об иранских социально-экономических и политических процессах до Второй мировой войны вообще перестал интересовать авторов². Однако для современного этапа в жизни России, остро нуждающейся в модернизации, данная проблематика имеет немалое значение, если мы хотим длить и развивать существование нашей родины как суверенного независимого государства, занимающего значимое место в мире не только на географической карте, но и содержательно. Сегодня проведение модернизации сталинского типа (под руководством И. В. Сталина были проведены две модернизации: конца 1920-х – 1930-х гг. и послевоенная, которую чаще называют восстановлением народного хозяйства после Великой отечественной войны), по целому ряду причин невозможно. В такой ситуации интерес могут представлять какие-то элементы преобразований рассматриваемого плана в других странах, в том числе азиатских, в частности в Иране. Разумеется, это не означает, что азиатский и конкретно иранский опыт может быть перенесен на российскую почву, но знать его надо.

Пользуясь случаем, хочу высказать слова благодарности Н. М. Мамедовой, всегда поддерживающей автора в его изысканиях, сотрудникам сектора Ирана ЦИСБСВ ИВ РАН за их активное, доброжелательное участие в обсуждении представленной работы, высказанные ценные замечания и предложения. Также выражаю искреннюю признательность моему другу, кадровому иранисту С. Г. Иванову, в беседах с которым обсуждались самые непростые аспекты иранской истории и политики.

Особая благодарность членам моей семьи – Вере, Анастасии и Александре – за их помощь в прояснении вопросов экономики, идеологии и в работе над текстом рукописи.

² Исключением является исследование Д. В. Мосякова «Новая и новейшая история. Модернизация и глобализация восточных обществ» (М., 2016), в котором вопросы модернизации были рассмотрены на примере десятка стран от Китая до Турции, в том числе и Ирана эпохи Реза-шаха.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема реформирования иранского общества оказалась актуальной еще в начале XIX в., когда стало зримо проявляться существенное отставание Ирана от европейских стран, в первую очередь от Англии и России, с которыми у него было больше контактов в силу его географического положения. Преобразованиями в стране последовательно занимались сын Фатх Али-шаха Аббас Мирза (1789–1833), могущественный канцлер первых лет правления Насер эд-Дин-шаха Амир Кябир (1807–1852), Мирза Мальком-хан (1834–1908) и Мирза Хосейн-хан Сепаксалар (1827–1881).

Аббас Мирза как наследник престола и правитель самой крупной иранской провинции – Азербайджана начал свои реформы с преобразования вооруженных сил и перестройки их на европейский манер, создания регулярной армии вместо традиционных феодальных ополчений и отрядов ханов и вождей племен, пригодных больше для грабительских набегов, чем для ведения современных для того времени войн. Для этого приглашались иностранные, в основном английские, офицеры. В рамках задуманного он построил в Тавризе арсенал, создал предприятия по производству пороха, оружия и даже пытался делать артиллерийские орудия. Понимая необходимость наличия собственных квалифицированных специалистов, Аббас Мирза в 1815 г. впервые в иранской истории отправил за казенный счет группу иранской молодежи на обучение в Европу. Один из получивших образование в Англии первых иранских студентов Мирза Сеид Джаффар-хан Мошир од-Доуле впоследствии занимался реорганизацией артиллерии и строительством крепости Аббасабад на реке Аракс. Также впервые Аббас Мирзой стала внедряться в войсках униформа, отношение к которой со стороны местной знати было

негативным. Для того, чтобы привить привычку носить форму, он стал носить ее сам и на всех мероприятиях, связанных с армейскими делами, появлялся в ней. Однако его усилия не принесли существенных результатов. Хотя иранская армия проявила себя очень хорошо в ирано-турецкой войне 1821–1823 гг., при столкновении с русской армией в ходе второй русско-персидской войны 1826–1827 гг. она потерпела поражение и практически перестала существовать.

Неудачи реформ Аббас Мирзы во многом определялись тем, что они не соответствовали реальному состоянию иранского общества и не опирались на социально-экономический фундамент. Успешная модернизация лишь одной из сторон жизни общества была невозможна без проведения комплексных реформ. В связи с этим иранский автор С. Бахаш отмечал: «Армия не могла быть реформирована изолированно без предложения изменений в административной и финансовой сферах. <...> Поворот от армии кочевых племен к регулярной армии требует гораздо больших финансовых ресурсов. Это, в свою очередь, означает необходимость введения новых налогов или более эффективный сбор существующих, упорядочение системы счетов и больший контроль за бюрократией для того, чтобы быть уверенным, что полученные налоги достигнут центра»³. Следует отметить, что проблема сбора налогов и предотвращения их расхищения бюрократией и откупщиками оставалась нерешенной и в начале XX в. После поражения во второй русско-персидской войне попытки реформирования стали постепенно затухать, что в определенной степени определялось и ухудшением здоровья Аббас Мирзы, который умер раньше своего отца, так и не успев занять престол.

Следующая попытка проведения модернизации в Иране была предпринята Мирзой Таги-ханом Амир Кябиром. Его реформаторские взгляды формировались не только под влиянием военных неудач Ирана в войнах с Россией и Англией, но и под впечатлением поездки в Россию в 1829 г., которую он

³ *Bakhash, S. Iran: Monarchy, Bureaucracy and Reforms under Qajar: 1858–1896. London: Ithaca Press for the Middle East Centre; Oxford: St. Antony's College, 1978. P. 1.*

посетил в составе иранской миссии, направленной шахом для снискания благорасположения Николая I в связи с убийством в Тегеране А. С. Грибоедова. В ходе длительной поездки по России члены миссии посетили Московский университет, военные заводы, арсеналы, Торговую палату, военные училища и пр. Увиденное в России произвело на Амир Кябира большое впечатление и укрепило его убежденность в необходимости проведения реформ. Кроме того, участие в смешанной комиссии по демаркации границы между Ираном и Османской империей позволило ему увидеть первые результаты танзимата – череды реформ, начатых султанским правительством в 1839 г.

Поскольку Таги-хан служил при наследнике престола Насер эд-Дин Мирзе в Тавризе и пользовался его полным доверием, то, когда в 1848 г. наследник занял трон своего отца, он сразу (в день своей коронации) назначил Таги-хана своим первым министром. С этого момента Амир Кябир начал реализацию программы комплексных реформ. В военной сфере он приступил к созданию регулярной армии, что было невозможно без решительной борьбы с воровством со стороны воинских начальников, расхищавших средства, выделявшиеся на обмундирование, питание и жалование солдат. Это принесло ему немалую популярность среди солдат, которые, как отмечал П. Сайкс, «знали, что они обязаны ему своим регулярно выплачиваемым жалованием и выдаваемым обмундированием»⁴.

Другим направлением деятельности Амир Кябира стало наведение порядка в системе управления страной. Он стремился прекратить порочную практику продажи важных государственных постов, должностей губернаторов провинций, ограничить систему откупов и контролировать бюрократию на местах через реорганизацию финансовой системы. Обязал всех губернаторов регулярно появляться в столице и отчитываться о состоянии дел и своей работе. Установил для многочисленных принцев твердый пенсион вместо системы кормлений, когда их доход зависел от того, сколько денег они смогут выбить из подведомственных

⁴ Sykes, P. A History of Persia. London: Macmillan and Co., Limited, 1930. P. 345.

территорий. Оценивая результативность его действий и отношение к ним со стороны общества, П. Сайкс отмечал: «Изначально он не слишком преуспел, поскольку только немногие персы могли одобрять существование министра, который был бы правдив, справедлив и не коррумпирован. Но постепенно стали распространяться мысли о вреде воровства и коррупции. Поддерживаемый общественным мнением, он последовательно ликвидировал одно злоупотребление за другим и придавал финансовой системе более приемлемую форму»⁵.

Еще одним направлением реформ стало стремление ограничить роль духовенства в общественной жизни страны. Проводилось сужение юрисдикции шариатского суда в пользу светского суда (*урфа*), ограничение количества мечетей, гробниц и иных святых мест, имевших право предоставлять укрытие – *бест*, т. е. предоставить неприкосновенность лицам, преследуемым властями или садившимся в *бест* в знак протеста против каких-либо действий властей.

Понимая роль квалифицированных кадров в процессе модернизации, Амир Кябир расширил практику отправки иранцев за границу для обучения. Ему же принадлежала идея создания в стране первого университета Дар оль-Фонуна, которая была реализована уже после его смерти. Также при нем стала выходить первая в стране печатная газета, выпускавшаяся Мирзой Салехом Ширази Казеруни, который в молодости оказался в числе одной из первых групп иранских студентов в Англии, отправленных еще Аббас Мирзой.

Такая бурная реформаторская деятельность не устраивала разнообразные слои иранской политической элиты – придворные круги, шиитское духовенство, могущественных старших вождей и многочисленных каджарских принцев, интересы которых она ущемляла. Недоброжелатели и шептуны стали внушать Насер эд-Дин-шаху мысль о том, что Амир Кябир слишком ретив и что-то замышляет против него. Какое-то время шах не обращал на это внимание и даже выдал за Таги-хана свою сестру. Однако

⁵ Ibid. P. 340.

постепенно зерна сомнений, зароненные в сердце монарха царедворцами, дали свои всходы, и в 1851 г. Всесильный министр был отправлен в отставку, а в начале 1852 г. умерщвлен по приказу шаха. Со смертью Амир Кябира почти все его начинания были сведены на нет, и вторая попытка осуществления реформ закончилась неудачей.

Обе рассмотренные попытки могут быть отнесены к феодальным модернизациям, затрагивавшим чисто технические стороны процесса (военные реформы, упорядочение финансов, некоторое ограничение роли духовенства в жизни общества и пр.). В какой-то степени их можно сравнить с модернизацией, осуществленной в России Петром I, когда заимствовались только внешняя, техническая сторона процесса (внедрение европейского платья, организации армии, строительство заводов, создание учебных заведений и т. д.), но не общественные отношения (на петровских заводах работали крепостные крестьяне, а не лично свободные люди, нанятые на рынке труда).

Попыткой разработать на интеллектуальном уровне идеи модернизации страны и привить их представителям правящей элиты стали усилия Мирзы Мальком-хана. Она осуществлялась в рамках созданной им впервые в Иране масонской ложи Фарамушхане (1858), разрешение на учреждение которой он получил у шаха, представив ложу чем-то вроде клуба по интересам, где производили опыты с электричеством, химические эксперименты, читали стихи классиков средневековой персидской поэзии и т. п.⁶. Разумеется, Мальком-хан, в отличие от Аббаса Мирзы и Амир Кябира, не имел никаких властных полномочий, но в ложе состояли весьма знатные лица, в том числе Джалал эд-Дин Мирза (последний сын Фатх Али-шаха), Солтан Овейс (внук Аббаса Мирзы), представители иранского духовенства, столичной бюрократии и пр. В ложе проговаривались идеи, сгенерированные Мальком-ханом на основе его знаний и опыта, приобретенных во время обучения и работы в Европе. Общий

⁶ Подробно об этом см.: Арабаджян, З. А. Иранское масонство и его роль в социально-политическом развитии страны (от истоков по начало XX века). М.: Изд. КМК, 2019.

смысл сводился к необходимости проведения буржуазной модернизации по европейскому образцу, внедрению и пропагандированию понятия «закон» и принципа верховенства закона. Предлагалось создать Совет министров и Законодательный совет, иначе говоря – речь шла об идее разделения властей, учреждении Национального банка Ирана, реорганизации армии, проведении реформы в области просвещения. В последнем случае европейские формы образования должны были сосуществовать с традиционными.

Противники Мальком-хана постоянно внушали Насер эд-Дин-шаху мысли о вреде и опасности Фарамушхане и разговоров, ведущихся там, для существующих устоев. В итоге по поручению шаха один из его доверенных людей внедрился в ложу и провел там некоторое время. Результаты своих наблюдений он сформулировал следующим образом: «То, что я там увидел, является прелюдией гибели Вашей монархии, и они наверняка уничтожат и Вас»⁷. После такого доклада шах распустил Фарамушхане, обрушил на членов ложи жестокие гонения, и идеи буржуазной модернизации на какое-то время отошли на задний план.

Некоторые авторы считают, что попытки буржуазной модернизации предпринимались в Иране и Мирзой Хосейн-ханом Сепаксаларом, который с 1871 по 1873 г. занимал пост канцлера, а позднее около 7 лет – министра иностранных дел⁸. Действительно, взгляды Сепаксалара формировались во многом под влиянием либеральных идей Мальком-хана во время его членства в Фарамушхане и позднее, во время службы иранским послом при османском дворе. Кроме того, он состоял и в одной из дочерних структур Великого Востока Франции, а также в английской Ложе № 175. Возглавив иранское правительство, Сепаксалар направил Мальком-хана в Лондон в качестве иранского посланника, и они начали готовить всеобъемлющее концессион-

⁷ Раен, Э. Фарамушхане ва фарамасонери дар Иран. Т. 1. Тегеран: Амир Кябир, 1357. С. 524.

⁸ Abrahamian, E. Iran between to revolutions. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1982. P. 136.

ное соглашение, по которому права на разработку всех природных ресурсов страны, кроме месторождений золота и драгоценных камней, на учреждение банков, трамвайных линий, строительство ирригационных сооружений и управление таможами передавалось барону Рейтеру сроком на 70 лет. Это превращало Иран в страну, полностью зависимую от Англии. Неслучайно Г. Роулинсон так оценивал всю программу преобразований нового канцлера: «Эта программа была нацелена на возрождение Персии через отождествление ее интересов с интересами Великобритании и сочетала два главных момента: одним была концессия Рейтера, другим – визит шаха в Англию»⁹. В связи с этим программа Сепаксалара лишь с очень большой натяжкой может считаться модернизационной. А если и применять к ней такое понятие, то ее следует воспринимать чем-то вроде модернизации буржуазно-колониального типа.

В итоге попытки как феодальной, так и буржуазной модернизации оказывались безуспешными по нескольким причинам. Аббас Мирза умер раньше своего отца и не сумел осуществить свои планы. Не в меру талантливый и энергичный реформатор Амир Кябир вызвал подозрения у монарха своими реформами, впал в немилость и был умерщвлен по его повелению. Опале подвергся и Мирза Мальком-хан, чьи усилия носили скорее интеллектуально-академический, чем практический характер, поскольку он не занимал должностей, позволявших осуществить их на практике. Реформы Сепаксалара были крайне робкими, не затрагивали основ общества и предоставляли англичанам право «модернизировать» Иран по своему усмотрению. Кроме того, он действовал уже в период, когда Иран стремительно утрачивал свою независимость и находился под сильным влиянием Англии и России, сумевшими к тому времени в большой степени ущемить его суверенитет.

В начале XX в. попытки модернизации сверху уступили место революционному процессу. В ходе Конституционной революции 1905–1911 гг., большую роль в которой сыграла масон-

⁹ *Rawlinson, H. Rawlinson, H. C. England and Russia in the East. London: John Murray, Albemarle street, 1875. P. 124.*

ская структура – Ложя Пробуждения Ирана¹⁰, партия демократов также пыталась провести ряд реформ, но потерпела неудачу. Однако в качестве элементов модернизации, несмотря на поражение революции, в Иране остались такие атрибуты буржуазного общества, не существовавшие в период абсолютизма, как конституция и Меджлис (парламент), очень сильно ограничивавшие власть монарха. Правда, Меджлис, имевший право отправлять правительство в отставку, утверждавший премьер-министра и членов кабинета, выделявший финансирование на содержание шаха и его двора, был совершенно бессилен перед центробежными процессами и социально-экономическими проблемами, имевшими место в стране.

После поражения революции Иран находился в столь плачевном финансово-экономическом положении, был так опутан долгами и кредитами Англии и России, что речи о проведении минимальных преобразований идти не могло. А вскоре началась Первая мировая война, приведшая к полной дезинтеграции страны, ее оккупации армиями воюющих сторон. Когда из войны вышла Советская Россия, английские войска полностью поставили Иран под свой контроль и навязали ему Англо-иранское соглашение 1919 г., превращавшее его в английский протекторат. В такой ситуации упадка и распада Иран находился до 1921 г., когда произошел переворот третьего хута (21 февраля 1921 г.), вскоре после которого на пост военного министра был назначен Реза-хан Мирпьяндж, награжденный Ахмед-шахом титулом Сардар Сепях (предводитель армии) за руководство военной частью переворота.

Этот незнатный, малообразованный человек, первоначально воспринимавшийся всеми участниками политического иранского процесса как временная фигура, которая будет делать то, что ей прикажут, а потом может быть легко убрана за ненадобностью, сумел закрепиться во властных сферах. Хотя в то время в Иране правительства менялись по несколько раз в год, Реза-хан с апреля 1921 г. по конец октября 1923 г. неизменно оставался

¹⁰ Подробно об этом см.: Арабаджян, З. А. История иранского масонства в XX веке (от зенита до заката). М.: Товарищество научных изданий, 2020. 172 с.

военным министром. Он сосредоточил свои усилия на реформировании вооруженных сил, осуществил слияние частей казачьей дивизии (7 тыс. человек) с частями жандармерии (12 тыс. человек) и увеличил численность армии до 40 тыс. человек, разбив ее на пять дивизий, которые контролировали пять крупных районов страны¹¹, поставил в провинциях военных губернаторов, дублировавших гражданскую администрацию и доминировавших над ней. Армия стала инструментом по проведению политики централизации, борьбы с восстаниями и самоволием крупных племенных вождей и феодалов, т. е. превращения лоскутной охваченной сепаратистскими движениями страны в централизованное государство. Успехи этой политики привели к огромному росту политического авторитета и влияния Реза-хана. Даже его политические противники из числа националистов и сторонников феодально-клерикального лагеря признавали полезность деятельности военного министра.

Осенью 1923 г. после череды политических кризисов, во многом спровоцированных самим Реза-ханом, ему удалось добиться от Ахмед-шаха и Меджлиса назначения на должность премьер-министра и вынудить монарха покинуть Иран. При этом он сохранил за собой пост военного министра. С того времени его реформаторская деятельность начала выходить за пределы чисто военных вопросов и была обращена на такие сферы, как образование, юриспруденция, государственный аппарат и пр. В ходе своей деятельности, преодолевая сопротивление противников проводимого курса, Сардар Сепях добивался поставленных целей самыми жесткими, а порою и жестокими средствами.

В январе–марте 1924 г. по его инициативе в Иране была проведена кампания за отстранение Ахмед-шаха от власти и установление в стране республиканского строя во главе с Реза-ханом как пожизненным президентом. Во многом он начинал республиканское движение под впечатлением событий в Турции и кемалистской революции, где Мустафа Кемаль

¹¹ *Abrahamian, E. Iran Between Two Revolutions. P. 120.*

создал Турецкую Республику и стал ее бессменным президентом. Хотя монархия Каджаров была крайне непопулярна, а многие политические деятели разной направленности в принципиальном плане не возражали против лишения Ахмед-шаха престола, к концу марта 1923 г. республиканское движение потерпело поражение. Причиной этого стало как противодействие со стороны шиитского духовенства, возглавляемого авторитетным политическим деятелем аятоллой Сеидом Хасаном Модарресом, так и крайне грубое давление сторонников республики и главного республиканца на иранское общество. В то время для достижения своих целей полагаться только на грубую силу и запугивание политических противников было еще невозможно. Вероятно, именно неудача с превращением Ирана в республику подтолкнула премьер-министра к мысли о том, что если не удалось стать пожизненным президентом, то следует занять шахский престол.

Несмотря на провал указанной политической комбинации, Реза-хану удалось оставить за собой кресло главы правительства и продолжить атаку на политическую оппозицию. Были закрыты все оппозиционные газеты, арестованы их редакторы, по стране прокатилась волна арестов и политических убийств, наиболее известным из которых стало убийство журналиста Мирзаде Эшхи. Недовольство противников Сардар Сепеха должно было вылиться в какое-то политическое выступление и очередную попытку отстранения его от власти. Это и произошло осенью 1924 г., когда против него выступили правитель Арабестана (ныне провинция Хузистан) шейх Хаззаль и группа бахтиарских ханов, образовавших так называемый Комитет восстановления счастья.

Они решились на это, имея сторонников среди представителей феодально-клерикального лагеря в Тегеране, во главе которого стоял аятолла Модаррес. Шейх направил послание Ахмед-шаху в Европу, в котором уверял в успешности начатого дела и призывал его вернуться в страну, возглавив движение против узурпатора Реза-хана, поправшего основы конституционализма. Но главным фактором, сподвигнувшим шейха и его

единомышленников на указанное выступление, стала обещанная англичанами всесторонняя поддержка. Однако англичане, ранее уже сделавшие ставку на Реза-хана, специально спровоцировали лидеров феодальной группировки, чтобы помочь премьер-министру быстрее убрать своих противников. После начала выступления шейха Хаззала и бахтиарских ханов британцы сразу же дистанцировались от них, объясняя озадаченным вождям повстанцев, что их неправильно поняли. Британский консул в Ахване, якобы превысивший свои полномочия, давая обещания любой поддержки восставшим, был отозван в Англию. Наряду с этим и шах, всей душой сочувствовавший выступлению против Сардар Сеха и понимавший угрозу своей власти и всей династии, исходившей от этого человека, по причине своей природной робости и нерешительности не отважился прибыть в страну и своим именем освятить восстание. Оставленные своими покровителями и шахом, столкнувшись с решительным неприятием выступления в тегеранских кругах, где оно было воспринято как сепаратистское, и решительными действиями самого Реза-хана, шейх Хаззал и бахтиары были вынуждены сдаться на милость победителя.

После поражения повстанцев дорога для устранения Каджаров от власти и занятия престола для Реза-хана оказалась открытой. Однако, наученный горьким опытом республиканского движения, он действовал более осторожно и лукавыми предложениями о сотрудничестве привлек на свою сторону аятоллу Модарреса, который полностью разочаровался в Ахмед-шахе из-за его трусости и нерешительности. Кроме того, премьер-министр ввел в свое правительство представителей феодального лагеря, кандидатуры которых выбрал лично аятолла Модаррес и делал вид, что прислушивается ко всем его рекомендациям и выполняет их. Август–октябрь 1925 г. прошли под знаком антидинастийных выступлений по всей стране, которые искусно разжигались сторонниками премьер-министра. Эти выступления подогревались трудностями с продовольствием, носившими в значительной степени искусственный характер.

В итоге избранный еще в 1923 г. ручной состав Меджлиса пятого созыва, выборы в котором почти полностью контролировались военными губернаторами в провинциях, 31 октября 1925 г. после нескольких дней дебатов объявил Ахмед-шаха и династию Каджаров низложенными и временно передал всю полноту власти в стране премьер-министру. Решить судьбу страны должно было Учредительное собрание, выборы, а точнее – назначение депутатов, которое проводилось в спешном порядке в условиях объявленного в некоторых районах Ирана военного положения. В результате не были избраны почти все лидеры националистов и сторонники аятоллы Модарреса, равно как и он сам. Спешка с созывом этого органа определялась тем, что идея о созыве Учредительного собрания имела место и в 1924 г., но не для смены династии, как ныне хотелось премьер-министру, а для провозглашения Ирана республикой. В ходе подготовки к началу работы Учредительного собрания в Тегеране с участием самого Реза-хана проходило заседание представителей основных политических партий, представленных в Меджлисе. На нем было решено, что на рассмотрение депутатов будет вынесено предложение о провозглашении Реза-хана пожизненным шахом Ирана, но без права передать шахский престол своему наследнику, т. е. без права учредить новую наследственную монархию. Предполагалось, что после его смерти опять будет созвано Учредительное собрание, которое с учетом перемен в стране, произошедших за время правления нового шаха, и определит окончательно форму правления и государственного устройства Ирана. Такая формулировка, устраивавшая националистов, социалистов, представителей феодально-клерикального лагеря и других политических сил, была принята и самим Реза-ханом.

Однако, когда 6 декабря 1925 г. в условиях военного положения, объявленного в столице, указанный орган начал свою работу, на обсуждение был вынесен текст поправок в конституцию, в котором провозглашалась наследственная монархия Пехлеви. Против этого в ходе обсуждений, носивших формальный характер, выступил только лидер социалистов Сулейман

Мирза, но уже ничего нельзя было изменить, и 12 декабря 1925 г. Реза-хан был избран наследственным шахом Ирана¹².

На пути к престолу Реза-хану удалось не только переиграть всех своих политических соперников на внутривосточной сцене, но и добиться поддержки двух соседних с Ираном держав, имевших очень большое влияние на иранские дела – Великобритании и Советского Союза. Несмотря на сложность и запутанность политической ситуации, обе страны считали за благо для себя его приход к власти и воцарение на престоле, поскольку крайне опасались распада Ирана на несколько неконтролируемых территориальных образований. Англичане полагали, что сильное центральное правительство в Тегеране будет способно лучше защищать интересы их Англо-Персидской нефтяной компании (АПНК), чем это делали в прошлом местные князья шейх Хаззаль и бахтиарские ханы. Они также опасались, что в результате распада Ирана СССР сможет установить свое влияние, если не прямую власть, в его северных районах. Советская сторона, в свою очередь, предполагала, что при дезинтеграции иранского государства англичане установят свой контроль над большей частью его территории. Кроме того, считалось, что проводимые Реза-ханом реформы будут способствовать вызреванию буржуазных отношений и тем самым приближать переход иранского общества к социализму. Не вдаваясь в тонкости политики каждой из этих стран, следует отметить, что Реза-хан с определенного момента шел к своей цели при поддержке англичан и как минимум при молчаливом согласии советского руководства.

Таким образом, 1921–1925 гг. могут считаться подготовительным этапом, истоком, периодом зарождения модернизации Реза-шаха 1926–1941 гг., которой и посвящено предлагаемое вниманию читателей исследование.

¹² К сожалению, в отечественной литературе нет комплексного исследования о биографии и деятельности Реза-шаха. О биографии, чертах характера и деятельности Реза-шаха см., в частности: Реза-шах. Хатерат-е Сулейман Бехбуди, шамс Пехлеви, Али Йазди. (Реза-шах. Воспоминания Сулеймана Бехбуди, Шамс Пехлеви, Али Йазди). Тегеран: Сахба. 1372; *Мааш*. Алмас (в ориг. Алмас и булджник). Нью Йорк: [б.и.] 1989; *Essad-Bey, M. Reza Shah*. London: Hutchinson & Co., 1938. *Pahlavi, M. R. Mission for my Country*. London: Hutchinson, 1960.

Глава I

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА РЕФОРМ

Для определения направления реформ Реза-шаха важным является понимание идеологии, на основании которой они проводились. В отечественной науке всегда считалось, что ею является буржуазный национализм, поскольку ничего другого и быть не могло, учитывая классовые корни его монархии. Только в последнее время стали появляться работы, в которых детально расследуются особенности иранского государственного национализма, его проявления в различных сферах общественной жизни и отмечается, что он имел не только древнюю – еще доисламскую – традицию, но в определенном смысле опирался и на Иранскую конституцию 1906 г.: «Мы можем констатировать, что иранский основной закон 1906 года, действующий с учетом дополнений 1925 года и являвшийся законодательной основой для шахиншахского государства эпохи Пехлеви, содержал ряд националистических положений еще со времен Конституционной революции, которые были закреплены и усилены дополнениями 1925 года, внесенными после вступления на престол новой династии...»¹³.

В то же время среди западных, да и некоторых иранских исследователей широко распространенным является мнение

¹³ Боев, Э. Б. Идеология государственного национализма в Иране в период правления династии Пехлеви (1925–1979 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Нижний Новгород: НГПУ им. Козьмы Минина, 2017.

о том, что сколько-нибудь существенной идеологической основы у Реза-шаха не было. Следует отметить, что еще в бытность его военным министром, он подвергался критике за неясность идеологических установок. Так, в октябре 1922 г. известный иранский поэт, историк и журналист, депутат парламента нескольких созывов Малек ош-Шоара Бахар в еженедельном приложении к газете «Нуубахар» опубликовал две статьи, где критиковал Реза-хана за крайнюю размытость и невнятность идеологических принципов¹⁴. Правда, в то время, когда Реза-хан занимал всего лишь пост военного министра, едва ли была уместна критика за отсутствие идеологии – данная должность не требует от занимающего ее идеологического оформления своих взглядов, поскольку он не глава государства, не возглавляет правительство или парламент и не является главой какой-либо политической партии.

Один из иранских авторов второй половины XX в., работавший на Западе, А. Банани отмечал: «Движение Реза-шаха не имело организованных, осознанных средств выражения и определенной, хорошо сформулированной и широко разрекламированной идеологии, что крайне необходимо для любого революционного движения»¹⁵. Развивая эту мысль, данный автор отмечает, что Реза-шах не написал чего-либо вроде *Mein Kampf*, не выступал, в отличие от Ататюрка, с пространными публичными речами или памфлетами, не оставил политического завещания. Иными словами, речь идет о том, что отсутствует корпус текстов, которые могли бы дать представление об идеологическом стержне его реформ. Он пишет, что если после Ататюрка остался кемализм, то после Реза-шаха не осталось пехлевизма. А. Банани объясняет феномен Реза-шаха и его модернизаторской политики без ясной идеологии тем, что он стал результатом неудач идеологически ориентированного революционного движения, имеющего ясную программу.

¹⁴ Бахар, М. Т. (Малек ош-Шоара). Тарих-е мохтасар-е ахзаб-е сийаси-йе Иран (Краткая история иранских политических партий). Техран: Шеркят-е сахамии-йе кетабха-йе джиби, 1357. Т. 1–2. С. 247–253.

¹⁵ Banani, A. The Modernization of Iran. 1921–1941. Stanford: Stanford University Press, 1961. P. 44.

Такое утверждение отчасти верно, но, с одной стороны, единственное революционное движение в Иране начала XX в. достигло своей цели, превратив абсолютистскую монархию в конституционную и учредив парламент с большими полномочиями, а с другой – разные группы, входившие в него, имели различные представления о путях социального-экономического развития страны. Кроме того, до прихода Реза-шаха к власти никто не мешал иранским интеллектуалам, националистам, конституционалистам и социалистам, как правило имевшим большинство в Меджлисе и почти всегда возглавлявшим правительство, воплощать в жизнь то, что А. Банани представляется программами. Однако у них ничего не получалось.

Еще более интересно выглядит восприятие идеологии Реза-шаха в более поздней работе Е. Абрахамиана «Иран между двумя революциями». В разделах «Правление Реза-шаха» и «Государство Реза-шаха и иранское общество» подробно описываются его действия в области политики, экономики, культуры, административных и иных сферах, взаимоотношения с политическими противниками и пр., но слово идеология не встречается ни разу¹⁶.

Между тем, хотя Реза-шах действительно не оставил после себя каких-то произведений, завещаний, пространных эссе и т. п., он все-таки время от времени делал заявления, из которых становились понятными основы его идеологии и направление, в котором он собирается вести страну. Одно из таких выступлений, датированное приблизительно 1934–1935 гг., приводится ниже:

«Имя Ирана – Иран, а не Персия. Воздерживайтесь от ношения иностранной одежды, иранец должен использовать ткани иранского производства. Галстук должен быть сделан в Йезде, а не в Европе. В архитектуре следуйте стилю Тахтеджамшид¹⁷. Женщины должны отбросить чадру и наряду с мужчинами появляться в обществе. Отменяются титулы – такой-то *од-доуле* или такой-то *ос-салтане*. Вместо титула каждый должен выбрать фамилию семьи. Вывески магазинов должны быть на персидском языке, а не на евро-

¹⁶ Abrahamian, E. Iran between to revolutions. P. 135–165.

¹⁷ Тахтеджамшид – иранское название столицы державы Ахеменидов, известной европейцам как Персеполис.

пейских. Дружеские связи с сотрудниками иностранных посольств есть своего рода измена. В государстве есть МИД и через его сотрудников надо поддерживать необходимые связи. Дороги должны быть спокойными. Как можно шире откройте двери школ. Всеобщая воинская повинность – основной шаг в создании новой армии Ирана. Мы создадим офицерские училища, и с этих пор все наши офицеры будут обученными. Держава хочет университета. Профессора в особых одеждах должны участвовать в приемах (у главы государства). Одежда духовенства – священная одежда. Каждый неграмотный и каждый демагог не должны надевать на голову чалму и на плечи абу. Вера и политика – это два священных принципа, но их смешение не на пользу вере и не на пользу политике, поскольку как вера ослабляется, так и политика втягивается в пошлость и унижение. Поведение государственных мужей даже в отношении одежды должно быть образцовым»¹⁸.

Данная речь-наставление дает ясное представление об идеологических основах и векторе модернизации Реза-шаха.

Если воспринимать идеологию как систему оформленных концептуальных идей и взглядов в области политики, права, религии, этики, экономики и т. д., выражающих идеалы и мировоззрение социально-классовых групп, партий и общественных движений в данном обществе, то, конечно, в Иране эпохи Реза-шаха она имелась. Правда, при основателе династии Пехлеви не было конкретного документа с идеологической доктриной, проголо-сованного в Меджлисе или подписанного монархом, который стоял бы на полках книжных магазинов, лежал бы в классных комнатах школ, на столах чиновников и др. Сам шах никогда не выступал и не произносил слов о том, на основании какой идеологии он строит новый Иран. В силу своего низкого образовательного уровня он, возможно, и не знал самого слова «идеология». Но все это совершенно не означает, что у его режима не было идеологии. Точно так же, как и отсутствие в Великобритании брошюры с надписью Основной закон, в которой было бы столько-то статей и столько-то поправок, не означает, что у нее

¹⁸ Кейхан чап-е Ландан. 17.03.1988.

отсутствует конституция, поскольку ее конституция является некодифицированной. Иначе говоря, она состоит из совокупности законов, прецедентов, правовых обычаев, которые и определяют правовые основы, порядок функционирования государственных органов и многое другое в жизни страны. Представляется, что в иранском случае, мы имеем дело с чем-то вроде некодифицированной идеологии.

Вероятно, первые смутные наметки на программно-идеологическое оформление линии Реза-хана видны из его речи при вступлении на пост премьер-министра, произнесенной 30 декабря 1923 г.:

«...Я, несмотря на массу работы по военной отрасли, по воле Божьей иду навстречу милостям Его Величества и чувствам моих соотечественников и с твердой волей собираюсь еще раз выдержать испытание на самоотверженной службе народу.

Несомненно, всем известно, что успех дела зависит от воли, а воля подчиняется идее. При искреннем желании и настоящей работе идею можно осуществить. Я никогда не был любителем красивых, но лживых фраз и не любил пустых слов. Поэтому не буду и сейчас, излагая свою программу, украшать ее по статьям и пунктам разными звонкими словами и фразами. Эти слова и фразы уже причинили достаточно горя нашей родине, создавая лишь расколы. Они пригодны только для демагогии. Обещаю поэтому моим соотечественникам, что программу свою я ограничиваю следующими двумя пунктами:

1. Охрана прав государства.
2. Исполнение закона.

Опираясь на милость Божью, надеюсь, что все мои дорогие соотечественники, в свою очередь, от души поддержат меня в исполнении этой цели»¹⁹.

Из приведенного очевидно, что новый премьер-министр был далек от характерного для политических деятелей Ирана того времени стремления расцветить свою программу всевозможными красивыми обещаниями и собирался усиливать роль госу-

¹⁹ АВП РФ. Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 126 (50763). Л. 16 об. – 17.

дарства, поставив во главу угла строгое соблюдение законов. При этом он заявлял о готовности самоотверженно служить народу страны и рассчитывал на его поддержку. В известном смысле в этом можно увидеть зачатки идеи солидаризма, т. е. стремления к компромиссу, сотрудничеству и доверию между различными классами и социальными группами ради достижения общенациональных целей.

Несмотря на стремление иранского монарха подражать в реформах Мустафе Кемалю, он не пошел на полный разрыв с традициями, как это сделал Ататюрк. Именно этим объяснялось его намерение опереться на традицию древнего Ирана и побудить свой народ черпать вдохновение и силы для созидания нового Ирана в достижениях великих иранских царей Куруша, Дариуша и др.

Формироваться идеология Реза-хана начала еще до того, как он стал Реза-шахом. Как известно, его фамилия от рождения была Мирпяндж²⁰, но за некоторое время до вступления на престол он изменил ее на Пехлеви, что не было случайностью и имело глубокий политический и идеологический смысл. Слово *пахлав* означает парфянин. Во времена парфянского царства Ираном правила династия Аршакидов, другим названием которой были Пехлеvidы, царствовавшая почти 500 лет с середины III в. до н. э. Уже из одной смены фамилии видно, в каком направлении двигалась мысль Реза-хана, а точнее его главного идеолога Зока уль-Молька Форути, предложившего принять именно эту фамилию.

Таким образом, одним из слагаемых новой идеологии становится обращение к древней доисламской традиции и славе Ирана. Этот аспект очень ярко проявился во время церемонии коронации Реза-шаха в конце апреля 1926 г., когда в своем выступлении Форути не раз цитировал «Шахнаме» Фердоуси, называл нового шаха наследником короны и трона Каянидов (мифо-

²⁰ Возможно, когда-то слово *мирпяндж* не было фамилией, тем более что во время рождения Реза-хана у иранцев фамилий не было. Скорее всего, оно является производным от *амир-е пяндж* – «командир отряда в пять тысяч человек». Но, как часто бывает, прозвище, связанное с профессией, постепенно становится фамилией. В России, например, такое происхождение имеют фамилии Стрельцов, Кузнецов, Плотников, Солдатов и многие другие.

логическая иранская династия в доисламский период), падишахом благородного иранского происхождения, спасителем Ирана, воссоздающим древнее падишахство. Эту речь нельзя воспринимать только как лесть своему государю со стороны ловкого сановника. Это была именно идеологическая концепция, на которой должна была основываться новая династия. Форуги как бы объяснял окружающим, кто стоит перед ними, как его следует воспринимать. Более того, он и самому Реза-хану пояснял, что он уже не Реза-Максим (прозвище, полученное в годы службы в казачьей бригаде за умение обращаться с пулеметом), не Реза-хан, он уже не человек по фамилии Мирпьяндж и даже не человек с почетным титулом Сардар Сепях. Он – наследник славы Кеянидов, наследник Кира Великого, Ануширвана Справедливого и других царей древнего Ирана²¹. Особо следует подчеркнуть упор на иранское происхождение нового монарха, поскольку после падения государства Сасанидов, считавшегося второй персидской империей, в середине VII в. под ударами арабов Ираном почти 1300 лет правили не этнические персы, а арабы, монголы, турки. Строго говоря, утверждение о том, что пришел падишах благородного иранского происхождения, под которым подразумевалось именно персидское, не совсем корректно, поскольку мать Реза-шаха имела тюркское происхождение, но по отцу он считался персом.

Опора на наследие древнего Ирана проявилась и в том, что в царствование Реза-шаха начались масштабные археологические раскопки в районе древней столицы Персии города Персеполиса, а при проектировании правительственных зданий архитекторам было рекомендовано подражать стилю Тахтеджемшид²². Это требование монарха воплощалось в целом ряде построек для государственных органов, которые создавались в стиле дворцов Персеполиса и Ктесифона (столица империи Сасанидов), имев-

²¹ Полный текст выступления Форуги см.: *Макки, Х. Тарих-е бистсале-йе Иран (Двадцатилетняя история Ирана)*. Т. 4. Тегран: Бонгах-е тарджоме ва нашре кетаб, 1362. С. 39–44.

²² Ранее раскопками на юге страны в частном порядке занимались англичане, которые вывозили в Англию найденные артефакты, в том числе так называемый каменный цилиндр царя Кира, являющийся первой в истории человечества декларацией прав человека.

ших массивные колонны, что совсем не характерно для иранской архитектуры исламского периода. В таком стиле построены здания Центрального банка Ирана, полицейского управления и вокзала в Тегеране и пр. Наследие данной эпохи воспринималось как исключительная ценность, укрепляющая национальные традиции. Продолжением данного вектора идеологии Реза-шаха стало принятие в 1930 г. Акта об античных находках, согласно которому все археологические работы должны проводиться под контролем правительства, в то время как раньше в течение ряда лет дело иранской археологии было отдано на откуп французам. Согласно акту, все находки должны оставаться в Иране и передаваться в Археологический музей в Тегеране.

Другим столпом идеологии Реза-шаха стало наследие исламского периода в истории Ирана. Правда, его благосклонное внимание было обращено лишь на достижения, имевшие место в данную эпоху, в золотой век шаха Аббаса (в военно-политическом плане), Саади и Хафеза, как создателей всемирной культурно-поэтической славы Ирана. Для Реза-шаха, являвшегося иранским националистом, остро воспринимавшим угнетение страны великими державами, такие идеологические доктрины, как коммунизм или тезисы об антагонистических общественных классах, были неприемлемы. Либерализм также не вызывал особых симпатий. Только ислам воспринимался в качестве фактора, способствующего его цели объединения общества. Это вполне естественно, учитывая буржуазно-помещичьи корни его режима, поскольку многие постулаты ислама, как и ряда иных религий, призывают людей к терпению, смирению со своей судьбой, обещающая в компенсацию за лишения и праведность вечную загробную жизнь. Реза-шах, как и все иранские правители до и после него, всегда высказывался позитивно об исламе и самом духовенстве, всякий раз подчеркивая свою приверженность исламу и уважение к его служителям.

Однако ему нужен был ислам, очищенный от политических тенденций и претензий шиитских богословов на политическую власть. Старый шиитский принцип *хокмате ашраф* (правление благородных) его устроить не мог, поскольку под благородными

имелись в виду именно шиитские богословы самого высокого ранга. Поэтому он вел борьбу с политическим засильем духовенства в стране, с противниками его власти из числа религиозных деятелей, лидером которых был аятолла Сеид Хасан Модаррес. Его не мог устраивать принцип, сформулированный Модарресом: вера неотделима от политики. Он, не слышав, вероятно, этого выражения, считал, что Богу богово, а кесарю кесарево.

В то же время Реза-шах совершенно не отрицал огромные научно-технические достижения Запада и необходимость их применения в Иране, наоборот, он стремился максимально внедрить их в своей стране. Но он считал, что такого рода достижения и новшества должны быть не навязываемыми извне, а являться органической частью иранского общества и элементом развития. Такой подход позволил бы иранцам со временем самим генерировать изобретения и инновации и разговаривать со странами Запада на равных. Такой подход, который, как представляется, стал третьим компонентом идеологической доктрины Реза-шаха, проявлялся во всех сферах его реформ: правовой системе, образовании, экономике и др.

Важным материалом, дающим основание судить об идеологии эпохи Реза-шаха, являются разработки, проводившиеся под эгидой Министерства просвещения, по воспитанию детей и юношества²³. Они показывают, в каком духе режим старался формировать мировоззрение своих граждан. В этом плане весьма показательно то, как иранское руководство хотело представить свою страну миру. Один из высокопоставленных сановников в системе просвещения Ирана И. Садики в брошюре, изданной в США для пропагандирования иранских реформ, отмечал:

«Каковы же идеалы персов? Их можно резюмировать следующим образом:

1. Персы хотят иметь сильную и независимую страну, чтобы сохранить свое естество и свою национальную жизнь.
2. Они хотят, чтобы Персия процветала благодаря научным достижениям, освоению ее природных ресурсов

²³ В главе, касающейся реформы образовательной системы, автор рассматривал вопросы, связанные с образованием, но не воспитанием.

в сельском хозяйстве и добывающей промышленности, а также за счет обмена этими продуктами с другими странами.

3. Они хотят здоровых граждан, способных зарабатывать на жизнь, радоваться жизни, вносить свой вклад в удовольствие и счастье своих сограждан.

4. Они стремятся к тому, чтобы Персия заняла почетное место среди народов земли, внося лучшее, что есть в стране, в мировую культуру.

5. Они стремятся с благословения Божьего гармонизировать принципы мусульманской религии с требованиями времени и с потребностями общения с другими верованиями человечества»²⁴.

Среди задач воспитательного плана, стоящих перед системой образования, он видел следующие:

«1. Создавать в сознании людей живое понимание прошлого, показывая великие достижения нации за долгий период ее существования, несмотря на большие бедствия и несчастья, войны и битвы.

2. Обучать мальчиков и девочек, чтобы они стали хорошими гражданами современной Персии, т. е. разделяли те идеалы, которые являются идеалами нации, и сотрудничали со своими соотечественниками ради достижения этих идеалов.

3. Учить наставлением и примером, что Бог дарит свою благодать тем, у кого хорошие мысли, хорошие слова и хорошие дела²⁵, которые являются основой праведности и терпимости.

5. В средних школах, высших учебных заведениях и университете одаренная молодежь должна быть подготовлена к руководящей работе и служению государству. Ей необходимо дать представление о месте Персии в мире в прошлом и настоящем, об идеале руководства страной в области культуры, науки, технологий, бизнеса, государственной мудрости и правительстве, поднятом до такой высоты, как подобает прогрессивному государству»²⁶.

²⁴ Sadiqi, I. *Modern Persia and Her Education System*. N. Y.: Bureau of Publications teachers College, Columbia University, 1931. P. 83–84.

²⁵ Традиционное кредо хорошие мысли, хорошие речи и хорошие дела уходит своими корнями в зороастрийский этап иранской истории.

²⁶ Sadiqi, I. *Modern Persia and Her Education System*. P. 84–85.

Очевидно, что все эти положения свидетельствуют о том, что идеологической основой режима был просвещенный иранский национализм, опирающийся на наиболее славные и величественные эпохи и достижения доисламского и исламского периода его истории, а также стремление максимально быстро, органично и полно аккумулировать лучшие достижения Запада, сделав их имманентными на иранской почве. Сам же Реза-шах превратился из конституционного монарха, которым он являлся согласно Основному закону, во что-то среднее между диктатором, установившим режим личной власти, и правителем эпохи просвещенного абсолютизма.

Еще более ясное представление о том, в каком направлении следует воспитывать народ и какие идеологические постулаты внушать ему, давали классы по ликвидации неграмотности. В ходе курсов основ гражданственности и этики слушателей воспитывали в духе гражданственности, национализма, поклонения героям, верности монарху и при этом пропагандировали идеи социальной модернизации, апеллируя к успехам, достигнутым в последние годы. Таким образом, на этих занятиях, а также на многочисленных публичных лекциях, организовывавшихся для различных слоев населения, осуществлялось насыщение массового сознания основными идеологическими, политическими, социальными и прочими постулатами, на которых должно было основываться иранское общество. В ликбезах, на публичных лекциях, в учебниках для взрослых разбирались такие темы, как объединение людей для прогресса государства, необходимость уважения прав других людей, говорилось об обязанностях каждого иранца по отношению к Богу, шаху и родине²⁷. Последнее, схожее с теорией официальной народности – формулой графа С. С. Уварова «православие, самодержавие, народность», несомненно, является идеологической доктриной.

Роль шаха при этом особенно подчеркивалась, и он ставился в один ряд с великими царями и шахами прошлого: «Вся история

²⁷ Кетаб-е аввал-е акбар-е махсус. Тадрис дар келас-е аввалие-йе амужешгах-а-йе Акбар (Перая книга о важных событиях. Обучение в первом классе школ «Акбар»), Тегеран: [б. и.], 1316.С. 80, 87, 120.

Персии подтверждает следующие утверждения: когда бы ни был великий лидер, будь то Кир Ахеменид, Ардешир Сасанид, Исмаил или Аббас Сефевиды, или Надир Афшар, Персия поднималась на поле славы и находилась на пике своего могущества; иначе она попадала под иго могущественного захватчика Александра Македонского, арабов, монгола Чингиза и Тамерлана. Возрождение Персии под руководством Реза-шаха Пехлеви – еще один поразительный факт, доказывающий, что только великие люди способны вести нацию к ее (счастливой) судьбе»²⁸. Таким образом, в сознании масс Реза-шах должен был стать символом нации, ее вождем, от которого зависела судьба страны и народа.

Многие аспекты идеологии государства проявляются не только в письменных документах, но и в публичной жизни ее лидеров. Когда первое лицо государства на религиозный праздник появляется в церкви, что активно освещается СМИ, то это является четким посланием о том, что идеологией его являются консерватизм/традиционализм. В иранском случае от августейшей семьи такие послы направлялись обществу постоянно. Суверен публично посещал мечети и шиитские святыни, одновременно его жена и дочери на общественных мероприятиях появлялись в европейском платье без чадры. Когда однажды в Мешхеде при посещении гробницы имама Резы один из улемов (Мохаммад Таги Язи) начал резко выговаривать жене Реза-шаха за то, что она пришла в такое место без чадры, охрана ударила критика плеткой. Делать этого, разумеется, не следовало, но и оставить без ответа также было нельзя, поскольку императрица оделась так, как ей сказал монарх, и отступление в данном вопросе поставило бы под вопрос всю его линию на секуляризацию общественной жизни.

Идеологическую нагрузку несло и то, как одевались сам шах и наследник престола Мохаммед-Реза, получивший образование в Швейцарии, который во всех поездках по стране сопровождал Реза-шаха; и отец, и сын на общественных мероприятиях появлялись в военной форме. Особо следует подчеркнуть,

²⁸ Sadiqi, I. *Modern Persia and Her Education System*. P. 87.

что именно наследник возглавлял скаутское движение, которое являлось одним из институтов, где осуществлялась индоктринация молодежи. Скаутские организации начали создавать американцы еще в 1925 г., однако в начале 1930-х гг. они получили широкое распространение. Отряды бойскаутов формировались при школах, скаутские структуры входили в систему Министерства просвещения. При этом под угрозой исключения школьникам запрещалось вступать в организации, не ассоциированные с министерством. Бойскаутами могли становиться мальчики в возрасте от 12 до 20 лет. В 1940 г. в Иране насчитывалось более 21 тыс. скаутов²⁹. Основными ценностями, которые прививались скаутам, были патриотизм, ежедневное совершенствование хороших дел, а главным девизом было «Будь готов!». Участие в скаутском движении должно было помочь молодежи подготовиться служить Богу, шаху и стране. Однако, как отмечает А. Банани, в ходе пропагандистско-воспитательной работы «Бог был чуть ли не игнорируемым участником этой троицы»³⁰. Примечательно и то, что хотя в 1930-е гг. у Реза-шаха были хорошие отношения с Германией, идеологическое влияние нацистов существенного распространения в скаутских организациях не получило, а встреча монарха с приехавшим в декабре 1937 г. в Тегеран Бальдуrom фон Ширахом, руководителем молодежи Германского рейха, прошла для последнего весьма неудачно³¹.

Следует отметить, что в деле создания новой ментальности у подрастающего поколения Реза-шах добился существенных успехов. Об этом свидетельствуют выводы аналитической записки английского военного атташе, подготовленной под впечатлением военного парада³² в феврале 1939 г.:

²⁹ *Elwell-Sutton, L. P. Modern Iran.* London: G. Routledge & Sons, 1941. P. 131.

³⁰ *Banani, A. The Modernization of Iran. 1921–1941.* P. 107.

³¹ *Хушанг Махдави, А. Сийасат-е хареджи-йе Иран дар доуран-е Пахлави 1300–1357* (Внешняя политика Ирана в период Пехлеви 1300–1357). Тегеран: Пейкан, 1374. С. 49–50.

³² После установления новой династии в Иране Реза-шах учредил ежегодный парад в честь годовщины переворота третьего хута. То, как проходило это мероприятие и какое впечатление оно производило на членов иностранных миссий, дает определенное представление о состоянии как иранской армии, так и общества.

«До настоящего времени никто из иностранных военных атташе в качестве гостей на парад не приглашался. Несмотря на это, по их общему мнению, парад прошел в соответствии с требованиями и произвел впечатление. Иностранные дипломаты и лица, не имеющие военного опыта, высказали мнение, согласно которому форма и порядок проведения парада свидетельствуют о существенном прогрессе по сравнению с парадом прошлого года.

Обращает на себя внимание, что сразу после прохождения мимо шахской трибуны солдаты плохо соблюдают строй. Многие офицеры, лишь только их полк, построенный в колонны, идет к казармам, покидают свои места. Не принимается никаких усилий для того, чтобы солдаты подерживали строевой шаг, проходя по улицам, для того чтобы показать свою выправку.

Самой выдающейся частью всей церемонии является парад девочек и мальчиков скаутов и членов студенческих организаций. Эта молодежь при том, что четыре часа без шинелей стояла в ожидании на очень холодной погоде, промаршировала наилучшим образом. С учетом того, что указанные организации начали действовать лишь два года назад, достигнутый прогресс является достойным внимания и многообещающим в будущем»³³.

Данное описание четко показывает различие в сознании поколений, в данном случае солдат и даже офицеров, которым было от 21 года и выше, и школьников. Солдатская масса в аграрной стране, каковой был Иран к концу 30-х гг. XX в., была достаточно патриархальна, инертна, жила еще старыми традициями и представлениями. В деревню новшества приходили позднее всего и в более ограниченном масштабе. В то же время школьники – члены скаутских организаций, являлись преимущественно горожанами, а участники парадов – скорее всего, жителями Тегерана, т. е. они имели возможность быстрее и лучше впитать идеи перемен, стать теми, кого модернизация страны коснулась в первую очередь и чье сознание затронула глубже. Именно они

³³ Агели, Б. Реза-шах ва гошун-е моттахе-дульшекль (1300–1320). Тегран, 1379. С. 496.

должны были оказаться людьми модалного типа личности, который хотел создать в Иране Реза-шах.

Не удовлетворившись имевшимися институтами по идейно-политической обработке населения, в 1939 г. Министерство просвещения создало Бюро по обучению и ориентации общественного мнения. В него входили представители Министерства, Тегеранского университета, скаутской организации, Управления по цензуре прессы и организации по обучению взрослых. Задача Бюро состояла в укреплении национального духа через публикации в газетах и журналах, воспитательные программы на радио, театр, кинематограф, музыку, песни и чтения публичных бесплатных лекций по всей стране.

Хотя в арсенале лекторов имелись такие темы, как сельское хозяйство или первая помощь пострадавшему до приезда врача, преобладала другая тематика: долг молодежи в нынешнюю эпоху, верность шаху и патриотизм, личная миссия по обеспечению процветания страны, война с суевериями и пр. В 1940–1941 гг. было прочитано 7000 лекций, которые посетили 1,5 млн человек³⁴.

Оценивая деятельность данного Бюро, Е. Абрахамиян отмечал, что оно «создано по образцу пропагандистских машин фашистской Италии и нацистской Германии для того, чтобы привить национальное сознание населению через журналы, памфлеты, газеты, учебники и радиопрограммы»³⁵.

Важным элементом в идеологической доктрине Реза-шаха стало изменение ряда географических названий в начале 1930-х гг. В частности, провинция Арабестан стала называться Хузистан, Луристан превратился в Керманшах, Курдистан – в Западный Азербайджан. Таким образом убирались названия, напоминающие об этнической принадлежности этих административных единиц, где проживали племена, создававшие проблемы центральному правительству³⁶. Также были изменены названия ряда городов:

³⁴ Elwell-Sutton, L. P. *Modern Iran*. P. 147.

³⁵ Abrahamian, E. *Iran Between Two Revolutions*. P. 143.

³⁶ Понятие Азербайджан в Иране никогда не носило национальной окраски, а воспринималось как чисто географический термин.

Таблица 1

Изменение названий городов в 1930-е годы

Старое название	Новое название
Алибад	Шахи
Астрабад	Горган
Барфоруш	Баболь
Бандар Джаз	Бандар Шах
Даздаб	Захедан
Машедсар	Бабольсар
Мохаммера	Хоремшахр
Носретабад	Заболь
Солтание	Арак
Урмия	Резайе
Хазальбад	Хосроуабад
Харунабад	Шахабад
Шахре-е Торкман	Дашт-е Горган
Энзели	Пехлеви

Всего было переименовано 107 географических названий³⁷. Основной задачей переименований была замена турецких, арабских и армянских топонимов на персидские и внедрение наименований, связанных с новой династией и монархической идеей в целом.

В 1934 г. с подсказки иранского посольства в Берлине Реза-шах изменил и названия страны с Персии на Иран³⁸. В правительственном указе говорилось, что название Персия неправильное, что оно ассоциируется с недавним упадком, имевшим место при Каджарах, и распространяет на всю страну название одной из ее провинций – остана Фарс, места, где зарождалась арийская раса. Разумеется, такой поворот мыслей был стимулирован появлением гитлеровской Германии, говорившей о превос-

³⁷ Abrahamian, E. A. History of Modern Iran. N. Y.: Cambridge University Press, 2008. P. 87

³⁸ Abrahamian, E. Iran Between Two Revolutions. P. 143.

ходстве арийской расы, и начинавшимся сближением Реза-шаха с нею. Однако, безотносительно к данному обстоятельству, следует отметить, что за несколько лет до прихода Гитлера к власти в англоязычных публикациях иранских официальных лиц пояснялось, что жители страны: шииты, зороастрийцы, христиане – принадлежат к арийской расе, поэтому они сами называют свою страну не Персия, а Иран – Страна ариев. Слово Персия же пошло от греков, которые называли так южную провинцию страны, где родился царь Кир³⁹.

Официальная позиция иранских властей в связи с изменением названия страны состояла в том, что Иран с географической точки зрения охватывает обширное плоскогорье, которое в разные периоды входило в иранскую империю или значительная часть которого находилась во владении Персии. В одной из иранских нот, направленных советской стороне в феврале 1935 г., отмечалось:

«“Персия” (Иран) географически расположена на Иранском плато, которое полностью или большей частью в разные века находилось под владычеством Иранской Империи, и поэтому мы вправе своей стране присвоить имя «Иран».

С точки зрения расовых данных, страной возникновения и развития арийской расы является Иран, посему мы не можем не пользоваться этим именем»⁴⁰.

Советская сторона считала, что в основании указанного переименования страны «лежали националистические и великодержавные мотивы»⁴¹. Переименование страны вызвало негативную реакцию англичан, что отражалось в публикациях английской прессы. В частности, Таймс по горячим следам опубликовала статью «Персия должна именоваться – Иран»: «Персидскому правительству не понравились слова «Персия» и «перс», происходившие от слова «Фарс», которое означает только одну провинцию Персии, не представляющую полностью всю

³⁹ Sadiqi I. Modern Persia and Her Education System. P. 5.

⁴⁰ АВП РФ. Ф. 094. Оп. 37. Д. 84. П. 360^а. Л. 7.

⁴¹ Там же. Л. 5.

Страну. Поэтому взамен их должны быть введены слова «Иран» и «Иранец».

В такой же степени можно аргументировать, что Иранское плато включает большие районы, например, Афганистан, который совершенно определенно не является Персией, и поэтому «Иран» не лучше представляет владения шаха Пехлеви, чем это делала «Персия». Тем не менее решение принято, иностранные посольства и миссии информированы о нем и, согласно сделанному заявлению, изменение наименования должно вступить в силу с персидского или до некоторой степени иранского нового года – 21 марта.

Пока не решено, как быть с наименованиями существующих организаций и компаний, например, с «Англо-Персидской нефтяной компанией» или «Шахиншахским банком Персии»⁴². Судя по приведенному тексту, англичане оценивали переименование страны и народа как рост националистических устремлений, который создавал опасность для их позиций в Иране, тем более, после попытки Реза-шаха национализировать нефтяную компанию в 1932–1933 гг.

В то время не только идеологическое, но и философское обоснование установления новой династии также стояло на повестке дня. В период правления Реза-Шаха ходили слухи, что брату Зока уль-Молька Абдульхасану Форуги поручено разработать новую мистическую философскую концепцию в стиле абсолютной идеи Гегеля. Если Гегель считал воплощением абсолютной идеи в политическом аспекте прусскую монархию, то в иранской концепции должно было обосновываться совершенство шахиншахского правления в стране. Это вступало бы в резкое противоречие с чисто исламской концепцией правления благородных (*хокмате ашраф*). Но такая монархическая философия создана не была. Хотя в это время получили распространение различные мистические идеи суфийского толка, которые в чем-то были близки как идеям масонов, так и бабидов и даже бехаитов.

⁴² The Times. 29.01.1935.

С учетом всего изложенного очевидно, что изначально по замыслу Реза-шаха и его главного идеолога Зока уль-Молька Форуги идейной формой модернизации являлся иранский национализм, опиравшийся на традиции древнего Ирана, успехи исламского периода и достижения Западной цивилизации, превращенные в органичные и неотъемлемые элементы современного Ирана. Правда, то, что в идеологическом плане в итоге было создано, не соответствовало ни идейно-политическим взглядам Форуги, ни картине мира, сформированной в нем многолетним членством в масонской структуре Ложы Пробуждения Ирана, а также прочными связями с английским политическим истеблишментом и масонством⁴³. Но это полностью укладывалось в представления Реза-шаха о том, какую страну он собирается выстраивать.

Идеологические послы той эпохи соответствовали концепции солидаризма, ставшей основой идеологии Б. Муссолини, с проникновением государства во все аспекты жизни человека, навязыванием культа лидера как вождя нации, которому страна обязана всеми успехами, подчинением всех помыслов человека делу укрепления государства, стремлением затушевать различие интересов эксплуататоров и эксплуатируемых, объявляя всех единым иранским народом и т. п. Это было в чем-то созвучно основным лозунгам фашистской Италии: «Все для государства, ничего, кроме государства, ничего против государства», означавших, что все аспекты жизни индивида подчинены государственной власти, «вождь – мое светило», «вождь для нас» и пр.⁴⁴.

Показательными в этом плане являлись публикации иранских газет конца 1930-х гг., приуроченные к дню рождения монарха. В них указанное событие преподносилось как торже-

⁴³ Подробнее о Форуги см.: Арабаджян, З. А. Иран от революции до революции (история в лицах). М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2018. С. 34–51.

⁴⁴ Несмотря на идейное тяготение Реза-шаха к Италии и Германии, он не собирался терпеть сколько-нибудь структурированного фашистско-нацистского движения в своей стране. Об этом свидетельствует арест в 1937 г. 20 выпускников высших учебных заведений, многие из которых окончили офицерское училище, по обвинению в пропаганде фашизма и подготовке заговора против жизни шаха. Лидер группы, младший лейтенант Мохсен Джахансуз, был тайно расстрелян. См.: Abrahamian, E. Iran Between Two Revolutions. P. 155.

ство всего народа, который сердечно празднует этот день, тем самым выражая благодарность своему гениальному вождю, который не только спас Иран в последние минуты его агонии, но и повел его к стремительным достижениям и успехам⁴⁵.

Хотя Реза-шах, естественно, не дошел до главного тезиса Б. Муссолини – «Книга и ружье – идеальный фашист», но двигался по пути полной унификации всей общественной жизни страны, стремясь создать один народ, одну политическую нацию, один язык для всех этнических групп, одну культуру и одного вождя.

⁴⁵ Сетаре-е Иран. 14.03.1939.

Глава II

ПРИВОДНЫЕ РЕМНИ МОДЕРНИЗАЦИИ

С приходом Реза-шаха к власти, впервые со времени династии Сефевидов (1501–1722), иранское государство смогло полностью контролировать страну, регулировать процессы, происходящие в ней, доминировать в обществе и администрировать. Это давало возможность для проведения политики модернизации. Ее приводными ремнями и основой власти Реза-шаха были армия, бюрократия и шахский двор, который должен был патронировать процессы, происходившие в стране. Благодаря тому что монарх сосредоточил в своих руках эти рычаги, он смог начать свои реформы. Однако и сами эти институты нуждались в реорганизации и модернизации, поскольку в том состоянии, в котором они находились при Каджарах, эффективно использовать их было невозможно.

Армия и специальные службы

В Иране традиционно не существовало единой армии, поскольку она строилась на племенной основе. Во времена Ахеменидов царская Гвардия Бессметных (*лашгяр-е джавидан*) отделялась от других формирований, созданных из различных многочисленных племен, входивших в состав Персидской империи. При парфянской династии Аршакидов существовало семь древних родов, возглавлявших различные племенные группы, каждый из которых руководил войском этого народа, но все они под-

чинялись парфянскому царю. В правление династии Сасанидов армия формировалась под командованием четырех военачальников, в четырех крупных провинциях страны. Но кроме того, существовало и четыре рода войск. В случае возникновения разногласий между командующими и подчиненными им войсками, они появлялись в столице, и там происходило выяснение отношений. Соперничество шло и между двумя большими этническими общностями – персами и парфянами.

Согласно сложившейся в Иране традиции, мудрый правитель должен был иметь разноплеменное войско, чтобы не допустить выступления армии против себя и уравнивать одну часть с помощью другой. Эту мысль выразил Кей-Кавус (1021–1098), правитель провинции Табаристан, расположенной на южном берегу Каспийского моря (ныне на его территории находятся останы Мазендеран и Гилян), в своем трактате Кавус-Наме: «Не держи войско одного племени: падишах, у которого войско одноплеменное, всегда в плену у войска и всегда перед ним бессилён. Ибо одноплеменники сплочены между собой и их нельзя [применять, чтобы] наказать друг друга. Когда войско из разных племен, то это племя из страха перед другим и другое из страха перед этим не сможет послушаться, и твоя власть над войском будет крепкой. Господин, дед твой, Султан Махмуд держал четыре тысячи тюркских гулямов и четыре тысячи индийцев и постоянно наказывал индийцев при поддержке тюрков, а тюрков – при посредничестве индийцев, таким образом, оба племени были ему покорны»⁴⁶.

Во время правления шаха Аббаса I Великого (1571–1629) из династии Сефевидов в армии начали происходить некоторые перемены. Шах считал, что вооруженные формирования, составленные из разных народов, все-таки способны объединиться против него. С целью предотвращения подобного он наряду с кизилбашской конницей создает из обращенных в ислам шиитского толка армян, грузин и черкесов регулярные хорошо обученные части, которые соответствовали военным потребностям того времени.

⁴⁶ Энциклопедия персидско-таджикской прозы. Душанбе: Глав. науч. ред. таджикской научной энциклопедии, 1986. С. 101.

Такой же политики уравнивания придерживался и Надир-шах Афшар, который к концу своего царствования создал в армии многочисленные формирования афганцев под командованием Ахмад-хана Абдуллы и старался, чтобы афганские и персидские формирования соперничали друг с другом. Известно, что однажды он сказал группе персидских военачальников: «Афганцы вроде бы выпрямили свои мечи, а вы свои скривили!» На это один из военных ответил: «Ваше величество, наши кривые мечи – они-то и выпрямили афганские!»⁴⁷ Говорят, что Надир-шах крепко задумался над этой мыслью, но в ту же ночь был зарезан именно этими кривыми мечами.

У династии Каджаров также имелись как регулярные, так и иррегулярные формирования. Первая попытка создать регулярную армию по европейскому образцу была предпринята наследником престола Аббас Мирзой в 20-х гг. XIX в. В качестве инструкторов, под руководством которых проходила военная реформа, выступали английские офицеры. Однако результативность этих преобразований была низкой, и при столкновении с русской армией иранская армия потерпела поражение. В дальнейшем из-за придворных интриг и скорой смерти Аббас Мирзы в 1835 г. (раньше его отца Фатх Али-шаха) армейская реформа была свернута.

Регулярные войска Каджаров формировались по принципу подворной воинской повинности (*бонице*). Иррегулярные были чем-то вроде ополчения и состояли из конницы, набиравшейся, главным образом, из ханов, владевших земельными наделами и поместьями, которые проживали в столице или в приграничных районах. В чем-то эти формирования были схожи с дворянской конницей в России XVI–XVII вв. Также существовало и ополчение кочевых племен, которое должно было собираться на зов шаха.

Принцип соперничества между различными воинскими формированиями существовал и при последних Каджарах, когда оно только усилилось. Наряду с традиционными иранскими *фоджами*

⁴⁷ Бахар, М. Т. Тарих-е мохтасар-е ахзаб-е сийаси-йе Иран. С. 136.

(полками), фактически являвшимися полурегулярными частями наподобие русских стрелцов, поскольку воинскую службу несли только шесть месяцев в году, а остальное время занимались своими делами, и феодальным ополчением появились и две действительно регулярные части – казаки и жандармы. Казачья бригада была сформирована в 1879 г. В ней командные посты занимали русские офицеры⁴⁸. Поскольку иранские власти, особенно либералы, считали персидских казаков главной опорой деспотической монархии и инструментом российского влияния, в 1906–1909 гг. были созданы и части жандармерии, которыми руководили шведские офицеры⁴⁹. Выбор на них пал потому, что Швеция не имела существенного влияния в стране, в силу чего Англия и Россия, занимавшие исключительные позиции в Иране, не возражали против них. Соперничество между казаками и жандармами было крайне острым. В годы Первой мировой войны случались прямые боестолкновения. Неприязненные отношения между ними оставались и в послевоенный период. Во время переворота третьего хута (февраль 1921 г.), когда Реза-хан вел казачий отряд на Тегеран, им должны были противостоять именно жандармы, которые после выхода из подчинения правительству в годы Первой мировой войны были переименованы в амние. Наряду с казаками и жандармами при Ахмед-шахе в Тегеране постоянно присутствовал и отряд из нескольких сот бахтиарских всадников. Кроме этих формирований на юге Ирана в годы Первой мировой войны англичанами (Перси Сайксом) были созданы части южно-персидских стрелков, в которых командные посты занимали английские офицеры. Официальным обоснованием их появления в 1916 г. стала необходимость борьбы с племенами и германо-турецкими агентами на юге Ирана. Однако, учитывая, что англичане не распустили данное формирование после ее окончания, несомненно, южно-персидские стрелки являлись одним из средств обеспечения британского контроля на юге страны.

⁴⁸ Подробно по истории персидской казачьей бригады см.: *Тер-Оганов, Н. К.* Персидская казачья бригада 1879–1921. М.: ИВ РАН, 2012.

⁴⁹ В то время жандармские части в Иране были именно регулярной воинской частью и не несли полицейских функций, как в большинстве стран мира.

Проблема существовавшей армейской системы состояла в том, что казаки, жандармы, южно-персидские стрелки, традиционные полки (*фоджи*), воинские формирования воинственных племен (бахтиаров, кашкайцев, курдов, луров, туркмен и др.) существовали как бы сами по себе. Племенные ополчения были слабо управляемыми, они подчинялись только своим вождям и зачастую откликались на призывы правительства и монарха в том случае, если участие в военных действиях соответствовало интересам племени, а чаще – интересам его ильханов. Их военная подготовка являлась лишь побочным продуктом того сурового и тяжелого образа жизни, который им приходилось вести. В иранских вооруженных силах не существовало единого военного командования, унифицированных стандартов подготовки офицеров, унтер-офицеров и солдат, равно как и стандартов вооружения, принципов ведения боя и даже униформы.

Идея создания единой армии начала обсуждаться в 1919 г., что объяснялось подписанием Англо-персидского соглашения, официально превращавшего Иран в английский протекторат. Одним из положений указанного соглашения была передача всех вооруженных сил страны под управление англичан. Естественно, в таких условиях им было бы легче руководить объединенными вооруженными силами и контролировать их, а не разрозненные полуфеодалные лоскутные отряды, находившиеся в отношениях соперничества друг с другом. Тогда даже была создана комиссия, которая должна была заниматься указанным вопросом.

Данную идею поддерживал и Сеид-Зия во время своего трехмесячного пребывания на посту премьер-министра. После того как в июне 1921 г. начал работу Меджлис четвертого созыва, заручившись его согласием, Реза-хан, бывший тогда военным министром и понимавший, что пока армия не будет объединена в единую структуру под его руководством, никакого порядка в стране навести не удастся, начал предпринимать практические шаги в заданном направлении. Создание единой армии поддерживал и премьер-министр того времени Кавам ос-Салтане. Поскольку в свое время он был одним из инициаторов создания жандармерии, то он и старался усилить именно ее и выступал

за создание на ее основе новой армии. Но как ему было присуще, действовал он неспешно и не планомерно. Кавам ос-Салтане считал, что жандармерия является лучшей военной частью Ирана, что там служат самые профессиональные, патриотически ориентированные молодые офицеры.

В отличие от него, Реза-хан, желавший сделать ядром новой армии казачьи части, в которых он служил не менее 20 лет, действовал быстро и последовательно. Он совмещал пост военного министра с должностью командира казачьей дивизии и хотел бы сделать казаков центром создания новой армии. Примечательно, что многие из иранских авторов в прошлом и сегодня противопоставляют этих двух государственных деятелей и их мотивацию. В частности, Б. Агели пишет: «С точки зрения Кавама ос-Салтане, сила армии была нужна исключительно для поддержания территориальной целостности Ирана, а Сардар Сепях считал свое усиление необходимым (условием) для (реализации) своих планов в будущем»⁵⁰. Как данный автор, так и другие, например М. Т. Бахар⁵¹, оценивают события с точки зрения постправды, когда результаты происходивших когда-то событий уже давно известны. Кроме того, они оба крайне негативно оценивают Реза-шаха и результаты его деятельности. Первый автор творил в эпоху, когда все, что происходило при монархии, было принято подвергать жесточайшей критике. Второй же был участником многих событий 20–30-х гг. XX в. и в отдельные периоды даже поддерживал Реза-хана, а открыто критиковать его стал много позже. Объективно же нет оснований говорить, что в середине 1921 г. Реза-хан, только-что появившийся на политической сцене Ирана, уже имел далеко идущие планы занять пост премьер-министра и впоследствии иранский престол. Преподносимый указанными авторами в качестве бессеребрянника Кавам ос-Салтане также не был ангелом, отличался огромным честолюбием и рвался к высшим государственным постам. Достаточно отметить, что он пять раз занимал пост премьер-министра, причем последний – в 1952 г. в возрасте 76 лет.

⁵⁰ Агели, Б. Реза-шах ва гошун-е моттахедульшекль (1300–1320). С. 108.

⁵¹ Бахар, М. Т. Тарих-е мохтасар-е ахзаб-е сийаси-йе Иран. С. 137.

В итоге было решено, что создание новой армии будет производиться не путем поглощения одного формирования другим, а путем их слияния. Кавам ос-Салтане добился того, что силы полиции, находившиеся под управлением шведских офицеров, не были переданы под управление объединенных вооруженных сил. Реза-хан после многочисленных переговоров и выступлений перед старшими офицерами жандармерии получил их согласие на слияние двух групп, и в начале января 1922 г. военный министр издал соответствующий указ. Согласно указу, создавался Штаб армии и Военный совет при штабе армии, состоящий из пяти управлений, а также пять дивизий общей численностью 30 тыс. человек. Названия казак и жандарм упразднялись, их использование запрещалось. Каждой воинской части давался свой номер и название. Большинство военных, вошедших в состав данного органа, были в прошлом связаны с Реза-ханом и/или служили в казачьей дивизии.

Следует отметить, что штаб армии занимался не только реформой вооруженных сил и их переформатированием, но и реформой военной терминологии, вычищая иностранные слова и заменяя их персидскими (см. табл. 2)⁵².

Таблица 2

Примеры реформирования военной терминологии

Старое название	Новое название	Перевод на русский язык
Дивизиун	Лашгяр	Дивизия
Бригад, атрияд	Тип	Бригада
Режиман	Фоудж	Полк
Баталиун	Гордан	Батальон
Батри	Атешбар	Батарея
Эскадран	Бахадоран	Эскадрон
Митральюз	Мосальсаль	Пулемет
Атамажор	Оркан-е харб	Штаб армии

⁵² Агели, Б. Реза-шах ва гошун-е моттахе дулышкель (1300–1320). С. 111.

Это отвечало националистическим чувствам Реза-хана, общей линии его политики и соответствовало намерению по очистке персидского языка задолго до создания им Фархангестана в 1935 г. Не все из введенных тогда терминов прижились. В частности, вместо *оркан-е харб* сейчас используется *сетаде артеш*, слово *бахадоран* считается устаревшим, а вместо *фоудж* используется слово *ханг*. В некоторых случаях старые военные термины заменялись на европейские, приспособленные к персидскому языку: *афсар* (офицер) вместо *сахеб-е мансаб*. Иногда вводились совершенно новые, специально придуманные слова: *артеш* (армия) вместо традиционного слова *гошун*⁵³.

Силловые структуры, в первую очередь вооруженные силы, воспринимались Реза-шахом как основная опора и главный источник мощи и стабильности его режима. Они состояли из трех неравных частей: армии, амние (сельской жандармерии) и полиции.

Принципиальным отличием от старой армии был принцип формирования вооруженных сил. Если раньше под знамена шахской армии собирались отряды воинственных племен, или бониче, то при Реза-шахе армия стала формироваться на основе воинского призыва. Закон об обязательной воинской службе был принят в мае 1925 г. и с 1926 г. начал проводиться призыв. Срок службы под ружьем составлял 2 года, но лица, достигшие призывного возраста и обучавшиеся в это время в средней школе или университете, получали отсрочку до конца обучения. При этом срок службы для имеющих диплом об окончании полного курса средней школы составлял лишь год. Это давало возможность привлекать молодежь из деревень, небольших городов и кочевых племен. Начиная с 1939 г. всем школьникам 10–12 классов рекомендовалось пройти курс начальной военной подготовки в объеме не менее четырех часов в неделю, в ходе которого их учили маршировать, знакомили с оружием и основами военной доктрины. Эти занятия проводились офицерами, специально направленными в школы⁵⁴.

⁵³ Так, в персидско-русском словаре М. А. Гаффарова слово *артеш* отсутствует, а слово *гошун* означает «войско, армия». См.: Гаффаров, М. А. Персидско-русский словарь. Т. 1. М., 1914. С. 19, 628.

⁵⁴ Banani, A. The Modernization of Iran. 1921–1941. P. 107.

Подлежащими воинскому призыву считались лица в возрасте от 21 до 45 лет⁵⁵. При этом двадцатипятилетний срок службы разделялся на пять этапов: два года действительная служба, четыре года – активный резерв, шесть лет – первичный резерв, семь лет – вторичный резерв и заключительные шесть лет – в статусе ополченца. Отслужившие действительную службу время от времени призывались на военные сборы. Молодым людям с рабочими специальностями, не отслужившим в армии, очень трудно было получить работу, если только они не имели документа об освобождении от воинского призыва.

Служба в новой армии давала возможность пропускать через этот современный, хотя и достаточно специфический, институт большое количество людей, в той или иной степени приобщая их к происходившим в стране переменам. Прежде всего, в ходе двухлетней службы в армии неграмотная молодежь, призванная из деревень, и особенно из районов проживания кочевых племен, обучалась читать и писать, а также получала первичные профессиональные навыки. Поскольку воинские части располагались преимущественно в городах, то призывники из отдаленных районов впервые получали возможность увидеть город, как-то приобщиться к преимуществам городской жизни. Многие после окончания срочной службы стремились остаться жить в городе. Сознание солдат за два года службы изменялось под влиянием пребывания в городской среде, они в какой-то степени проникались духом постепенно вестернизовавшихся городов. Когда демобилизованные в армейской форме со знаками различия возвращались домой, многие из их соплеменников впервые видели какие-то признаки вестернизации и перемен в стране. Несомненно, призывная система, созданная Реза-шахом, постепенно способствовала унификации общества, перемешиванию представителей разных социальных групп (горожане, крестьяне, племена), постепенно превращая то, что ранее можно было считать конгломератом, в сплав, нарушая изолированное положение многочисленных медвежьих углов. Несмотря на преимущества, давав-

⁵⁵ Sadiqi, I. *Modern Persia and Her Education System*. P. 24.

шиеся воинской службой, среди народа она воспринималась как нечто нежелательное, приезд призывной комиссии в деревню или на стоянку кочевников считался большим несчастьем.

Пропаганда важности и пользы воинской службы велась в Иране очень широко. Так, «Журнал де Техран» от 8 февраля 1940 г. поместил статью под названием «Воспитательное значение воинской службы», в которой отмечалось:

«Лучшей школой является та, которая воспитывает все способности человека и подготавливает его к жизни. Если согласиться с этим принципом, то военная служба является наилучшей школой, так как она дает возможности развить таланты и способности иранского народа и обеспечить будущее нации... Военная служба, представляя собой единство воспитания и образования, уничтожает разницу вкусов и воспитывает во всех членах нации один и тот же идеал, одну и ту же воинственную силу.

Военная служба имеет еще одно огромное значение: она сближает классы населения. Крестьянин знакомится с горожанином, мелкий торговец с культурными людьми, ремесленник сближается с купцами. Здесь выковывается национальное единение, являющееся базой социального и политического могущества нации...

В нашу блестящую эпоху, начало которой положило третье эсфанда 1299 г., (имеется в виду переворот третьего хута, происшедший в ночь с 20 на 21 февраля 1921 г. – З.А.) проведение многочисленных социальных реформ способствовало созданию сильного поколения и возрождению славы нашей страны. Самой большой из этих реформ явилось введение воинской службы»⁵⁶.

Данная публикация показывает не только усилия власти по пропаганде армейской службы по призыву, но и ясно демонстрирует солидаристские тенденции иранской идеологии, направленные на формирование гомогенной, якобы единой нации без классового антагонизма.

Следует отметить, что закон о воинской службе по призыву постоянно радикализировался, вовлекая в армию все большие

⁵⁶ Цит. по: АВП РФ. Ф. 94. Оп. 24. П. 68. Д. 31. Л. 15–16.

социальные группы. Так, законом от 1925 г. от призыва на два года в армию освобождались судьи шариатских судов, улемы, толлабы медресе, христианские, иудейские и зороастрийские священнослужители, однако после поправок, внесенных в 1938 г., представители всех этих категорий должны были отслужить в армии, после чего освобождались от воинских сборов и пребывания в резерве⁵⁷.

В соответствии с многовековой традицией в Иране не существовало учебных заведений по подготовке офицеров, которыми становились по праву благородного происхождения или по выслуге лет и в награду за подвиги, совершенные в ходе военных действий. Некоторые представители молодежи из обеспеченных слоев, желавшие избрать военную карьеру, отправлялись на учебу за границу. Большой популярностью пользовалась учеба в России. В частности, российские военные училища закончили Абдул Хосейн-хан Теймурташ, генерал Аманолла Джаханбани, генерал Мохаммед Хосейн Айром, генерал Махмуд Айром⁵⁸.

Ситуация начала меняться только в 1918 г., когда по инициативе Хасана Пирния Мошира од-Доуле, в то время занимавшего пост военного министра в кабинете Мостоуфи уль-Мамалека, было создано первое в стране офицерское училище. Его выпускниками стали многие офицеры, позднее занимавшие важные посты в иранской армии, в том числе генерал-полковник Хадж Али Размара, дослужившийся до должности начальника генерального штаба и занимавший пост премьер-министра страны в 1950–1951 гг.

В ходе военной реформы Реза-шах безжалостно избавлялся от офицеров, получавших свои чины по наследству или благодаря наличию того или иного титула, в частности он уволил всех принцев из династии Каджаров, считавших себя большими специа-

⁵⁷ Banani, A. The Modernization of Iran. 1921–1941. P. 56.

⁵⁸ Автору не удалось выяснить, в какой степени родства находились Махмуд Айром и Мохаммед Хосейн Айромом. Однако то, что первый родился в 1876 г., а второй – в 1882 г., они оба проходили военное обучение в России и то, что в семье Айромов по традиции большая часть юношей начинала службу в персидской казачьей бригаде, позволяет предполагать их достаточно близкое родство (https://fa.wikipedia.org/wiki/%D9%85%D8%AD%D9%85%D8%AF%D8%AD%D8%B3%DB%8C%D9%86_%D8%A2%DB%8C%D8%B1%D9%85).

листами в военном деле. Также он избавился почти от всех иностранных офицеров, за исключением небольшой группы шведов и офицеров бывшей царской армии (преимущественно из казаков, немцев и грузин), не желавших возвращаться в Советский Союз и принявших иранское гражданство.

Понимая огромное значение высокопрофессионального офицерского корпуса, Реза-шах начал реформу всей системы подготовки кадровых военных. При Военном министерстве была создана ведомственная средняя школа, выпускники которой имели право поступать в реорганизованное военное училище⁵⁹. Также право поступления в училище имели лица с дипломом полного цикла средней школы. Курсанты проживали в казармах на полном государственном обеспечении. Обучение в военном училище проходило в течение двух лет, а выпускникам присваивалось звание лейтенантов одного из трех родов войск: кавалерии, пехоты или артиллерии. Наиболее престижным в то время считалось учиться на артиллериста.

Также были основаны и летные школы в Ахвазе и Мешехе, где учились как военные, так и гражданские летчики. В качестве инструкторов выступали главным образом иностранцы, чаще французы или немцы, но монополии одной страны в обучении летному делу не было.

В 1934 г. Реза-шах принял решение о создании Военного университета. В связи с общей ориентацией в сфере образования на французские образцы, и в этом вопросе было решено обратиться к французам. После переписки между МИД двух стран в Иран приехала группа французских военных из восьми человек во главе с генерал-полковником Франсуа Жандром. Офицеры этой группы были специалистами в области пехотных войск, артиллерии, связи, фортификации и финансов. К ним присоединились три французских офицера, ранее уже прикомандированных к иранским вооруженным силам, среди которых был и военный картограф. Они составили костяк преподаватель-

⁵⁹ В некоторых работах его ошибочно именуют Военной академией (см.: *Sadiqi, I. Modern Persia and Her Education System*. P. 75). В действительности Военная академия была создана позднее.

ского состава университета, под который было передано заранее построенное для него здание в районе Баге Шах.

Военный университет был торжественно открыт в октябре 1935 г. С этого времени для получения чина от полковника и выше офицеру нужно было пройти обучение в нем или в иностранном высшем военном учебном заведении. Первым начальником университета стал генерал-лейтенант Джахамбани, но его вскоре сменил генерал-лейтенант Заргами. Генерал Жандр руководил составлением учебных программ. В университете имелось два факультета: командный и штабной. Обучение на командном факультете длилось год, а на штабном – два года. Штабной факультет считался более престижным в связи с его большей ориентацией на интеллектуальные аспекты руководства вооруженными силами. Для того, чтобы подчеркнуть это, форма его слушателей отличалась тем, что околышек на фуражке был черного цвета, а на левом плече располагался аксельбант.

Одним из заместителей начальника университета по научной работе был генерал Размара, который преподавал картографию, географию и тактику. За несколько лет под его руководством и при его непосредственном участии, в том числе и в полевых экспедициях, была выпущена работа «Военная география Ирана»⁶⁰.

До падения режима Реза-шаха командный факультет окончил 96 человек, а штабной – 161. В 1939 г. сразу после начала Второй мировой войны французские военные покинули Военный университет и все преподавательские места были заняты иранскими офицерами.

Другим источником пополнения офицерского корпуса стало обучение за границей. Еще в 1922 г. военное министерство провело через Меджлис решение о выделении 671 600 франков на обучение 60 офицеров в военных учебных заведениях Франции, а также 180 000 кран на транспортные расходы⁶¹. Выбор в пользу Франции определялся тем, что ее армия после Первой

⁶⁰ Джюграфия-йе незами-йе Иран (Военная география Ирана) / Под ред. Х. А. Размара. Т. 1. Тегран: Дайере-йе джюграфияи-йе сетад-е арташ, 1320.

⁶¹ Banani, A. The Modernization of Iran. 1921–1941. P. 55.

мировой войны считалась лучшей в мире. По решению от 1922 г. курсанты командировались во Францию в течение 10 лет. После создания Военной академии практика направления ее лучших выпускников на обучение в привилегированные высшие учебные заведения Франции Сен Сир или Колледж для штабных офицеров продолжилась. Сен Сир, в частности, закончил Хадж Али Размара, а Колледж для штабных офицеров – Хасан Арфа.

Численность иранской армии с 1926 по 1941 г. возросла с 40 до 127 тыс. человек – с 5 до 18 дивизий, а расходы на ее содержание увеличились в пять раз⁶². С учетом того, что значительная часть страны представляла собой горные массивы, особое внимание уделялось созданию горных частей и особенно горной артиллерии. Возможно, это было вызвано потребностями войн со своенравными кочевыми племенами, проживавшими главным образом в горных районах. На вооружении иранской армии находилось 100 танков, произведенных на чешских заводах Шкода и весьма скромные ВВС. Всего в Иране имелось около 200 самолетов, преимущественно английских и в меньшей степени американских⁶³. В конце 1930-х гг. стали поступать и немецкие. В основном это были гражданские, не слишком современные по тем временам машины.

Военно-морской флот был представлен двумя канонерскими лодками водоизмещением 950 тонн, вооруженными 4-дюймовыми орудиями и четырьмя шлюпами, оснащенными 2-дюймовыми орудиями. Все суда были итальянской постройки и развивали скорость до 15 узлов⁶⁴. Разумеется, оказать серьезного сопротивления в войне они не могли, но успешно использовались для борьбы с пиратством в Персидском заливе, чем раньше занимался английский флот. В основном для службы во флоте набирались арабы из прибрежной провинции Хузистан, вероятно, по причине большего знакомства с морем, чем жители внутренних районов Ирана. Офицеры для военных судов проходили подготовку в Военно-морской академии в итальянском Ливорно.

⁶² *Abrahamian, E. Iran Between Two Revolutions. P. 136.*

⁶³ *Elwell-Sutton, L. P. Modern Iran. P. 74.*

⁶⁴ *Ibid. P. 75.*

Появление столь скромного по сравнению с великими державами военного флота может показаться совершенно незначительным событием, однако это не вполне так, если сравнить данное событие с первой попыткой Ирана обзавестись современным торговым флотом, предпринятой в 1885 г., когда в Германии за 30 тыс. фунтов были приобретены два судна «Персеполис» и «Суса», содержание которых обходилось в 3,5 тыс. фунтов в год⁶⁵. Тогда иранские экипажи оказались неспособны управлять ими даже под руководством иностранных капитанов, и корабли стояли на приколе в портах Персидского залива.

Такая политика в оснащении вооруженных сил (танки чешские, корабли итальянские, авиация английская, американская, французская, советская и немецкая) ясно показывает стремление Реза-шаха максимально диверсифицировать свои связи в данной области, чтобы избежать зависимости от одной из держав.

При Реза-шахе вооруженные силы находились на привилегированном положении, он привязывал их к своему режиму множеством способов, обеспечивая верность и лояльность. Показывая особое положение военных в обществе, он надевал мундир на все официальные публичные мероприятия. Сыновья Реза-шаха, в том числе наследник престола Мохаммед-Реза, также получили военное образование. Последний с 1940 г. служил специальным инспектором вооруженных сил. Часть земель, полученных в результате конфискаций у противников его режима, Реза-шах продавал военным по заниженным ценам. Жалование офицеров было выше, чем у гражданских чиновников аналогичного уровня. Подчеркивая значение армии, он распорядился построить в престижном районе Тегерана роскошное здание офицерского собрания. Кроме того, Реза-шах выстроил эффективную связь через генералов Генерального штаба между своим военным бюро, действовавшим при дворе, и военными командующими на местах.

Примечательно, что при назначении на те или иные армейские должности, особенно должности новых командиров дивизий, он часто отдавал предпочтение офицерам и генералам, кото-

⁶⁵ Уилс, Ч. Дж. Современная Персия. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1887. С. 273–274.

рых знал по своей службе в рядах казачьей дивизии. Наряду со всеми указанными действиями по поднятию авторитета армии в глазах общества и с поощрением офицерства, он очень жестко наказывал военных за малейшее непослушание.

Военные расходы ежегодно составляли около трети государственного бюджета, и некоторые авторы, отмечая в целом положительное влияние появления современной армии как института и одного из средств модернизации, считают такой перекося в сторону армии чрезмерным. В частности, А. Банани пишет: «С другой стороны, насильственное вторжение Союзников в августе 1941 г. показало, что она (иранская армия. – З.А.) оказалась совершенно неспособна вести продолжительную полномасштабную войну против сильных противников. Следовательно, массивное инвестирование средств, людских и материальных ресурсов и времени за счет других жизненно необходимых потребностей может рассматриваться как ошибочное решение. Однако в созданной атмосфере сильного национализма такая ошибка была почти неизбежна»⁶⁶.

Данное суждение выглядит спорным, поскольку в Иран вторглись одновременно с севера и юга армии сразу двух из шести существовавших в то время великих держав. Если придерживаться такой логики, то следует сказать, что инвестиции Наполеона III в свою армию были совершенно напрасными, раз она проиграла пруссакам в 1870 г., причем Франция потерпела поражение всего за один месяц: война началась 1 августа 1870 г., а уже 1 сентября 1870 г. произошла катастрофа под Седаном и пленение Наполеона III. Вторая мировая война началась с нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г., численность вооруженных сил которой составляла около 1 млн человек, а уже 17 сентября 1939 г. польское правительство покинуло свою страну и находилось в Румынии.

Таких примеров в истории можно найти много. В иранском случае армия сопротивления не оказывала. В день вторжения Союзников Реза-шахом было проведено совещание с генера-

⁶⁶ Banani, A. The Modernization of Iran. 1921–1941. P. 58.

литетом. Почти все его участники, желая угадать мнение монарха, предлагали организовать ожесточенное сопротивление. Однако генерал Хадж Али Размара, приведя соответствующие расчеты, основанные на точном учете и анализе сил и средств противоборствующих сторон, доказывал, что иранская армия сможет сопротивляться не более одной недели. По истечении этого срока она просто перестанет существовать. Фактически его точку зрения принял шах: формально иранской армии было приказано оказать сопротивление, а на практике войска свои казармы не покинули. Это решение позволило сохранить иранскую армию, что дало возможность во время Второй мировой войны успешно бороться со вспомнившими о прошлой вольнице ханами кочевых и полукочевых племен, а после ее окончания подавить силы сепаратизма, поднявшие голову в Азербайджане и Курдистане.

Другой частью силового блока была амние (жандармерия). Она находилась в ведении Военного министерства. Центральное подразделение амние состояло из трех управлений: по связям с кабинетом министров, бухгалтерское и интендантское. Существовало пять территориальных подразделений, которые полностью совпадали с военными округами, а их начальники подчинялись командующим военных округов. В основном подразделения сосредоточивались в сельской местности. Их задачей было обеспечивать порядок, безопасность дорог и линий связи с центром, а также помогать в сборе текущих и просроченных налогов. Для обеспечения оперативной связи с центром и регионами в распоряжении амние имелись 12 самолетов Сессна. Ее солдаты также служили на основании воинского призыва и жили в казармах. В отличие от армии, имевшей униформу цвета хаки, подразделения жандармерии носили голубые мундиры. Жандармерия размещалась небольшими группами по 6–10 человек в отдаленных районах страны, ее выучка и дисциплина были существенно ниже по сравнению с армейскими частями. Отношение к жандармерии среди населения было значительно хуже, чем к армии, хотя ее заслуги в борьбе с восстаниями племен и бандитизмом признавались.

Наряду с армией и амние в рамках силовых структур действовала и полиция. Сразу после того, как Реза-хан стал пре-

мьер-министром, он перевел Главное полицейское управление из подчинения МВД в подчинение Военного министерства, которое продолжал возглавлять лично до момента восшествия на престол. Если армии Реза-шахом придавалась роль подавления крупных вооруженных выступлений против него, особенно кочевых племен, то одной из основных функций полиции и служб безопасности было поддержание порядка в городах, борьба с криминалом, выявление, нейтрализация и запугивание политических противников Реза-шаха. В связи с этим иранские спецслужбы слабо ориентировались на работу за рубежом, а концентрировались на вопросах внутренней безопасности, в первую очередь на слежку и борьбу с конституционалистами, сторонниками духовенства, левыми партиями и их активистами, видными вождями племен. Особое внимание уделялось контролю за прессой и слежке за крупными политическими деятелями самого режима. Контрразведка, работавшая против иностранной агентуры, была развита значительно слабее.

С 1931 по 1936 гг. Генеральное управление полиции возглавлялось генералом Мохаммед Хосейном Айромом, одним из первых решений которого стало создание в рамках полиции Политического управления, которое сосредоточило свое внимание на тотальной слежке за видными политическими деятелями режима. Результатом деятельности этого управления стал арест таких крупных фигур, как Теймурташ, принц Фируз, Сардар Асад и др. Сам генерал Айром своим высоким положением и усилением авторитета также стал вызывать подозрения у Реза-шаха, но сумел заблаговременно покинуть Иран под предлогом необходимости лечения в Европе и стал невозвращенцем, хотя шах и правительство направляли ему предложение вернуться.

Бюрократия и двор

Другой опорой государства Реза-шаха стала бюрократия. При Каджарах правительство, казалось бы, должно было быть всесильным, поскольку его власть, по крайней мере до Конституционной революции, ничем не ограничивалась. Однако в действи-

тельности оно оказывалось крайне слабым как по причине отсутствия адекватных институтов и органов для управления страной, так и из-за принципа формирования: в правительстве откровенно царили фаворитизм, борьба олигархических группировок, движимых своими эгоистическими интересами. На многие ответственные посты (министры, губернаторы провинций и пр.) назначались многочисленные члены династии Каджаров вне зависимости от их деловых качеств и даже возраста. В частности сын Насер эд-Дин-шаха Зелль ос-Солтан был назначен правителем Мазендерана в 13 лет. Все эти люди использовали свои посты в первую очередь для личного обогащения, что в те времена ассоциировалось с приращением своих земельных владений.

После превращения абсолютистской монархии в конституционную ситуация существенно не изменилась: старые правящие группировки принцев, феодалов, вождей племен не утратили своих позиций. Изменился лишь механизм их доступа к желаемым должностям. В частности, при выборах в Меджлис, от которого зависели многие важные назначения, они использовали свою власть и влияние как землевладельцев, хозяев торговых рядов и т. п., для влияния на избирательный процесс. Они проводили в парламент зависимых от них людей, которые впоследствии принимали решения в пользу своих покровителей или избирались сами. Взятничество и коррупция пронизывали государственный аппарат на местах и в столице сверху донизу и не считались чем-то предосудительным. Достаточно отметить, что и сам Ахмед-шах часто получал богатые денежные подарки от желавших занять тот или иной пост, получить откуп на сбор налогов в какой-либо провинции или другую синекуру.

В декабре 1922 г. Меджлис принял закон о гражданской службе, которым определялись критерии для поступления на государственную службу: возраст, гражданство, образование, уровень компетенции. Также указывался перечень экзаменов, которые необходимо сдавать при поступлении и во время работы в государственных органах, вводился табель о рангах государственных служащих и порядок их продвижения по службе. Особо огова-

ривались виды наказания за проступки, некомпетентность и коррупцию. Также четко прописывались меры поощрения и социальных гарантий, включая размеры пенсий и социального обеспечения и льгот в случае полной или частичной утраты трудоспособности по причине выполнения служебных обязанностей.

Как только Реза-шах стал премьер-министром, он начал проводить серьезное упорядочение всей системы государственного управления. При этом первоначально все происходило в рамках конституции так, чтобы не оттолкнуть от себя немалую группу интеллигенции. Поскольку ощущалась нехватка квалифицированных кадров для государственной службы, в 1932 г. МВД приняло решение об организации специальных классов и курсов для повышения их профессионального уровня. Лица, прошедшие через такие курсы и классы, получали преимущество при назначении на более высокие должности. Другой привилегией выпускников таких классов стал их прием на службу без трехмесячной неоплачиваемой стажировки.

Была ликвидирована практика, при которой центральные министерства существовали вне четкой вертикали власти на местах, отменены бесчисленные наследственные титулы и должности: *мирза* (писарь, секретарь), *мостоуфи* (счетовод, финансовый помощник), *мошир* (советник, консультант) и др. Вместо этого была создана четкая структура правительства из 10 гражданских министерств: иностранных дел, внутренних дел, финансов, юстиции, торговли, просвещения, почт и телеграфа, транспорта, сельского хозяйства и промышленности, в которых на постоянной основе служили около 90 тыс. чиновников⁶⁷. Из этих министерств наиболее мощным было Министерство внутренних дел, которое курировало самый широкий спектр вопросов и ведомств: полиция, здравоохранение, проведение выборов, контроль за администрацией на местах, проведение воинского призыва.

В рамках административной реформы была заменена старая система деления на провинции. Вместо эялатов (крупных

⁶⁷ *Abrahamian, E. Iran Between Two Revolutions. P. 136.*

провинций) и бесчисленных вилаетов (мелких административных единиц) были образованы 11 останов – провинций. Они состояли из 45 шахрестанов (округов). В свою очередь, каждый шахрестан состоял из бахшей – городских муниципалитетов и дехестанов – сельских районов. Также была введена четкая система управления этими образованиями (см. табл. 3).

Таблица 3

Административные единицы и управление ими

Административная единица	Руководитель административной единицы
Остан (провинция)	Генерал-губернатор
Шахрестан (округ)	Губернатор
Бахш (городской муниципалитет)	Мэр
Дехестан (сельский район)	Совет, назначаемый МВД

Новая административная система дала доступ государству во все части страны и сделала легко управляемыми даже самые отдаленные глухие медвежьи углы Ирана. Поскольку все чиновники в провинциях (губернаторы, мэры городов, руководители местной полиции и пр.) назначались Министерством внутренних дел, то установившаяся жесткая система не давала возможности для какой-либо инициативы на местах. Все действия осуществлялись только по команде из Тегерана. В то же время качество управленческого персонала по сравнению с предыдущей эпохой существенно возросло, вместо титулованной аристократии и принцев управленческие позиции занимали выходцы из средних городских слоев, в глазах которых государственная служба считалась весьма престижной.

Разумеется, не следует переоценивать качество управленческого персонала при Реза-шахе, поскольку, несмотря на серьезные наказания за коррупцию, она не только продолжала существовать, но иногда и проникала на высокие уровни власти. Так, в 1936 г. в Министерстве транспорта имело место расхищение казенных средств в больших масштабах, в которое оказался вовлечен сам министр, что повлекло принятие закона, ужесточав-

шего наказания за коррупцию и растраты⁶⁸. Данная ситуация свидетельствует о том, насколько сложно было переломить глубоко укоренившиеся в государственном аппарате традиции личного обогащения за счет государственной казны.

Патронаж шахского двора над процессами и людьми осуществлялся через рост личного богатства Реза-шаха. Он происходил из семьи мелкого мазендеранского помещика и был совсем не богат, живя на скромную зарплату офицера казачьей бригады. Однако по мере вхождения в политическую элиту страны его состояние существенно возрастало, и к концу царствования шах стал самым богатым человеком в Иране. Д. Уилбер считает, что он оставил своему наследнику в иранских банках средства, эквивалентные 3 млн фунтов, и более 3 млн акров земли⁶⁹. Эти земли были сосредоточены главным образом в одной из самых плодородных провинций Ирана – Мазендеране, являвшемся наряду с Гиляном основным центром рисоводства и чаеводства в стране. Они были получены путем многочисленных конфискаций земельных угодий, проводившихся шахом у своих политических противников или тех, кого он таковыми считал, а также принуждением владельцев продавать свои владения по ценам ниже рыночных. Также использовались сомнительные утверждения о принадлежности в прошлом (еще при Каджарах) некоторых угодий к шахским владениям. Кроме того, за бесценок приобретались и земли крестьян благодаря тому, что при проведении всевозможных работ менялись направления мелких рек и ручьев, и лишённые воды наделы становились непригодны для земледелия.

Кампания конфискаций была столь масштабна, что в 1938 г. во французских газетах появилось несколько публикаций, подготовленных иранскими студентами, обучавшимися в Европе, в которых говорилось об имеющемся в Иране коте, который пожирает землю. Естественно, под котом имелся в виду сам шах. Эти публикации и нежелание французских властей предотвра-

⁶⁸ Banani, A. The Modernization of Iran. 1921–1941. P. 61.

⁶⁹ Wilber, D. N. Reza Shah Pahlavi: The Resurrection and Reconstruction of Iran. Hicksville; New York: Exposition Press, 1975. P. 243–244.

щать их появление вызвали гнев монарха настолько, что он приказал разорвать дипломатические отношения с Францией.

За счет доходов от земельных угодий создавались многочисленные коммерческие и производственные предприятия шаха и его семьи: казино, гостиницы, дворцы, благотворительные фонды, торговые компании и промышленные предприятия. В частности, лично Реза-шаху принадлежали две крупнейшие текстильные фабрики, на которых функционировало 58 тыс. веретен из 200 существовавших в иранской текстильной промышленности⁷⁰. На этих предприятиях работали многие тысячи людей. При этом на низовом уровне трудились представители низших классов, которые никаких привилегий не имели и могли даже не знать, на кого они трудятся, но назначение на руководящие посты, особенно синекуры, выделение пенсий, особых окладов и прочих благ способствовало усилению позиций шахского двора. В итоге двор стал финансово-бюрократическим и военным центром, поскольку в дворцовых кругах проговаривались многие назначения на военные и гражданские должности, от которых зависела карьера и благополучие определенной части иранской элиты.

Таким образом, Реза-шах был первым из иранских государственных деятелей, кто осознал значение единой армии для создания централизованного государства. Вероятно, во многом это понимание пришло как результат наблюдения за историей Европы с ее военной традицией, берущей начало в эпоху нового времени. Точно также он стал пионером в деле построения государственного аппарата эпохи модерн, эпохи построения национальных государств, в которую он вел свою страну. В то же время крайне большая роль двора в кадровых назначениях, подборе лиц на важные гражданские и военные посты, равно как на должности управляющих коронными землями и имуществом, в какой-то степени являлась продолжением эпохи абсолютизма или диктатурой, как это время принято называть в Иране, к которой он разворачивал общество, уводя от конституционной монархии, установившейся после Конституционной революции.

⁷⁰ *Иванов, М. С.* Новейшая история Ирана. М.: Мысль, 1965. С. 75.

Глава III

РЕФОРМА ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Для того чтобы понять, сколь радикальными были перемены в области права, происшедшие в ходе модернизации Реза-шаха, следует кратко описать суть иранского традиционного права. Основными судебными институтами в Иране являлись шариатский суд и урф. Первый был каноническим судом, построенным на принципах шариата, второй – светским, основанным на светском, прецедентном праве. Кроме них существовали и другие суды: суды синфов (цехов ремесленников и купечества) и племенные суды, разбиравшие дела членов одного племени. Под юрисдикцию шариатского суда попадало разбирательство дел между частными лицами, а урфа – дел между частным лицом и государством или когда тем или иным способом в процесс было вовлечено государство. Однако на практике в условиях крайней неустойчивости иранских правительств почти вся судебная власть была передана под юрисдикцию шариатских судов. В результате система светских судов до Конституционной революции 1905–1911 гг. не развивалась и ограничивалась лишь Палатой правосудия (Диванхане адиле), находившейся в Тегеране, которая не имела структурированного свода законов, представительств на местах и кадрового аппарата. В противоположность урфу, шариатское право развивалось, поскольку основывалось не только на законах шариата, правилах поведения и прочих установлениях, но и на толкованиях, которые давали тем или иным положениям факихи или

моджтахеды⁷¹. В результате шариатский закон становился двусмысленным, и немногие моджтахеды могли его толковать должным образом.

Сложившаяся правовая система уже в 70-х гг. XIX в. стала вызывать возражения у представителей активно формировавшейся интеллигенции. Основные возражения связывались со следующими аспектами: чрезмерная власть духовенства в правовой сфере, отсутствие скоординированности между некоторыми положениями шариатского и светского судов и возможность возникновения многочисленных двусмысленностей при их трактовке, отказ от рассмотрения косвенных доказательств, пониженное правовое положение женщин и иранских иноверцев. Последнее особенно волновало представителей иранской элиты, входившей в масонские и квазимасонские структуры, в частности в Лигу Человечности, действовавшую в то время, поскольку согласно уставам и традициям масонов все люди равны вне зависимости от этнической и конфессиональной принадлежности. Также представлялись неприемлемыми существование практики кровной мести и платы за кровь, телесных и публичных наказаний, которые приводят к увечиям. Старая система исходила из того, что право регулирует отношения между феодальными кланами и племенами, а не между подданными и государством. Протесты вызывали и крайне жесткие наказания за распитие алкогольных напитков, вероотступничество, гомосексуализм и прелюбодеяние, под которым понималась даже связь между неженатым мужчиной и незамужней женщиной. Крайне остро воспринималась и практика применения пыток в ходе судебного процесса для получения признания обвиняемого в совершенном преступлении.

Уже в последнее десятилетие своего царствования Насер эд-Дин-шах начал смягчать некоторые насильственные практики в юридической системе, ограничив применение пыток и избиваний лишь случаями уголовных преступлений для получения признания вины и поиска похищенного имущества. Новый импульс

⁷¹ Крупные богословы, имевшие право толкования шариатских норм.

для изменений в правовой системе дала Конституционная революция.

Примечательно, что, хотя революционные события назревали уже давно, последней каплей, давшей старт процессу, стала публичная порка группы купцов в Тегеране, которых власти представили ответственными за рост цен на сахар. Эта экзекуция, по мнению конституционалистов, была унижительна и недопустима с точки зрения европейских правовых норм, на которые они ориентировались.

Одним из требований противников абсолютизма была замена традиционного суда урфа на Адиле⁷² (отдаленный прообраз министерства юстиции). Окончательно это произошло после свержения абсолютизма в 1909 г. В Тегеране располагалось головное отделение этого института, которому надлежало определять, какие дела следует передать шариатскому суду, а какие подпадают под юрисдикцию светского. Был подтвержден запрет на применение пыток и провозглашена независимость юстиции, ограничены такие наказания, как расстрел и повешение. Тем не менее после победы над Мохаммед Али-шахом в июле 1909 г. многие его сторонники были расстреляны или повешены, а фотографии казней печатались в газетах. Это касается, например, судьбы крупного проповедника шейха Фазуллы Нури, который был публично повешен в Тегеране по обвинению в том, что его фетвы, направленные против революции, привели к кровопролитию, а сам он якобы являлся атеистом и тайным бабидом. Последние два обвинения были совершенно беспочвенными. Казнь проходила на площади Тупхане при огромном стечении улюлюкающего народа.

В 1907 г. были созданы четыре ключевые судебные инстанции: Суд по вопросам собственности и финансовых претензий, Уголовный суд, Апелляционный суд и Верховный апелляционный суд. Но они имелись лишь на бумаге, формально. Поскольку не существовало законов, на основании которых могло бы вестись судопроизводство, то за основу было принято шари-

⁷² Само слово *адиле* однокоренное со словом *эдалят* (справедливость) и означает место, где вершится справедливость.

атское право. В результате это привело к спорным решениям и обращению к мнению моджахедов, которое часто расходилось с постановлениями светских судов⁷³.

Однако революционные изменения не привели к существенному улучшению правовой системы Ирана. В частности, русский консул в Кермане Федор Петров в феврале 1910 г. сообщал о том, во что выродилась местная судебная система: «Члены Адиле, согласно персидской конституции, не назначаются, а избираются. В Кермане же члены суда назначены губернатором. Но это учреждение в Кермане ровно не имеет никакого значения вследствие того, что с приездом полицмейстера все судебные тяжбы и разбирательства перешли к нему за исключением лишь самых крупных и при том дающих верный и львиный доход, оставшихся по-прежнему в руках губернатора. Дела же весьма спорные и запутанные передаются полицмейстером духовенству. На долю же вновь созданной Справедливости – Адиле не остается ничего, кроме разве только некоторой переписки решенных самим губернатором дел. Положение тяжущихся при современном строе стало невыносимым. Раньше, во времена деспотии, стороны хотя и за деньги, но все же имели возможность иной раз отстоять свое право. Теперь же, добившись, например, такого со стороны губернатора, истец рискует потерять его у полицмейстера. Помимо этого, он должен оградить себя еще и со стороны духовенства и наоборот. Одним словом, куда ни глянь, со всех сторон – ненасытные чудовища, порожденные новым строем»⁷⁴.

Попытки преобразовать правовую систему предпринимались и в 1911 г., когда премьер-министр Мошир од-Доуле реорганизовал Министерство юстиции, а в Меджлисе была создана комиссия по рассмотрению кодекса, который должен был быть составлен на основе французского аналога французским юристом Адольфом Перни. Однако эта попытка провалилась из-за противодействия духовенства, апеллировавшего ко второй статье Дополнений к иранской конституции, гласившей, что в Иране не может быть принято ни одного закона, проти-

⁷³ Banani, A. The Modernization of Iran. 1921–1941. P. 69.

⁷⁴ АВПРИ. Ф. 194. 1907. Оп. 528^о. Ед. хр. 57. Л. 9 об. – 10.

воречащего шариату. Отсутствие законодательной базы, острая нехватка кадров с юридическим образованием, знакомых с судебными процедурами и пр., привело к тому, что подавляющее большинство случаев в светских судах продолжало рассматриваться на основании шариатского права шариатскими судами. Также путаницу в систему вносил и режим капитуляций, установленный европейскими державами в Иране, позволявший иностранным консульствам вмешиваться в судебный процесс и влиять на принимаемые решения. В результате относительно новая правовая система кое-как функционировала лишь в столице. Такова была ситуация, которую предстояло менять Реза-шаху по мере укрепления его власти.

Нацеленность на реформы в области правовой системы Реза-шах проявлял с момента, когда стал премьер-министром в 1923 г. Во многом его внимание к юридической системе страны определялось крайне отрицательным отношением к вмешательству иностранцев в иранские дела и существовавшей в стране системе капитуляций. Однако он понимал, что отменить ее без коренной ломки правовых институтов и создания современного законодательства и институтов, схожих с таковыми в европейских странах, было невозможно. Уже через несколько дней после вступления в должность Реза-хан начал свою деятельность в области права, издав постановление о том, каким путем отныне можно подавать жалобы, какими должны быть доказательства жалобщиков, в какой срок судебные органы должны рассматривать жалобы и т. д. Этим постановлением запрещались коллективные жалобы, подаваемые через газеты, и требовалось подтверждать личность жалобщика посредством предъявления удостоверения личности. Вслед за этим было издано постановление, запрещающее искать убежище (садиться в бест) в иностранных посольствах. В середине ноября 1923 г. Реза-хан появился в Министерстве юстиции и провел встречу с его руководством, уволив нерадивых начальников и дав инструкции о том, в каком ключе министерство должно работать. Среди уволенных оказался заместитель министра юстиции Мансур ос-Салтане, которого поддерживали англичане. Благодаря этому, он, несмотря на мно-

гочисленные жалобы, твердо удерживал этот пост при многих премьер-министрах.

В конце 1923 г. была создана Высшая юридическая школа, где преподавали как иранские, так и приглашенные из Франции профессора. Идея создания такого учебного заведения была давней, но реализовало ее именно правительство Реза-хана. Пробный Коммерческий и Уголовный кодексы были введены уже в 1924 и 1926 гг. соответственно.

Провести модернизацию в области юриспруденции было поручено Али-Акбар Даверу (министру юстиции), принцу Фирузу Носрет од-Доуле (министру финансов) и Абдул Хосейн-хану Теймурташу (министру двора). Первые двое имели юридическое образование, полученное в Европе, что считалось престижным среди отпрысков семей родовой аристократии, которые возвращались с учебы европеизированными не только интеллектуально, но и внешне⁷⁵. Третий был выпускником Николаевского кавалерийского училища в Петербурге. Все трое понимали, что архаичность Ирана в рассматриваемой области не может быть преодолена без коренной перестройки всей правовой системы на европейский манер. Работая над порученным делом, принц Фируз изучал труды по истории права, начиная с законов о кровной мести, заканчивая сводами законов конца XIX в., уделяя особое внимание идеям Монтескье, Руссо, Канта, Бентама и др. Но если этих авторов заботил вопрос о защите прав индивида от государства, то исполнителей поручения Реза-шаха больше волновало другое: как защитить государство от посягательств желающих продолжать жить «по старине» – феодалов, ильханов, местных бюрократов и, конечно, консервативного духовенства.

Используя то обстоятельство, что к концу 1920-х гг. Меджлис уже превратился в место, где не обсуждают законопроекты, представленные правительством, а просто утверждают их, они сумели быстро провести законопроект об изменении правовой системы на европейский манер, при подготовке нового законодательства активно используя французский, швейцарский и ита-

⁷⁵ Среди них было принято носить европейские костюмы и галстуки, за что их часто называли галстучниками (*кераватис*) и очарованными западом (*гарбзаде*).

льянские кодексы. Возможно, четкая ориентация на европейское право была обусловлена еще и тем, что авторы реформы уже знали, что после ее успешной реализации шах намерен отказаться от режима капитуляций, навязанных стране еще в XIX в. В начале 1927 г. было распущено старое Министерство юстиции и 26 апреля 1927 г. создано новое с новым штатом сотрудников, многие из которых имели европейское образование⁷⁶. По случаю начала работы обновленного министерства шах произнес речь, в которой ясно дал понять, какие задачи он возлагает на министерство и чего ждет от его работы: «Престиж нации зависит от качества ее юстиции. Я ожидаю от вас самого четкого ведения дел, которое однажды принесет нашей стране справедливость и уважение»⁷⁷.

В начале 1928 г. Комиссия под руководством Давера внесла в Меджлис новый Гражданский кодекс. Указанным документом в том числе были ликвидированы традиционные шариатские, цеховые и племенные суды и создавалась пришедшая им на смену стройная иерархическая система судов: суды первой инстанции (в бахшах), окружные суды (в шахристанах), апелляционные или провинциальные суды (в останах). Высшей судебной инстанцией стал Верховный Суд. Уголовный кодекс был составлен на основе итальянского и швейцарского аналогов. В нем были применены современные положения о том, что является прямым и косвенным свидетельством преступления, как оно должно быть зафиксировано, провозглашалось равенство мусульман и иноверцев перед законом, запрещены кровная месть и плата за кровь, телесные наказания оказались замененными на тюремное заключение, вводилось понятие реабилитации и пр. Смертная казнь оставалась только за такие преступления, как вооруженное восстание, убийство и государственная измена.

Судьи и юристы всех уровней должны были иметь юридическое образование, подтвержденное дипломом юридического

⁷⁶ Banani, A. The Modernization of Iran. 1921–1941. P. 70.

⁷⁷ Matine-Daftary, A. K. La suppression des capitulations en Perse: L'ancien régime et le statut actuel des étrangers dans l'Empire du «Lion et Soleil». Paris: Les Presses Universitaires de France, 1930. P. 179–180.

факультета Тегеранского университета или одного из высших учебных заведений Европы или США. Это решение было проведено через постановление Меджлиса в декабре 1936 г.:

«1. Судьи должны иметь степень юридического факультета Тегеранского или иностранного университета, пройдя не менее чем трехлетний курс подготовки.

2. Бывшие судьи Министерства юстиции, не имеющие такой степени, для того чтобы продолжить работу в министерстве, должны сдать соответствующий экзамен по иранскому и иностранному праву. При этом они не смогут подняться выше шестого ранга из имеющихся одиннадцати»⁷⁸.

Данное положение автоматически лишало большинство представителей духовенства возможности заниматься юридическими вопросами. Однако такое единовременное исключение большого количества судей из практической работы вызвало существенные трудности в функционировании всей системы, поскольку в стране еще не было достаточного количества подготовленных по новым стандартам специалистов, чтобы заменить судей старой формации.

Практически все кодексы в той или иной степени ограничивали роль духовенства как правообразующего института. С 1932 г. духовенство окончательно⁷⁹ было лишено такого важного источника доходов, как оформление документов и регистрация недвижимости граждан, которые стали исключительной прерогативой государственной судебной системы. Доходы от регистрации сделок, собственности, браков и разводов ранее были исключительной прерогативой шариатских судов и давали большую часть официальных поступлений как моджахедам, так и представителям низших слоев духовенства. Очевидно, что, подрывая основы финансового благополучия духовенства как сословия, шах хотел сделать его более зависимым от государства и его

⁷⁸ Маджмуэ-йе гаванин-е моузуэ ва мосаввабат-е Маджлес-е еком ва доввом (Сборник законов и постановлений первого и второго Меджлисов). Тегран: [б. и.], [б. г.]. С. 98–100.

⁷⁹ Пилотный закон, ограничивавший возможности духовенства в этой области, был принят еще в 1929 г., но 17.03.1932 г. Меджлис принял соответствующий закон окончательно.

финансовой помощи. Более того, ни одно дело не могло быть передано на рассмотрение шариатскому суду без санкции государственного судьи и генерального прокурора. Коммерческий кодекс также ликвидировал некоторые религиозные запреты, в том числе на торговлю некоторыми видами товаров, создание акционерных обществ и взимание процентов. Он был нацелен на развитие капиталистических форм хозяйствования в промышленности, торговле, транспорте и связи.

На излете царствования Реза-шаха был нанесен серьезный удар по вакуфным владениям духовенства. В мае 1941 г. был принят «Закон о разрешении продажи вакуфных обрабатываемых земель и канатов»⁸⁰. Этим законом Министерству финансов разрешалось продавать с торгов вакуфные земли общественного назначения со всеми водами, принадлежащими им, и канатами. Данный закон не распространялся только на пять вакуфных владений: мечети Разави, мечети Гоухар Шад, Кумской мечети, мечети Неймат Улла Вали и мечети Шах Черрах, а также на вакуфы при больницах, доходы от которых шли на финансирование этих больниц. Эта мера также серьезно подрывала финансовые основы духовенства и его возможности влиять на общество.

Способом сократить политическое влияние духовенства стало изменение состава депутатского корпуса самого Меджлиса, которое традиционно занимало в парламенте много мест. Если в Меджлисе пятого созыва (1924–1925 гг.) из более 100 депутатов 24 были представителями этого сословия, то в Меджлисе десятого созыва (1935–1937 гг.) их осталось всего шесть⁸¹.

Составленный на основе французского аналога Гражданский кодекс был в некоторой степени непоследователен, поскольку оставлял в силе некоторые нормы шариатского права в части, касающейся семьи, – женитьба, развод, опека над детьми и пр. Оставались в неприкосновенности институты временного брака и многоженства, неравенство мужа и жены в праве на развод и при разделе имущества, обязательность разрешения отца

⁸⁰ *Канаты* – традиционная система орошения и канализации в Иране, существующая и в настоящее время.

⁸¹ *Abrahamian, E. Iran Between Two Revolutions. P. 140.*

на замужество дочери (сын мог жениться и без разрешения отца), право мужчины на опеку над детьми в случае развода и другие традиционные нормы. Неравенство мужа и жены проявлялось и в том, что муж мог запретить жене идти на работу, если посчитает, что такая работа умаляет его или ее достоинство (Ст. 117 Гражданского кодекса). В области семейного права единственными существенными изменениями явились обязательность регистрации брака в государственных органах и повышение возрастного ценза для заключения брака.

Несмотря на некоторые реверансы в сторону традиционных норм в вопросах семьи и брака, Гражданский кодекс заметно отличался от всего того, что существовало раньше. Для примера достаточно привести выдержки из нескольких статей Гражданского кодекса, принятого в 1911 г., которые показывают, сколь глубока была секуляризация в области законодательства, проведенная Реза-шахом:

«Статья 144. Вопросы, относящиеся к шариату, описаны и предписаны законами Ислама.

Статья 145. Государственные суды при рассмотрении нижеследующих случаев должны ссылаться на шариатские суды и моджахедов:

А. Когда спор вызван незнанием положений шариата.

В. Вопросы, касающиеся женитьбы и развода.

С. При вынесении заочных приговоров с участием шариатских судов.

Д. Случаи, включающие объявления о банкротстве, конфискации имущества лиц, отказывающихся выплатить свои долги и судебный запрет на реституцию.

Е. Когда разрешение спора возможно только при обращении к свидетелям и/или под присягой.

Ф. Когда юридические бумаги, выпущенные шариатским судом, двусмысленны, расплывчаты и противоречивы.

Г. Когда спор касается вопросов вакфа, завещания и опеки.

Н. Когда вовлечены вопросы попечительства над вакфом, шариатского инспектора или законного опекуна.

Статья 146. Когда возникает спор о том, подпадает вопрос под юрисдикцию шариатского суда или урфа, он

может не относиться к государственному суду, если только компетентный моджтахед не скажет иного.

Статья 147. Если шариатский суд настаивает на том, что спор относится к случаю, подпадающему под статью 4 настоящего закона, а именно, что не существует государственных законов, касающихся данного случая, или, что они незакончены или противоречивы, Министерство юстиции не имеет права рассматривать такой случай, даже если обе стороны согласны на это. В таких случаях вопрос должен быть передан на рассмотрение собранию моджтахедов.

Статья 148. На все шариатские дела, кроме тех, что описаны с Статье 145 настоящего закона, государственные суды могут распространять свою юрисдикцию в случае согласия обеих сторон. В противном случае дело должно быть возвращено в шариатский суд.

Статья 149. Государственные суды не могут принимать апелляцию на решения шариатских судов. Такие апелляции должны быть поданы на рассмотрение собрания моджтахедов»⁸².

Никаких подобного рода положений, реверансов в сторону моджтахедов и т. п. в Гражданском кодексе Реза-шаха не имелось.

Выстраивание новой европеизированной правовой системы позволило Реза-шаху приступить к отмене режима капитуляций, важным элементом которого была неподсудность иностранцев местным судебным органам на том основании, что их нельзя судить шариатским судом. В 1927 г. Советское правительство само отказалось от капитуляционного режима. А в мае 1928 г. иранское правительство официально отменило режим капитуляций, о чем известило все иностранные посольства в Тегеране соответствующей нотой. Неподвластными местному законодательству остались лишь иностранцы, имевшие дипломатический иммунитет. В рамках данного акта были отменены все преференции иностранных держав и иранским правительством был введен автономный таможенный тариф. Все это делало Иран формально-юридически равноправным партнером в своих отношениях с великими державами. Отмена режима капитуляций укрепила

⁸² Маджмуэ-йе гаванин-е моузуэ ва мосаввабат-е Маджлес-е еком ва доввом (Сборник законов и постановлений первого и второго Меджлисов). С. 467–468.

международное положение Ирана и его авторитет, свидетельством чего стало избрание в 1928 г. иранского представителя Зокаль-Молька Форуги Генеральным секретарем Лиги Наций.

В целом трансформация законодательной системы благоприятно влияла на развитие капиталистических отношений в стране и ее модернизацию, принявшую в значительной степени форму вестернизации. Однако имелась сфера, в которой на законодательном уровне позитивных перемен не произошло, – сельское хозяйство⁸³. В данной сфере при Реза-шахе качественных изменений в лучшую сторону не имелось. Отмечая это, А. Банани пишет: «Можно уверенно утверждать, что в первые 15 лет правления Реза-шаха не было предпринято решительных шагов, чтобы изменить порядок землепользования или изменить отношения между собственниками сельскохозяйственных земель и арендаторами. Эти отношения демонстративно игнорировались Гражданским кодексом Ирана, и крестьянину не предоставлялось никакой защиты»⁸⁴.

Констатировать вышесказанное недостаточно, поскольку в стране имелся Уголовный кодекс, принятый в январе 1926 г.⁸⁵ В нем большое внимание уделялось вопросам защиты правительственных имений и имущества граждан страны от посягательств бунтовщиков и бандитов, вводилось понятие аграрного бандитизма. Для понимания классовой сути указанного кодекса следует привести несколько его статей:

«Статья 75. Всякий, кто возглавит банду злоумышленников, желающую завладеть правительственными имениями и имуществом, а также имениями и имуществом жителей страны, или разграбить эти имения и имущество, или оказать сопротивление правительственным войскам, которым поручена борьба с такими преступниками, будет приговорен к смертной казни.

⁸³ Подробно об основных моментах аграрной политики Реза-шаха см.: Арабаджян, А. З. Социально-экономические корни монархии Реза-шаха и реакционная сущность ее экономической политики. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук. Т. 2. М.: [б. и.], 1952. С. 487–514.

⁸⁴ Banani, A. The Modernization of Iran. 1921–1941. P. 122.

⁸⁵ Ганун-е моджазат-е оуми (Уголовный кодекс). Тегеран: Энтешарат-е маджлес, 1304.

Прочие лица, входящие в указанные шайки, но не занимающие в них начальствующих постов, арестованные на месте преступного сборища, будут приговорены к заключению в исправительной тюрьме сроком от года до трех лет, если только они не совершали иных преступлений, за которое полагается более суровое наказание»⁸⁶. В целом суровость положений рассматриваемого закона уступает только жестокости расправ с бабидами в середине XIX в. и в обоих случаях проистекает из опасений властей за неприкосновенность земельной собственности, являвшейся главным мерилом богатства и источником дохода в традиционном обществе.

Еще лучше классовый характер закона виден из следующих статей:

«Статья 250. Всякий, кто намеренно подожжет здание, фабрику, склад и вообще всякое жилье или место, приготовленное для жилья, будет приговорен к тюремному заключению и каторжным работам на срок от трех до семи лет.

Статья 254. Всякий, кто разрушит, поломает или испортит сельскохозяйственные орудия, помещение для скота или крестьянскую хижину, приговаривается к заключению в исправительной тюрьме от двух месяцев до одного года или к уплате штрафа в размере от 50 до 100 туманов»⁸⁷.

Таким образом, государство гораздо строже карало за разрушение помещичьего амбара («склад»), чем жилища крестьянина.

Рассматриваемый закон относится к концу 1920-х гг. и, как происходило со всеми кодексами, он дополнялся и изменялся в 1930-е гг., а его окончательная версия была одобрена Меджлисом в 1940 г. Однако в вопросах защиты помещичьего землевладения он не претерпел принципиальных изменений. Как отмечалось выше, Закон о разрешении продажи вакуфных обрабатываемых земель и канатов от мая 1941 г. оставлял в неприкосновенности земли и имущество пяти крупнейших в стране вакфов,

⁸⁶ Гануне моджазат-е оуми (Уголовный кодекс). Техран: Энтешарат-е маджлес, 1304. Ст. 75.

⁸⁷ Там же. Ст. 250, 254.

но он же распространял такую норму и на имущество, попечительство о котором лежит на самом шахе, являвшемся крупнейшим землевладельцем в стране.

Таковыми в общих чертах были основные направления по модернизации иранской правовой системы и ее европеизации, предпринятые Реза-шахом. Они в значительной степени, хотя и не полностью, изменили жизненный уклад населения ряда крупных городов, однако в сельской местности, среди представителей кочевых племен, насильственно переведенных правительством на оседлый образ жизни, мало что изменилось. Там все проходило по старинке, в соответствии с многовековыми традициями.

Глава IV

ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И БОРЬБА С ОППОЗИЦИЕЙ

Именно благодаря трем приведенным институтам (армии и спецслужбам, бюрократии и двору), ставшими приводными ремнями модернизации, Реза-шах смог эффективно контролировать социально-политические процессы. Наиболее осязаемо этот контроль проявился в формировании Меджлиса. В течение первых пяти созывов 1905–1925 гг. формирование парламента проходило в острой политической борьбе между различными политическими партиями, социальными группировками и яркими личностями. В ходе ее мобилизовались финансовые средства для агитации за тех или иных кандидатов, активно использовались всевозможные деятели и пропагандисты, находившиеся в феодальной или полуфеодальной зависимости от некоторых вельмож. Однако во время царствования Реза-шаха в период действия Меджлиса с шестого по тринадцатый созыв вся эта борьба ушла в прошлое, поскольку депутатов не выбирали, а назначали по спискам, заранее утвержденным в Министерстве внутренних дел, а фактически самим шахом. Утвержденные шахом списки министр внутренних дел спускал генерал-губернаторам в останы, а они спускали их в избирательные комиссии на местах, члены которых также были должным образом подобраны министерством внутренних дел. Таким образом, Меджлис превратился в декоративный орган, только прикрывавший шахскую власть, которая на бумаге оставалась конституционной, но в действительности стала абсолютистской.

Во времена Каджаров шах вносил в Меджлис кандидатуру премьер-министра только после предварительного неформального обсуждения с руководством парламента и основными депутатскими фракциями. Отправить главу кабинета в отставку, вынеся ему вотум недоверия, Меджлис мог и вопреки желанию шаха, одним из наиболее ярких примеров чего были бурные дебаты и отставка правительства Мостоуфи уль-Мамалека в июне 1923 г., произошедшая несмотря на поддержку Ахмед-шахом этого кабинета. При новом режиме, когда парламент был низведен до уровня органа, лишь автоматически утверждающего решения монарха, исчез и смысл проведения дебатов и обсуждений по утверждению кандидатур на посты премьер-министра и министров. Они назначались шахом, а парламент без обсуждений автоматически утверждал их. Точно так же невозможно было представить, чтобы Меджлис, помимо воли шаха, мог отправить в отставку премьер-министра или кого-либо из министров. Министры не имели права сами подать в отставку. Одним из таких случаев было желание Сеида Хасана Тагизаде уйти в отставку с поста министра финансов в начале 1933 г., поскольку он по некоторой информации считал сильно завышенными заложенные в госбюджет на 1933/34 г. расходы на национальную оборону. В ответ на эту просьбу Реза-шах на языке старых казачьих офицеров сказал все, что думает о своем министре, и отставки не дал, считая, что его министры могут покидать свои должности только тогда, когда он сам этого захочет.

Исчезла и практика бурного обсуждения проектов законов и соглашений, вносившихся в Меджлис правительством, их вотиrowали без критических замечаний. Однако не все и не сразу поняли, что времена изменились и отдельные депутаты по старой памяти и по инерции еще позволяли себе некоторые критические высказывания, разумеется, не непосредственно в адрес Реза-шаха. Х. Макки приводит выступление в прошлом любимца шаха депутата Али Дашти, оказавшего ему большие услуги в период восхождения к трону, особенно сразу после поражения республиканского движения, когда Ахмед-шах и лидеры феодально-клерикального лагеря пытались сместить его с поста

премьер-министра (начало апреля 1924 г.): «Почему вы препятствуете тому, чтобы законопроекты правительства обсуждались и критиковались большинством (Меджлиса. – З.А.), которое составило свою фракцию? Возможно, правительство ошибается. Почему нельзя говорить правду по поводу законопроектов правительства и быть против них? Если, скажем, потому что мы доверяем правительству и поэтому не должны критиковать, то для чего мы приходим в Меджлис? Мы можем проголосовать «за» и идти домой спать, а правительство введет тот закон, который хочет. Воистину: «Шах прощает, а шейх Алихан не прощает». Его Величество повелело депутатам быть свободными в своих мыслях и взглядах и высказывать свои критические замечания, а потом один из депутатов начинает говорить, чтобы депутаты не высказывались по поводу законопроектов. Уважаемый депутат полагает, что Меджлис, как и пресса, должен быть подвергнут цензуре»⁸⁸.

Данный эпизод интересен в нескольких аспектах. Прежде всего, впервые с парламентской трибуны открыто было заявлено, что в стране существует цензура прессы. Также громко и открыто подверглась критике практика одобрения законопроектов правительства без содержательного обсуждения. То, что парламент превратился в орган по штамповке законов, подготовленных правительством, в политических сферах всем уже давно было понятно, но открыто и во всеуслышание такого раньше никто не говорил. При этом Али Дашти попробовал представить все так, что якобы Реза-шах требует от депутатов быть свободными в своих суждениях и критических замечаниях⁸⁹.

Ситуация с цензурой и свободой печати нуждается в некоторых пояснениях. При Реза-шахе формально действовал закон о печати, принятый еще в 1907 г. во время Конституционной революции 1905–1911 гг. Он основывался на статье 20 Конституции, гарантировавшей полное право печатать все, что не проти-

⁸⁸ Макки, Х. Тарих-е бистале-йе Иран. Т. 5. С. 79–80.

⁸⁹ Примерно по такой же схеме была построена его знаменитая статья «Господин Сардар Сепак, прочтите!», опубликованная в 1922 г. и сделавшая автора крайне популярным журналистом, приближенным к Реза-хану. Подробнее об этом см.: Арабаджян, З. А. Иран от революции до революции... С. 79–81.

воречит религиозным устоям страны. Законом разрешалась критика властей, но делались определенные оговорки. Например, когда газета печатала заметку резко критическую в отношении действий какого-либо чиновника, то она была обязана напечатать ответ на той же странице, если он присылал свое опровержение. Закон запрещал подстрекательство к неповиновению, провокационные действия, оскорбления личного плана, разглашение государственной и военной тайны, непочтительные выпады против главы государства и руководителей других стран. Запрещалась публикация статей аморального содержания, публикация о закрытых судебных процессах и пр. В некоторых случаях за нарушение закона полиция могла закрыть газету. Иначе говоря, этот закон был достаточно демократичен и не слишком отличался от аналогичных законов других стран того времени. В связи с такими его положениями в газетах стали писать все, что угодно. Постоянно возникали споры о том, является ли та или иная публикация нарушающей закон или нет. Газеты закрывались правительством, но вскоре открывались опять тем же издателем, в крайнем случае под другим названием. Постепенно ситуация стала переходить в другую крайность, пока при Реза-шахе не установилась жесткая цензура.

В октябре 1941 г., когда Реза-шах уже отрекся от престола после ввода войск союзников в Иран, одна из газет описывала перипетии со свободой прессы следующим образом: «Это была такая свистопляска, что правительства того времени вынуждены были устанавливать цензуру, которая, конечно, противоречила закону, но в которой видели единственное средство против этого социального зла. Сама цензура, созданная для того, чтобы следить за выполнением закона о печати, должна была следить за газетами именно с этой точки зрения. Но, как это всегда бывает в подобных случаях, и здесь дело не обошлось без злоупотреблений. Сначала запретили критиковать кого бы то ни было. Затем, не довольствуясь этим, решили надеть на печать намордник, с целью чего были внесены новые проекты закона. Было время, когда спохватились, что зашли слишком далеко, и решили несколько ослабить вожжи, в которых журналисты задыхались.

Было создано Бюро Печати, задача которого состояла в том, чтобы руководить газетами, а не цензурировать их.

Но и на сей раз те, кто боялся, что их махинации будут разоблачены печатью, стали пользоваться этими учреждениями для ее обуздания. Малейшие замечания против какого-либо чинуши стали рассматриваться чуть ли не как оскорбление»⁹⁰. В целом, ситуация в данной области общественной жизни описана достоверно, с той лишь поправкой, что запрос на единомыслие укладывался в идеологические воззрения самого Реза-шаха и исходил от него.

Советский дипломат и исследователь Ирана В. П. Осетров, писавший под псевдонимом Ирандуст, сообщал, что среди многочисленных иранских партий отмечалось два течения – консервативное и прогрессивное: Консервативные партии представляют интересы родовой аристократии, феодального землевладения, значительной части помещиков, землевладельческого духовенства и связанных с землей групп торгового капитала. Прогрессивные партии выражают программу торговой буржуазии, городской демократии⁹¹, ремесленников»⁹². Однако при этом он замечал, что данные партии существенного влияния на ситуацию в стране не оказывали: «Удельная роль всех этих партий в действительности очень не велика»⁹³. Такое суждение основывалось на реальном изменении политической системы Ирана.

В складывавшейся в Иране ситуации существование политических партий утратило всякий смысл, и они начали постепенно исчезать. Когда противник Реза-шаха аятолла Модаррес и несколько его сторонников в 1928 г. при очередных выборах потеряли свои места в парламенте, то их партия Реформаторов была распущена. Лидера социалистов, которых часто называли *Эджтемайун*, Сулеймана Мирзу вынудили покинуть пост председателя партии, после чего она была распущена, а ее партий-

⁹⁰ АВП РФ. Ф. 94. Оп. 26. П. 69/а. Д. 31. Л. 117–118.

⁹¹ В данном случае автор допускает логический сбой, поскольку все остальные категории, кроме «городской демократии», соответствуют различным социальным группам. Возможно, имелась в виду интеллигенция.

⁹² Ирандуст. Персия вчера и сегодня. М. – Л.: Московский рабочий, 1927. С. 32.

⁹³ Там же. С. 33.

ный клуб разорен погромщиками при попустительстве, если не с подачи властей. Более того, в Энзели подстрекаемые полицией религиозные фанатики разгромили театр социалистической партии за то, что там ставилась антирелигиозная пьеса Мольера «Тартюф», в которой на сцене присутствовали женщины-актеры. Также в Тегеране полиция позволила забросать камнями помещение Женского патриотического общества и публично сжечь журналы, издававшиеся им.

Такое отношение к Социалистической партии со стороны режима было понятно, поскольку для Ирана 1920-х гг. она действительно была достаточно революционной. Характерно, что иранские коммунисты часто блокировались с социалистами, а весьма радикально настроенный член ИКП Ардешир Ованесян дает такую характеристику Социалистической партии (Эджтемайун): «Эджтемайун, во главе которых стояли покойный Сулейман Мирза и Мирза Шехаб Кермани, выступали против империализма с патриотических позиций. Эта группа придерживалась демократических и социалистических взглядов. Их социализм был мелкобуржуазным социализмом. Но, разумеется, нельзя приравнивать партию Эджтемайун к социалистам Запада. Они работали в Иране в условиях [господства] колониализма и были куда более революционны, чем западные [социалисты]. Данная группа была врагом колониализма и другом Советского Союза, многие служащие, представители интеллигенции и предпринимателей являлись членами данной партии. Она не была народной партией. Но в то время и Коммунистическая партия еще не была народной, хотя наша партия была численно больше и ее организации были лучше структурированы. Наша программа была революционной и принципиально отличалась от программы этой партии. Но в одном отношении Эджтемайун опережали нас: в своих рядах они имели таких известных людей, как Сулейман Мирза и Мирза Шехаб Кермани, которых знал народ. Они пользовались авторитетом среди людей, тогда как в то время коммунистическая партия известных людей [в своих рядах] еще не имела»⁹⁴.

⁹⁴ Хатерат-е сийаси-йе Ардешир Аванесиан. Бе кушеш-е Али Бехдаши (Политические мемуары Ардешира Ованесяна). Тегеран: Сохан, 1378. С. 394.

Следует отметить, что постепенно ликвидировались не только оппозиционные шаху партии. Была распущена и партия Обновление (*Таджаддод*), чей лидер Тадайон долгие годы был верным соратником Реза-шаха и в свое время возглавлял по его указанию республиканскую кампанию. Вместо нее шах создал партию Новый Иран (*Иране ноу*), которую позднее заменил на Партию прогресса (*Хезбе таракку*). Эта партия была основана на идеях солидаризма и в чем-то копировала опыт Фашистской партии Муссолини и Республиканской народной партии Атаатюрка. Однако вскоре и она была распущена на основании подозрений в опасных республиканских настроениях. Деградация политической системы страны очень отчетливо проявлялась в партийной принадлежности премьер-министров Ирана. Если первые два главы кабинета принадлежали к партии Таджаддод, то третий – заняв данный пост членом этой партии, покинул его уже как независимый (беспартийный). В дальнейшем все премьеры были независимыми (см. Приложение), поскольку партии в стране перестали существовать.

Самые жестокие удары были обрушены на иранских коммунистов (ИКП). Это было естественно, поскольку они представляли собой партию нового типа и были реальной угрозой режиму, выступая в авангарде борьбы против пережитков феодализма, нарождавшейся иранской буржуазии и диктатуры Реза-шаха, являвшегося главным иранским землевладельцем и буржуа одновременно. В связи с этим необходимо подробнее остановиться на истории ИКП, для членов которой, в отличие от лиц, состоявших в иранских буржуазных партиях, было нехарактерно кочевать из одной политической структуры в другую.

Первый съезд партии прошел в Энзели в августе 1919 г. На нем присутствовало 48 делегатов, которые представляли иранских коммунистов Баку, Туркестана, Зенджана, Астары и Гиляна. По социальному статусу 60% были рабочими и подмастерьями, 11% – ремесленниками, 20% – мелкими предпринимателями и 3% – офицерами⁹⁵. По итогам работы съезда партию переименовали

⁹⁵ Альмоути, З. Фосули аз тарих-е мобарезат-е сийаси ва аджтемай-йе Иран. (Главы из истории политической и социальной борьбы Ирана). Тегран: Шеркят-е энтешарат-е чапхаш, 1370. С. 143.

из Социал-демократической в Иранскую коммунистическую партию (ИКП), были приняты ее устав и программа. В ходе работы взгляды делегатов съезда разделились. Одни считали необходимым установление социалистического строя, другие выступали за утверждение демократической власти и борьбу с империализмом⁹⁶. В период отрешения от власти династии Каджаров и решения вопроса о новом политическом устройстве Ирана, по крайней мере, часть иранских коммунистов и рабочих активистов выступала против продолжения монархической традиции и установления власти нового шаха⁹⁷. Если остальные партии позволяли себе критиковать монархию Реза-шаха за ограничения буржуазных прав и свобод, к которым привыкли за годы после Конституционной революции, то у иранских коммунистов и профсоюзов, в которых коммунисты имели сильные позиции, были принципиальные расхождения с системой. Если власти принимали решение о роспуске той или иной партии, то она прекращала свое существование, однако коммунистическая партия в этой ситуации перешла на нелегальное положение и действовала в подполье.

В 1927 г. в г. Урмия в условиях строгой конспирации в течение 10 дней проходил второй съезд ИКП, которая восстанавливалась после разгрома, учиненного властями в 1925 г. К съезду был подготовлен обновленный проект устава партии, которым фиксировалось следующее:

«1. Членом партии считается всякий, признающий программу партии, работающий в одной из ее организаций, подчиняющийся постановлениям партии и уплачивающий членские взносы.

1.1 Новые члены принимаются из числа кандидатов, прошедших установленный кандидатский стаж и усвоивших программу и устав партии.

1.2 Торговцы, духовенство, придворные (*дарбар*), помещики и все лица, эксплуатирующие чужой труд, не могут быть членами партии.

⁹⁶ Там же. С. 144.

⁹⁷ Хатерат-е Ардешир Аванесиан аз горух-е 53 нафар... С. 17.

1.3 Кандидатский стаж соответственно с социальным положением вступающего распадается на три категории:

- Рабочие и батраки – 4 месяца;
- Крестьяне, рядовые солдаты, кустари, не эксплуатирующие чужой труд, подмастерья – 8 месяцев;
- Служащие и другие – 1 год.

1.4 Для приема в кандидаты и члены партии требуются поручители:

- Для первой категории – 2 партийца с годичным стажем;
- Для второй категории – 2 партийца с двухгодичным стажем;
- Для третьей категории – 2 партийца с трехгодичным стажем»⁹⁸.

Эти и другие положения устава партии полностью соответствовали 21 условию, разработанному В. И. Лениным, которому партия должна была соответствовать, чтобы быть принятой в Коминтерн. Правда, по вопросам условий к кандидатскому стажу будущего члена партии и партийного стажа лиц, дающих рекомендации соискателям, условия ИКП были мягче, чем критерии, которые предлагал В. И. Ленин при приеме в РКП(б) в декабре 1921 г.: партийный стаж рекомендующего должен был составлять 3, 4 и 5 лет в зависимости от социального статуса рекомендуемого. Однако, учитывая достаточно маленький по сравнению с РКП(б) срок существования ИКП и то, что РКП(б) была правящей партией, примазаться к которой было выгодно⁹⁹, более мягкие требования для иранских коммунистов вполне понятны и допустимы.

В то же время, в 21 требовании Коминтерна не содержалось запрета на членство в партии представителям эксплуататорских классов. Лишь пунктом 13 предусматривалось, что ведущие легальную работу партии должны осуществлять периодически

⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 153. Л. 1.

⁹⁹ Понимая такую опасность, В. И. Ленин в записке к В. М. Молотову отмечал: «Я бы несколько не возражал против облегчения приема в партию настоящим рабочим, но если не поставить чрезвычайно строгих условий, определяющих, кто может считаться рабочим крупной промышленности, то в эту дыру немедленно пролезет опять масса швали». – *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 285.

ские чистки рядов от мелкобуржуазных элементов. Таким образом, по данному вопросу ИКП ставила даже более жесткие условия, чем Коминтерн.

По итогам второго съезда ИКП обнародовала обращение:

«Товарищи рабочие, крестьяне, кустики, ремесленники и весь трудовой иранский народ!

К вам обращается ИКП с призывом готовиться к великим революционным битвам. Необходимо раз и навсегда покончить с шахско-помещичьей властью и со всеми явными и тайными врагами трудового народа. Необходимо железной рукой прекратить бесцеремонное хозяйничанье английских империалистов в нашей стране.

До тех пор, пока могущество капиталистических мародеров в Иране не уничтожено, авантюристов вроде Реза-шаха, желающих господствовать над иранским народом, много еще найдется. В этой великой схватке мы не одиноки.

Экономическое развитие отсталых стран, рост самосознания народных масс, неслыханная наглость господствующих классов, все это создает такие условия, при которых самой основе власти помещиков и капиталистов грозит неминуемая гибель. <...> Вот уже свыше 10 лет потоками льется кровь затравленного капитализмом человечества. Поля и равнины Сирии и Месопотамии, Египта, Ирана, Индии и Китая окрашены кровью лучших сынов этих стран. <...> Но борьба еще не окончена, и она не окончится до тех пор, пока освобожденное человечество не раздавит раз и навсегда гидру капиталистического рабства и насилия. В этой великой борьбе против власти своих помещиков и иностранных капиталистов Иран может и должен идти в первых рядах.

Долой английско-резаховскую монархию!

Долой английский империализм!

Да здравствует революционная народная республика Ирана!

Да здравствует пролетарская солидарность трудящихся всех стран!

Да здравствует Коммунистический интернационал – генеральный штаб мировой революции!»¹⁰⁰

¹⁰⁰ Байание-йе ферге-йе коммунист-е Иран. [Б. м.]: [б. и.], [б. г.]. С. 94–95.

Именно по результатам второго съезда партия взяла курс на резкую активизацию борьбы с режимом. Этот курс иранских коммунистов был подтвержден на Шестом конгрессе Коминтерна в июле–августе 1928 г. В документах съезда переворот третьего хута назывался английским заговором, а Реза-шах – марионеткой империалистов, подобным Чан Кайши. Рабочие, крестьяне и представители национальной буржуазии призывались к революционным выступлениям против шаха, феодалов и компрадоров.

Большинство из активистов компартии являлись организаторами и участниками серии забастовок и стачек иранского пролетариата, прокатившихся в это время по всему Ирану. Именно коммунисты курировали и направляли деятельность иранских профсоюзов, которые активно формировались особенно на севере страны. Только в г. Энзели имелось три профсоюзные структуры: профсоюз работников компании Шилат (занималась ловлей, переработкой и продажей рыбы и черной икры на внутреннем и внешнем рынках) насчитывал около 1000 человек, профсоюз портовых грузчиков (около 400 человек), а также профсоюз рыбаков и лодочников¹⁰¹. Кроме указанных, крупных по иранским меркам, профсоюзов, в Гиляне имелись и мелкие: на носочной, текстильной и шелкоткацкой фабриках, где работало по 100 человек на каждой. Одним из направлений работы профсоюзов и ИКП было создание черных касс, из которых можно было оказывать помощь рабочим предприятий во время забастовок. По окончании забастовки и возобновлении работы рабочие постепенно, за несколько месяцев, возвращали в кассу полученные деньги. Такая помощь существенно повышала авторитет и доверие к ИКП в глазах пролетариата, а также способствовала укреплению его морального духа, поскольку люди видели, что они не брошены на произвол судьбы и не оставлены один на один со своими проблемами. Также создавались классы по обучению рабочих грамоте и политическому просвещению, подпольно печатались брошюры и выпускались небольшие журналы, некоторые в рукописном виде¹⁰².

¹⁰¹ Хатерат-е Ардешир Аванесиан аз горух-е 53 нафар... С. 20.

¹⁰² Там же. С. 23.

В прошлом в ходе выборов в Меджлис пятого и шестого созывов (в 1923 и 1926 гг. соответственно) несколько представителей ИКП имели неплохую поддержку рабочих в Энзели, Реште и Мешхеде и хотели баллотироваться в качестве независимых кандидатов, но полиция узнала о их членстве в партии и часть из них арестовала, вынудив других уйти в подполье¹⁰³.

Под руководством коммунистов в 1928 г. в окрестностях Тегерана был организован и успешно проведен первомайский митинг, на котором присутствовало несколько сот человек. Люди приходили тайно, группами по 4–5 человек. На митинге обсуждались вопросы, связанные с борьбой трудящихся за свои права, исполнялись гимны и песни на стихи А. Лахути. Для предотвращения утечки информации о месте его проведения было запрещено покидать митинг до полного окончания мероприятия¹⁰⁴.

Все эти и другие мероприятия во многом были связаны с подготовкой коммунистов к выборам в Меджлис седьмого созыва. В одном из воззваний ИКП в преддверии данного события отмечалось:

«Братья, рабочие, крестьяне и трудящиеся!

Начинаются выборы в Меджлис седьмого созыва. <...> Выборы предыдущих шести созывов Меджлиса в Персии открыли глаза народу, чтобы понять, что эти аристократические и помещичьи парламенты являются слугами империалистов и защитниками интересов помещиков и капиталистов. Эти депутаты, избранные штыками по заказу, являются исполнителями воли и приказов нынешнего аристократического правительства. Эти депутаты хотят сохранить современный феодальный строй и высосать кровь несчастного и голодного народа до последней капли.

Братья! Несмотря на то что мы против парламентской системы, все же мы желаем пользоваться всякой легальной возможностью борьбы и также выборами.

Нужно бороться против нынешнего правительства, против аристократов, помещиков и капиталистов и стараться, чтобы были избраны действительно депутаты тру-

¹⁰³ Там же. С. 23–24.

¹⁰⁴ Там же. С. 21.

дящихся масс. Нужно разъяснять всем трудящимся города и деревни, чтобы они не дали своего голоса аристократам и английским слугам.

...Нужно с парламентской трибуны разъяснять массам, что нынешнее диктаторское правительство и аристократический парламент никогда не были защитниками народных прав и не являются ими теперь.

Для контроля правильного хода выборов нужно добиться, чтобы представители рабочих и крестьян привлекались к участию в контрольные избирательные комиссии.

Братья! Готовьтесь к избранию своих депутатов. Отдавайте свои голоса только своим настоящим представителям – кандидатам!

Да здравствует союз рабочих и крестьян!

Долой аристократический парламент и правительство!

11 Фарвардина 1307 ИКП»¹⁰⁵.

Из приведенного текста видно, что иранские коммунисты ясно понимали сущность буржуазных выборов и парламентаризма. В то же время старались использовать возможность легальной трибуны в Меджлисе для разоблачения правящего режима и ведения агитационной работы среди трудящихся и эксплуатируемых слоев общества. В этом плане они старались использовать диалектический подход В. И. Ленина, который осенью 1905 г. был решительно против участия социал-демократии в выборах в первую Государственную Думу, поскольку революция была на подъеме и участие в выборах могло только сбить революционный накал в стране. Но в последующем, когда революция пошла на спад, и в годы столыпинской реакции он столь же решительно выступал за активное участие в выборах, так как было важно использовать думскую трибуну для разоблачения царского режима и капиталистической системы в целом.

Среди требований ИКП к новому парламенту были вопросы отношений Ирана с внешним миром, защиты национального суверенитета страны, борьбы против империалистических войн, отмены привилегий иностранных государств в Иране, развития дружеских отношений с СССР. Другая группа требований свя-

¹⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 172. Л. 1–2.

зана с борьбой за достижение буржуазных прав и свобод: обеспечение свободы слова, прессы, собраний, рабочих и крестьянских союзов, политических партий, отмена цензуры, реализация прав, предусмотренных национальным законодательством, на создание провинциальных советов (*энджуменов*) и пр. Третья группа требований была связана с защитой социально-экономических прав трудящихся и эксплуатируемых: создание свода законов, защищающих права рабочих от произвола предпринимателей: введение восьмичасового рабочего дня, установление минимальной заработной платы, запрет на найм на работу детей в возрасте до 12 лет, открытие бесплатных государственных больниц и т. п.

Одним из наиболее радикальных для иранских условий требований было «разделение казенных и больших помещичьих и вакуфных земель и вод безвозмездно между крестьянами»¹⁰⁶. Радикализм данного требования определялся следующим. В середине XIX в. среди требований участников бабидских восстаний было и перераспределение земель в пользу крестьян, что вызвало самую резкую реакцию господствующих классов и духовенства. В результате восстание было потоплено в крови с исключительной жестокостью. Вероятно, травма, полученная иранским обществом, оказалась столь сильной, что даже во времена Конституционной революции 1905–1911 гг. самые радикальные сторонники перемен не осмеливались затронуть вопроса собственности на землю.

Понимая состояние иранского общества, наличие в нем массы мелких собственников, ремесленников, кустарей, торговцев и прочих мелкобуржуазных слоев, ИКП также ставило перед будущим Меджлисом вопросы облегчения производственной деятельности этих групп, через льготное кредитование, снижение налогового бремени, защиту от конкуренции иностранных товаров и пр.

В целом в принципиальном плане подход иранских коммунистов к предстоящим выборам можно считать достаточно здравым и логичным. Однако в условиях установившейся к 1928 г. диктатуры Реза-шаха и отсутствия у альтернативных кандидатов (как справа, так и слева) минимальных возможностей не только

¹⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 175. Л. 4.

победить на выборах, но и просто выставить свою кандидатуру, деятельность ИКП не увенчалась успехом.

Разразившийся в начале 1930-х гг. мировой экономической кризис способствовал спаду спроса на иранские товары, что, в свою очередь, вызывало рост забастовочного движения и крестьянских выступлений. Наиболее мощной оказалась забастовка рабочих Англо-Персидской нефтяной компании (АПНК)¹⁰⁷ в мае 1929 г., проведенная под руководством иранских коммунистов. Основными требованиями забастовщиков являлись увеличение заработной платы, сокращение рабочего дня, достигавшего 12 часов, обеспечение социальными гарантиями рабочих, становившихся нетрудоспособными из-за травм на производстве, официальное признание компанией рабочих профсоюзов, признание Дня первого мая официальным праздником, освобождение арестованных ранее рабочих. Особо подчеркивалась неприемлемость дискриминации иранских рабочих в оплате по сравнению с индийцами, работавшими в АПНК. Согласно существовавшим установкам руководства компании, иранцев принимали только на самую тяжелую и низкооплачиваемую работу, отдавая предпочтение англичанам и индийцам.

Компания не смогла подавить забастовку своими силами и призвала правительство ввести войска на ее объекты. Только после этого с забастовкой удалось справиться.

В 1929–1932 гг. проходили забастовки и на других крупных иранских предприятиях. В частности, на спичечной фабрике в Тавризе, железной дороге в Мазендеране, ткацкой фабрике в Исфагане. В последнем случае забастовщикам удалось добиться снижения рабочего времени до 9 часов в день и повышения заработной платы на 20%¹⁰⁸.

Поскольку во всех протестах рабочих коммунисты играли главную роль, власти усилили гонения против ИКП. Политические преследования и гонения на коммунистов начались еще в бытность Реза-ханом премьер-министром в 1925 г. Реза-шах понимал, насколько ИКП отличается от всех остальных пар-

¹⁰⁷ В 1934 г. переименована в Англо-Иранскую нефтяную компанию (АИНК).

¹⁰⁸ *Альмоути*, З. *Фосули аз тарих-е...* С. 245.

тий, и в мае 1931 г. правительство приняло специальный закон против ИКП, согласно которому за коллективистскую идеологию (*марам-е эштераки*) и деятельность полагалось наказание до 10 лет одиночного заключения или каторги. Этот закон мог быть применен к тем, кто проповедовал коллективизм или объединялся в организацию, насчитывавшую более двух человек. Тем, кто выступал против конституционной монархии Реза-шаха (если ее можно было считать конституционной) с оружием в руках, грозила смертная казнь. Закон был настолько суров, что шах принял его своим единоличным решением без обсуждения в Меджлисе, опасаясь ненужных дискуссий со стороны своих уже вполне ручных депутатов¹⁰⁹. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. были арестованы около 200 членов ИКП¹¹⁰. Однако этого закона правительству показалось недостаточно, и в 1936 г. был принят Акт о поддержании порядка на предприятиях, которым полностью запрещались любые забастовки¹¹¹.

Иранская коммунистическая партия была, прежде всего, боевой практической организацией, достаточно слабой в теоретическом плане. Что, конечно, было связано с низким образовательным уровнем ее членов, который, видимо, был еще ниже такового членов партии, оказавшихся в заключении в 1930-х гг. Единицы имели университетское образование (см. табл. 4).

Не случайно многие члены ИКП направлялись на учебу в КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока). Данное учебное заведение было создано в Советской России для преподавания основ марксизма активистам рабочего и коммунистического движения из стран Востока и совершенно незаслуженно считалось в Иране центром подготовки шпионов. Наряду со штатными преподавателями там читали лекции видные советские руководители, включая Ленина, Троцкого, Бухарина, Каменева, Зиновьева и др. В течение 1920–1930 гг. в КУТВе прошли обучение более 100 иранских слушателей.

¹⁰⁹ Abrahamian, E. Tortured Confessions. Prisons and Public Recantations in Modern Iran. Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press, 1999. P. 29.

¹¹⁰ Ibid. P. 28.

¹¹¹ Альмоути, З. Фосули аз тарих-е... С. 246.

Таблица 4

**Члены Иранской коммунистической партии (ИКП),
заключенные в тюрьмы в 1930–1941 гг.**

Имя	Годы жизни	Место рождения	Место политической деятельности	Национальность	Профессия	Происхождение	Образование	Предшествующая политическая деятельность	Последующая политическая деятельность (если имел место)
Ибрагим Амигаде	?–1993	Гилян	г. Тегеран, остан Хузестан	азербайджанец	конторский служащий	Купечество	немецкая высшая школа	забастовка нефтяников	Туас, ДП*
Али Амир-Кизи	1894–1979	Азербайджан	Тегеран	азербайджанец	конторский служащий	Лавочник	Высшая школа и КУТВ	забастовка железнодорожников	Туас, ДП
Абугльгасем Асади	1895–1944	Азербайджан	Тегеран	азербайджанец	учитель	Лавочник	Высшая школа	революции 1905 г. и Гилянская	Туас
Гасем Чешмазери	1914–?	Азербайджан	Азербайджан, Кураистан	азербайджанец	учитель		Высшая школа	ДП и Эдалят	Туас, ДП
Мохаммад Дехкани	1905–1985	Азербайджан	Азербайджан	азербайджанец		нижняя страта среднего класса	Высшая школа	Не занимался	Туас, ДП
Юсф Эфтахари	1902–?	Азербайджан	Тегеран и Хузестан	азербайджанец	учитель	Купечество	Высшая школа и КУТВ	забастовка нефтяников	Политик антитуадескской направленности
Мохаммад Энзоби	1914–1934	Азербайджан	Тегеран	азербайджанец	печатник	нижняя страта среднего класса	Начальная школа	забастовка нефтяников	Скончался в тюрьме
Абугльгасем Эскандарани	1880–1945	Азербайджан	Азербайджан	азербайджанец	печатник			Революция 1905 г., партия Эдалят	ДП
Хосейн Фархакти	?–?	Азербайджан	Гилян	азербайджанец	учитель		Высшая школа и КУТВ	Партия Эдалят	Туас

Продолжение табл. 4

Имя	Годы жизни	Место рождения	Место политической деятельности	Национальность	Профессия	Происхождение	Образование	Предшествующая политическая деятельность	Последующая политическая деятельность (если имел место)
Абауфаза Фархи	1895–1955	Хорасан	Хорасан		учитель	нижняя страта среднего класса	Высшая школа	Демократическая партия, профсоюзы	Туде
Исмаил Фарухид	1903–?	Гилян	Гилян	азербайджанец	учитель	нижняя страта среднего класса	Высшая школа	Культурное общество	Не занимался
Давид Гургин	1895–1991	Азербайджан	Азербайджан	армянин	ремесленник	городская беднота	Начальная школа	Демократическая партия	Туде
Рахим Хаммад	?–?	Азербайджан	Тегеран и Хузестан	азербайджанец	конторский служащий		Высшая школа и КУТВ	Забастовка нефтяников	Не занимался
Муртаза Хасжази	1902–1930	Г. Тегеран	Тегеран	перс	печатник	городская беднота	Начальная школа и КУТВ	Забастовка печатников	Скончался в тюрьме
Аббас Хесаби	?–?		Тегеран		учитель		Высшая школа и КУТВ	Партия Эдалят	Не занимался
Саламалла Ажави	1898–1988	Азербайджан	Тегеран	азербайджанец	врач	средний класс	Бакинское медицинское училище	Партия Эдалят	АП
Джафар Кавиан	1902–?	Азербайджан	Азербайджан	азербайджанец	пекарь	городская беднота	Начальная школа	Партия Эдалят	АП
Карим Кешаварз	1900–1986	остан Гилян	Гилян	перс	переводчик	купечество	Французская школа в Тегеране	Культурное общество	Туде

Продолжение табл. 4

Имя	Годы жизни	Место рождения	Место политической деятельности	Национальность	Профессия	Происхождение	Образование	Предшествующая политическая деятельность	Последующая политическая деятельность (если имел место)
Абулькассм Мосави	1888–1943	Азербайджан	Азербайджан	азербайджанец	лавочник	нижняя страта среднего класса	Высшая школа	Революция 1905 г. и партия Эдалят	АП
Голам Наджар	?–1931	Гилян	Гилян		плотник	городская беднота	Начальная школа и КУТВ	Профсоюзы	Не занимался
Хосейн Никраван	1898–?	Гилян	Гилян		учитель, журналист	нижняя страта среднего класса	Высшая школа	Культурное общество	Туде
Моми Нангарани	1907–?	Азербайджан	Азербайджан	азербайджанец	помошник в лавке	из крестьян	Начальная школа	Партия Эдалят	Туде, АП
Али Омида	1900–1974	Керман	Хузистан	перс	рабочий нефтяник	из крестьян	Отсутствует	Забастовка нефтяников	Туде
Ардешир Ованссян	1905–1990	Гилян	Тегеран	армянин	фармацевт	средний класс	Американская школа и КУТВ	Профсоюзы	Туде
Джафар Пинчевари	1893–1940	Азербайджан	Тегеран	азербайджанец	учитель	средний класс	Высшая школа и КУТВ	Партия Эдалят	АП
Реза Руста	1903–1963	Гилян	Гилян	азербайджанец	учитель	из крестьян	Высшая школа и КУТВ	Культурное общество	Туде
Мохаммад Садатпур	?–1931	Азербайджан	Азербайджан	азербайджанец	рабочий	из крестьян		Профсоюзы	Скончался в тюрьме
Исмаил Шафери	1903–?	Гилян	Гилян	азербайджанец	врач	средний класс	Мед. училище в Баку	Культурное общество	Туде

Окончание табл. 4

Имя	Годы жизни	Место рождения	Место политической деятельности	Национальность	Профессия	Происхождение	Образование	Предшествующая политическая деятельность	Последующая политическая деятельность (если имел место)
Аюб Шакиба	1898–1946	Азербайджан	Тегеран и Хузестан	азербайджанец	учитель	низшая ступень среднего класса	Высшая Школа	Партия Эдалят, забастовка нефтяников	АП
Мохаммад Шарифи	1898–1970	Гилян	Гилян	азербайджанец	учитель	средний класс	Высшая Школа	Культурное общество	Туде
Али Шарги	1888–1936	Азербайджан	Тегеран	азербайджанец	фабричный рабочий	городская беднота	Начальная школа	Профсоюзы	Скончался в тюрьме
Казар Симонян	1901–?	Исфаган	Тегеран	армянин	учитель, переводчик	средний класс	Высшая школа	Профсоюзы	Туде
Мехли Тахмасби	1905–1931	Тегеран	Хорасан	перс	печатник	городская беднота	Начальная школа, КУТВ	Профсоюзы	Скончался в тюрьме
Мохаммад Танка (Исмаили)	?–1933	Исфаган	Хузестан	перс	печатник	городская беднота	Начальная школа	Профсоюзы	Скончался в тюрьме
Дадаш Тагизаде	1901–1946	Азербайджан	Мазендеран	азербайджанец	железнодорожный рабочий	городская беднота	Не закончил	Профсоюзы	Туде, казнен
Якуб Якубабадеган	1911–1990	Гилян	Гилян	еврей	Владелец книжной лавки	городская беднота	Начальная школа	Профсоюзы	Туде
Мохаммад Ясари	1910–1980	Азербайджан	Мазендеран	азербайджанец	железнодорожный рабочий	из крестьян	Начальная школа	Забастовка железнодорожников	Туде
Завун (Хоссейн Нури)	1907–1946	Грузия	Турция	еврей	интеллектуал			Компартия Палестины	Туде, АП, убит в 1946 г.

Источник: *Abrahamian, E. Tortured Confessions... P. 32–35.*
 Примечания: * – Демократическая партия; ** Остан – область.

Особенностью национального состава ИКП было явное преобладание азербайджанцев. Если судить по национальному составу арестованных членов партии, то азербайджанцев в ней было около 60%, персов и всех остальных мусульман – 30% и 10% армян и евреев.

Среди членов ИКП, арестованных и находившихся в тюрьмах и ссылке в 1930-х гг., наиболее яркими фигурами, сыгравшими в дальнейшем большую роль в развитии рабочего, коммунистического и национально-освободительного движения, являлись Джафар Пишевари, Юсеф Эфтехари и Ардешир Ованесян¹¹².

Джафар Пишевари родился в иранском Азербайджане под фамилией Джавадзаде в семье сеида. Его семья эмигрировала в Баку после того, как кочевники уничтожили их дом в Иране. Его отец был образованным человеком и содержал семью на доходы от небольшой бакалейной лавки. В Баку Пишевари преподавал персидскую литературу и турецкий язык. Наблюдая драматические перипетии первой русской революции, он втянулся в политику и под влиянием местных иранцев, сочувствовавших большевикам, вступил в партию Эдалят. Позднее участвовал в Гилянской революции и даже занимал пост комиссара внутренних дел в правительстве Гилянской Республики.

После превращения Эдалят в Иранскую Коммунистическую Партию Пишевари был избран в состав ЦК. Одним из первых среди иранских революционеров он был направлен в Москву на обучение в Коммунистический университет трудящихся востока (КУТВ).

После возвращения в Иран Пишевари поселился в Тегеране и основал профсоюзную газету «Хагигат». В период проведения всеобщей забастовки нефтяников (май–июнь 1929 г.) он собирал средства для семей бастующих и направлял их в Абадан. Полиции удалось проследить путь почтовых переводов и аре-

¹¹² О судьбах иранских коммунистов как в Иране, так и эмигрировавших в СССР, см.: Атабаки, Т., Раванди-Фадаи, Л. М. Жертвы времени. Жизнь и судьба иранских трудовых деятелей и трудовых мигрантов в межвоенный период. Изд. 2-е, испр., доп. М.: ИВ РАН; Издатель Воробьев А. В., 2020. 532 с.: ил.

ствовать Пишевари. Поскольку за некоторое время до этого он сменил фамилию и взял псевдоним Пишевари, в ходе следствия не удалось выявить его участие в Гилянской революции, что, несомненно, спасло ему жизнь.

Юсеф Эфтехари также происходил из семьи мелкого торговца. Из-за смерти отца семья оказалась вынужденной переехать в Баку, где старший брат занялся торговлей, что позволило ей выжить. В Баку Эфтехари вступил в ИКП и вместе с одним из братьев был направлен на обучение в КУТВ.

После возвращения в Иран в середине 1920-х гг. он поселился в Тегеране, где основал профсоюз учителей. Спустя некоторое время вместе с несколькими товарищами он направился в Абадан для организации забастовки рабочих-нефтяников.

Его неугасимая энергия, организаторские способности, ораторское мастерство и, самое главное, убежденность в правоте своего дела, в сочетании с объективно назревшими условиями и положением иранских рабочих и служащих в АПНК сделали, казалось бы, невозможное. Впервые за почти тридцатилетнюю историю компании она оказалась полностью парализована всеобщей забастовкой: остановились нефтепромыслы, система трубопроводов, крупнейший в мире Абаданский нефтеперерабатывающий завод. Англичане не смогли подавить забастовку своими силами и призвали вмешаться иранское правительство, которое ввело войска на предприятия компании и арестовало около 50 активистов.

Несмотря на поражение, эта забастовка оказала огромное влияние на рост самосознания рабочего класса Ирана, а сам Эфтехари, по мнению некоторых современных иранских исследователей, вошел в историю как человек, потрясший Британскую Империю и государство Пехлеви¹¹³.

Ардешир Ованесян родился в Реште в семье аптекаря. Был отдан в учение местному фармацевту Александру Атабекяну, являвшемуся сторонником анархических идей Кропоткина. На формирование мировоззрения Ованесяна, которому тогда

¹¹³ *Abrahamian, E. Tortured Confessions... P. 36.*

было 15–16 лет, большое влияние оказала Гилянская революция, а также деятельность Культурного общества, являвшегося в 1920–1930-х гг. центром радикальных идей в Реште. Являясь активным членом этого общества, он принимал участие в организации курсов по обучению грамоте, чтению и разборе художественных и иных произведений, концертов, спортивных соревнований и театральных постановках. В репертуаре театральных постановок имела антиклерикальная пьеса Мольера «Тартюф», постановка которой вызвала резкое осуждение местного духовенства.

Политическая направленность Культурного общества проявлялась уже и в том, что во время первомайских демонстраций его члены несли портрет Ленина. Англичане, панически боявшиеся усиления влияния Советского Союза в Иране, считали это общество местным центром советских шпионов¹¹⁴.

В 1923 г. Ованесян вступает в ИКП и в 1925 г. направляется на обучение в КУТВ. После возвращения в 1926 г. поселяется в Тегеране, основывает профсоюз фармацевтов и ездит по партийным делам в Казвин, Тавриз, Решт и Мешхед. Во время одной из таких поездок он был арестован в Тавризе.

Абдул-Самад Камбахш хотя и был сыном одного из каджарских принцев, вел достаточно скромную жизнь в Казвине, где являлся членом местного Культурного общества. Долгое время находился в России как до, так и после Октябрьской революции, где, по направлению иранского правительства, учился в школе по подготовке пилотов и авиационных инженеров.

После возвращения в Иран Камбахш преподавал в Военной академии и готовил технические разработки для Министерства обороны. Вступил в коммунистическую партию. Был женат на внучке известного религиозного деятеля, повешенного в 1909 г., Шейха Фазуллы Нури, являвшейся сестрой Нуреддина Киянури, ставшей одной из первых иранских женщин-врачей и проявлявшей большую активность в деятельности казвинского Культурного общества.

¹¹⁴ *Abrahamian, E. Tortured Confessions...* P. 37.

Во время работы в Военной академии у Камбахша установились дружеские отношения с многими военными, которые он сохранял вплоть до своего побега из Ирана в 1949 г. Неслучайно в 1944 г. ЦК НПИ поручил именно Камбахшу создать нелегальную организацию среди военных, сочувствовавших партии, с целью предупреждения о возможных действиях правых в вооруженных силах¹¹⁵. Впоследствии эта организация стала называться Организацией свободолюбивых офицеров Ирана.

Среди иранских марксистов 1930-х гг. наиболее мощной в интеллектуальном плане фигурой являлся Таги Арани, формально не входивший в ИКП и осужденный на процессе по делу 53-х. Арани родился в Тавризе, но вскоре отец – служащий одного из государственных учреждений, бывший записным ловеласом, бросил его мать, и она переехала в Тегеран, где мальчик воспитывался матерью и ее родственниками. В 1920 г. Таги Арани закончил Дар-эль-Фонун первым учеником своего выпуска и два года изучал медицину в Тегеране. С 1922 по 1930 г. находился в Германии, изучал химию в Техническом университете Берлина. Работая над кандидатской диссертацией, изучал философию.

В это же время Арани начал публиковать статьи об Омаре Хайяме, Насере Хосрове, Саади, Аристотеле, Азербайджане и истории Ирана, которые публиковались в издававшихся в Германии журналах патриотической ориентации «Фарангестан» и «Ираншахр». Если статьи, посвященные иранской истории эпохи Ахеменидов, великим иранским царям и поэтам в концептуальном плане были достаточно типичны для патриотически ориентированного интеллектуала, то взгляды автора относительно происхождения иранских азербайджанцев были построены на весьма оригинальной концепции.

Согласно Арани, современные азербайджанцы являлись арийцами, а северо-западный Иран – колыбелью иранской цивилизации. Однако в период монгольского завоевания мон-

¹¹⁵ Ibid. P. 81.

голам удалось навязать свой язык населению этой части страны. На этом основании Арани в своих работах призывал правительство заменить в Азербайджане турецкий язык персидским¹¹⁶.

Такая концепция о происхождении азербайджанского этноса в интерпретации мыслителя, являвшегося азербайджанцем, представляется весьма редким явлением и достаточно красноречиво свидетельствует о его паниранской и централистской ориентации, не допускавшей мысли не только об отделении, но и об автономизации Азербайджана.

Пребывая в Германии, он сблизился с группой иранских марксистов, включая Мортазу Алави – издателя газеты компартии «Пейкар». Арани настолько воспринял их идеи, что по возвращении в Иран в 1930 г., как говорил он сам, стал уже убежденным коммунистом¹¹⁷.

Данная самооценка вызывает недоумение у некоторых буржуазных авторов: «Неясно, что это означает, поскольку Арани формально не входил в Коммунистическую партию»¹¹⁸. Такой риторический вопрос является достаточно надуманным, ведь для того, чтобы быть «убежденным коммунистом» совершенно не обязательно было проходить процедуру вступления в ИКП, ибо речь идет именно об убеждениях человека, а не о членстве в организации. Как видно из нижеследующего, в 1930-е гг. никто не сделал большего для популяризации марксистских и коммунистических идей среди иранской интеллигенции, чем Арани.

Вернувшись в Иран, Арани преподавал в Дар-эль-Фонуне и Тегеранском университете, публиковал работы по химии, биологии, психологии и диалектическому материализму. Вокруг него как личности необыкновенно яркой сформировался кружок молодых интеллектуалов, обсуждавших различные политические и философские теории, читавших и переводивших Гюго, Бергсона, Маркса и Энгельса («Капитал», «Манифест Коммунисти-

¹¹⁶ *Arani, T. Azerbaijan // Farangestan. Vol. 1, No. 5 (September 1924). P. 247–254.*

¹¹⁷ *Abrahamian, E. Tortured Confessions... P. 55–56.*

¹¹⁸ *Ibid. P. 56.*

ческой партии», «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии»), Бухарина («Азбука коммунизма» и «Исторический материализм»).

Вершиной популяризаторской и просветительской деятельности Арани стало издание журнала «Дониа»¹¹⁹.

Журнал выходил с февраля 1934 по июнь 1935 г., за этот период было издано 12 номеров. В предисловии к первому номеру Арани писал, что журнал будет рассматривать экономические, научные, социальные, технические и культурные вопросы с материалистической точки зрения.

Хотя основной целью журнала было распространение марксистских идей среди иранской интеллигенции, для улучшения его цензурной проходимости публиковалось много материалов о технике, медицине, авиации, снах и их толковании. Впервые в Иране именно «Дониа» познакомил читателей с представлениями Дарвина об эволюции видов. Кроме того, был выбран нарочито сухой академический стиль изложения.

Названия тем, ради популяризации которых и был создан этот печатный орган, отчетливо демонстрируют его направленность: «Материалистическая концепция человеческой природы», «Диалектический материализм», «Мистицизм и материализм», «Искусство и материализм», «Женщина и материализм», «Закон и материализм», «Детерминизм и свободная воля в истории», «Материальные основания жизни и мозга», «Стоимость, цена и труд» и др.

Оценивая роль этого издания, Е. Абрахамиян пишет: «Академический марксизм пришел в Иран вместе с Дарвиным и современными науками. «Дониа» был уникален для своего времени. И он остается таковым»¹²⁰.

Соглашаясь с мыслью об уникальности журнала для своего времени, трудно согласиться с тем, что академический марксизм

¹¹⁹ В переводе с персидского – мир. Возможно, это название было заимствовано у известной газеты, издававшейся французским коммунистом Анри Барбюсом, – «Le Monde».

¹²⁰ *Abrahamian, E. Tortured Confessions... P. 57.*

пришел в Иран только в середине 1930-х гг. вместе с Дарвиным. Как мы показали выше, это произошло гораздо раньше. И тогда, и впоследствии иранские революционеры и теоретики делали первые попытки переводов произведений Маркса и Энгельса, писали статьи по следующей проблематике: «Обращение денег: деньги (по Марксу)», «Товар и его обращение (по Марксу)», опубликованные в 1931 г. и др.¹²¹

Вот почему есть основания полагать, что не только практический, но и академический марксизм пришел в Иран несколько раньше начала издания журнала «Дониа». Однако следует признать, что до появления журнала круг лиц, имевших возможность соприкоснуться с марксистскими идеями, был крайне узок. С его выходом эти идеи оказались доступными любому образованному иранцу. В связи с этим трудно переоценить популяризаторскую роль данного издания как первого иранского печатного органа, постоянно публиковавшего статьи, раскрывавшие обществоведческую проблематику с марксистских позиций.

Как уже отмечалось, Арани был осужден по делу 53-х. На этом судебном процессе, проходившем в 1938 г., осудили большую группу лиц (53 человека), в подавляющем большинстве – представителей интеллигенции и служащих, обвиненных властями в распространении подрывных идей, коммунизме, шпионаже в пользу иностранных государств и прочих преступлениях. Членов ИКП среди них было всего 9 человек – те, кто уцелел во время процесса над партией в начале 1930-х гг. Следует отметить, что в отношении многих обвинения были надуманными, но основное ядро, несомненно, представляло угрозу режиму, так как несло в себе идеи, опасные для его стабильности.

По образовательному, социальному и национальному составу группа 53-х существенно отличалась от осужденных ранее членов ИКП (см. табл. 5).

¹²¹ The Armenians of Iran. The Paradoxical Role of Minority in Dominant Culture. Articles and Documents. Massachusetts: Center for Middle Eastern Studies of Harvard University, 1998. P. 175–176.

Таблица 5

Список лиц, проходивших по делу 53-х

Имя	Дата рождения	Место рождения	Проживание	Национальность	Профессия	Классовое происхождение	Высшее образование	Предшествующая политическая деятельность	Политическая деятельность в 1941–1947 гг.
1. Таги Арани	1902	Табриз	Тегеран	азербайджанец	профессор	из служащих	Берлинский университет	Националист	Умер в тюрьме
2. Абдул-Самад Камбахш	1902	Казвин	Тегеран	каджар	управляющий на фабрике	аристократ	Московский университет	Коммунистическая партия	Ту же
3. Мохаммад Бахрами	1898	Тифлиш	Тегеран	перс	профессор медицины	из врачей	Берлинский университет	Коммунистическая партия	Ту же
4. Мохаммад Шурешиан	1885	Гилян	Тегеран и Абадан	перс	механик и актер	из бедноты	Не имел	Коммунистическая партия	Ту же
5. Али Садатпур	1904	Казвин	Тегеран	перс	механик	из бедноты	КУТВ	Коммунистическая партия	Не занимался
6. Мохаммад Бограти	1904	Гилян	Тегеран	перс	директор школы	из врачей	Дар-эль-Фонун и КУТВ	Коммунистическая партия	Ту же
7. Зия Адамути	1913	Казвин	Тегеран	перс	гражданский служащий	из учителей	Высшая школа	Культурное общество	Ту же
8. Мохаммад Пазух	1906	Казвин	Тегеран	перс	учитель	из книго-торговцев	КУТВ	Культурное общество	Ту же
9. Мохаммад Фархаджи	1905	Гилян	Тегеран	перс (бежит)	гражданский служащий	из купцов	КУТВ	Культурное общество	Ту же
10. Аббас Азери	1900	Исфаган	Тегеран	азербайджанец	сапожник и железно-дорожный рабочий	из бедняков	Не имел	Не занимался	Ту же

Продолжение табл. 5

Имя	Дата рождения	Место рождения	Проживание	Национальность	Профессия	Классовое происхождение	Высшее образование	Предшествующая политическая деятельность	Политическая деятельность в 1941–1947 гг.
11. Насрат-алла Эззи	1901	Тегеран	Тегеран	перс	гражданский служащий		Не имел	Коммунистическая партия	Туаде
12. Анвар Хамен	1917	Тегеран	Тегеран	перс	студент университета	из духовенства	Тегеранский Университет	Не занимался	Туаде
13. Насратгула Джахан-шаху	1914	Тегеран	Тегеран	турок (Афшар)	студент университета	сын вояки племени	Тегеранский Университет	Не занимался	Туаде
14. Эмад Аамоути	1911	Казвин	Казвин	перс	Гражданский служащий	из учителей	Высшая школа	Культурное общество	Туаде
15. Акбар (Фатгули) Афшар	1909	Тегеран	Тегеран	турок (Афшар)	Наборщик	из бедняков	Не имел	Не занимался	Туаде
16. Таги Макинсжад	1915	Арак	Тегеран	перс	Студент Университета	Из высшего духовенства	Тегеранский Университет	Не занимался	Туаде
17. Молж-таба Салжади	1913	Арак	Тегеран	перс	Студент Университета	из землевладельческого духовенства	Тегеранский Университет	Не занимался	Не занимался
18. Бозорг Ахави	1904	Тегеран	Тегеран	перс	Писатель и учитель	Из купцов	Высшая школа в Германии	Не занимался	Туаде
19. Мехди Раси	1898	Казвин	Тегеран	перс	конторский служащий		Не занимался	Культурное общество	Туаде
20. Ибраж Искандери	1908	Тегеран	Тегеран	каджар	юрист	Из аристократов	Гренобльский Университет	Не занимался	Туаде
21. Мортаза Язди	1907	Йежа	Тегеран	перс	профессор-хирург	Из высшего духовенства	Берлинский Университет	Коммунистическая партия	Туаде

Продолжение табл. 5

Имя	Дата рождения	Место рождения	Проживание	Национальность	Профессия	Классовое происхождение	Высшее образование	Предшествующая политическая деятельность	Политическая деятельность в 1941–1947 гг.
22. Реза Радманеш	1906	Гилян	Тегеран	перс-гиляки	профессор	Из землевладельцев	Парижский Университет	Культурное общество	Ту же
23. Хамид Малеки	1900	Тавриз	Тегеран	азербайджанец	учитель	Из купцов землевладельцев	Берлинский Университет	Не занимался	Ту же
24. Мортаса Саджади	1912	Арак	Тегеран	перс	врач	Из землевладельческого аристократического аристократства	Берлинский Университет	Не занимался	Ту же
25. Хосейн Саджади	1910	Арак	Исфаган	перс	врач	Из землевладельческого аристократического аристократства	Берлинский Университет	Не занимался	Не занимался
26. Али Шан-Арамини	1917	Гилян	Абадан	азербайджанец-перс	портной	из бедняков	Не имел	Культурное общество	Ту же
27. Мохаммад Гоаре	1912	Арак	Тегеран	перс	студент университета	Из высшего аристократического аристократства	Тегеранский Университет	Не занимался	Ту же
28. Таги Шахин	1916	Тавриз	Тегеран	азербайджанец	Гражданский служащий		Не имел	Не занимался	Ту же
29. Мортаса Разави	1915	Казвин	Горган	перс	Гражданский служащий		Не имел	Культурное Общество	Ту же
30. Сейфулла Сайя	1901	Исфаган	Исфаган	перс	Рабочий текстильщик	из бедняков	Не имел	Не занимался	Ту же
31. Аминками Хокми	1915	Тегеран	Тегеран	перс	студент университета		Тегеранский Университет	Не занимался	Ту же

Продолжение табл. 5

Имя	Дата рождения	Место рождения	Проживание	Национальность	Профессия	Классовое происхождение	Высшее образование	Преподствующая политическая деятельность	Политическая деятельность в 1941–1947 гг.
32. Эзтола Этикечи	1917	Тегеран	Тегеран	перс	студент университета	из купцов	Тегеранский Университет	Не занимался	Туле
33. Вади Каджави	1893	Казвин	Казвин	перс	крестьянин	из крестьян	Не имел	Не занимался	Не занимался
34. Рахим Аламути	1899	Казвин	Тегеран	перс	портной	из бедняков	Не имел	Не занимался	Туле
35. Шайабан Замани	1916	Баболь	Горан	перс	сапожник	из бедняков	неграмотный	Не занимался	Туле
36. Абул-Касем Ашгари	1915	Тегеран	Тегеран и Шираз	перс	директор музея		Дар-эль-Фонун		
37. Хоссейн Тарбийат	1908	Хузистан	Абадан	перс	директор школы	из купцов	Дар-эль-Фонун	Коммунистическая партия	Туле
38. Фазулла Гаркани	1918	Тегеран	Тегеран	перс	студент университета	из высшего духовенства	Тегеранский Университет	Не занимался	Не занимался
39. Юсеф Соффи	1913	Казвин	Тегеран	перс	учитель		ч		
40. Ажахал Наини	1915	Тегеран	Казвин	перс	гражданский служащий	Из среднего духовенства	Не имел	Не занимался	Не занимался
41. Раджаби Насими	1917	Тавриз	Тегеран	азербайджанец	гражданский служащий		Не имел	Не занимался	Не занимался
42. Бахман Шомали	1913	Халхал	Казвин	азербайджанец	купец				

Окончание табл. 5

Имя	Дата рождения	Место рождения	Проживание	Национальность	Профессия	Классовое происхождение	Высшее образование	Предшествующая политическая деятельность	Политическая деятельность в 1941–1947 гг.
43. Мехди Лале	1900	Тегеран	Тегеран	перс	банкир	из купцов	Не имел	Не занимался	Не занимался
44. Эхсан Табари	1917	Сари	Тегеран	перс	студент университета	из духовенства	Тегеранский Университет	Не занимался	Туае
45. Аббас Нараги	1914	Кашан	Тегеран	перс	студент-юрист	Из землевладельцев	Тегеранский Университет	Не занимался	Партия товарищей
46. Мехди Данешвар	1915	Хаме	Тегеран	перс	студент университета		Тегеранский Университет	Не занимался	Не занимался
47. Хасан Хабиби	1916	Керманшах	Тегеран	перс	студент университета	из среднего духовенства	Тегеранский Университет	Не занимался	Не занимался
48. Нуреддин Аламоути	1903	Казвин	Тегеран	перс	судья	из высшего духовенства	Семинария	АП и Культурное общество	Туае, Министр Юстиции
49. Реза Ибрагимзаде	1902	Мазендеран	Мазендеран	азербайджанец	железнодорожный рабочий	из семьи рабочего нефтяника		Коммунистическая партия	Туае
50. Хамид Эжбаль	1913	Тавриз	Тегеран	азербайджанец	студент университета				Туае
51. Ферейдун Маноу			Тегеран	перс	юрист		Тегеранский Университет		
52. Ана (Бабаи) Туркмен	1898	Горган	Горган	туркмен	юрист		Тегеранский Университет		
53. Рази Хаким-Аллахи	1917	Тегеран	Тегеран	перс	печатник				

Источник: *Abrahamian, E. Tortured Confessions...* P. 50–55.

Среди проходивших по делу явно доминировали выходцы из средних городских слоев и привилегированных классов (был даже один представитель династии Каджаров и один отпрыск племенного вождя), в то время как в группе осужденных ранее преобладали выходцы из крестьян, рабочих и средних городских слоев. Соответственно и образовательный ценз их был гораздо выше: 27 человек имели университетское образование. Еще более разительным было различие в национальном составе – 75% составляли персы и только 16% – азербайджанцы. Не менее интересно и то, что в дальнейшей своей политической деятельности в период с 1941 по 1947 г. более 60% группы 53-х вошли в состав преемницы ИКП – Народной партии Ирана (Туде). Любопытная, но весьма символичная деталь. В ряды НПИ влились и сын афшарского вождя, выпускник Тегеранского университета Насратулла Джаханшахлу, и сын афшарского бедняка – рабочий наборщик Акбар (Фатули) Афшар. Где, в какой другой партии эти представители полярных классов общества могли сойтись и на равных работать на народное благо?!

Между находившимися в тюрьме Каср коммунистами и представителями группы 53-х установились достаточно сложные отношения. Первые считали вторых «изнеженными феодалами» и «неопытными интеллектуалами», а вторые первых – «неграмотными северными простолюдинами с примитивными представлениями о марксизме в КУТВянском стиле» и «слепыми поклонниками России». Надо сказать, что в какой-то степени и те и другие были правы.

Несмотря на мелкие трения, между обеими группами была прочная взаимосвязь и взаимовыручка. Особенно наглядно это проявилось, когда в сентябре 1939 г. тюремная администрация подвергла избиению плетью Халиля Малеки – одного из группы 53-х – и посадила его в камеру с уголовниками. В знак протеста около ста политических заключенных объявили голодовку. Голодовка продолжалась пять дней и закончилась после возвращения Малеки на прежнее место. Следует отметить, что в голодовке участвовали все ветераны-коммунисты и большинство из группы 53-х. Те, у кого были маленькие сроки, воздержались. У выход-

цев из народной гущи чувство солидарности оказалось сильнее, чем у некоторых представителей благополучных слоев.

Голодовка не прошла для ее лидеров бесследно. Восемь человек, включая Эфтехари и Ованесяна, скованных в буквальном смысле слова одной цепью, были сосланы в район Бендер-Аббаса, где свирепствовала малярия, а двое – Арани и Камбахш – переведены в одиночки Центральной тюрьмы. Спустя пять месяцев Таги Арани заболел тифом и в условиях умышленного не оказания медицинской помощи скончался. По некоторым утверждениям, ему в камеру была подброшена тифозная одежда. Так погиб, наверное, самый видный марксистский мыслитель Ирана.

Однако репрессиям подвергались не только коммунисты как классовые противники режима Реза-шаха или его давние соперники из клерикального лагеря, например аятолла Сеид Хасан Модаррес, но и многие из тех, кто в различные периоды его политической активности, начиная с 1921 г., являлся его соратником и помощником. К числу таких политических деятелей следует отнести министра двора Абдул Хосейн-хана Теймурташа, Мохаммеда Али Форуги, несколько раз становившегося премьер-министром при Реза-шахе, военного министра Сардар Асада, многократно занимавших министерские посты принца Фируза (Носрет од-Доуле) и Али Акбара Давера и многих других представителей элиты¹²².

Принц Фируз был сыном принца Фарманфарма и Эззат од-Доуле – дочери Мозаффар эд-Дин-шаха из династии Каджаров. Несмотря на его давние связи с англичанами (участие в качестве министра иностранных дел Ирана вместе с Восугом од-Доуле и Саремом од-Доуле в подготовке Англо-персидского соглашения 1919 г., превращавшего Иран в английский протекторат, за что все трое получили от англичан вознаграждение), склонность к авантюрам, самомнение и прочие негативные качества, Реза-шах ценил его управленческие способности и назначил министром финансов. Одной из задач, поставленных ему шахом,

¹²² Поскольку политические биографии Теймурташа и Форуги были рассмотрены автором ранее (см.: *Арабаджян, З. А.* Иран от революции до революции... С. 34–75), в настоящей работе будут лишь кратко изложены причины опалы принца Фируза, Сардар Асада и Давера.

было создать неприемлемые условия для продолжения работы в стране миссии американских финансовых экспертов под руководством А. Мильспо, деятельностью которых после восшествия на престол монарх начал тяготиться. Это поручение он выполнил, и в 1927 г. А. Мильспо покинул Иран.

Принц Фируз быстро сориентировался в системе назначений и подбора кадров Реза-шахом и, несмотря на свое высокородное происхождение, стал активно завязывать отношения с новыми выдвиженцами, чье происхождение было куда более скромным. В частности, он установил хорошие контакты с могущественным в то время министром двора Теймурташем, и, как отмечалось ранее, вместе с Давером это трио было главным проводником реформ во второй половине 1920-х гг. Однако в июне 1929 г., когда принц Фируз был министром финансов, он был арестован по приказу Реза-шаха. Это было совершенно неожиданным для него, тем более что в день ареста утром он вместе с премьер-министром Мохбер ос-Салтане Хедаятом был принят шахом, и они втроем рассматривали альбом с фотографиями строившегося южного участка Трансиранской железной дороги. По возвращении же в министерство его встретил офицер службы безопасности и арестовал¹²³. Предполагалось, что арест связан с бушевавшим в то время восстанием племени кашкайцев в провинции Фарс, поскольку принц Фируз имел дружеские отношения с кашкайским ильханом Саремом од-Доуле, а также с тем, что один из командиров правительственных войск, безуспешно пытавшихся справиться с восстанием, генерал Мохаммед Хосейн Фируз был родным братом принца. Генерал Шейбани, один из генералов, пытавшихся подавить восстание, указывал на причастность англичан и принца Фируза к восстанию кашкайцев. Правда, впоследствии генерал Шейбани, оказавшись в опале и эмиграции именно из-за неудач в подавлении восстания, заявлял, что ошибался в своей оценке¹²⁴.

¹²³ *Хедаят Мохбер ос-Салтане*. Хатерат ва хатарат (Воспоминания и опасности). Тегран: Зафар, 1344. С. 385–386.

¹²⁴ *Толи, М. Базигран-е аср-е Пехлеви*. Аз Форуги та Фардуст. Т. 1. Тегран: Нашр-е Эльм, 1372. С. 181.

В мае 1930 г. начался судебный процесс по делу принца Фируза. По традиции, инициатором которой, возможно, был сам шах, против него не было выдвинуто никаких политических обвинений. Суд сосредоточил свое внимание на взятке в размере менее 2000 туманов (около 250 фунтов стерлингов), которую якобы взял подсудимый. Обвинение члена одной из богатейших семей страны в получении столь смехотворной взятки было абсурдным, и в него никто не верил. Сам обвиняемый во время процесса воскликнул: «Сейчас вы сделали меня вором, да еще и укравшим (всего лишь) медный кувшин»¹²⁵. Благодаря вмешательству авторитетного ветерана иранской политики Мостоуфи уль-Мамалека и принца Фарманфарма, всегда изъяслявшего предельную лояльность Реза-шаху¹²⁶, дело закончилось штрафом. Однако, раз заподозрив кого-либо, шах не оставлял этого человека в покое, и карьера принца Фируза на этом прекратилась. Он проживал под надзором полиции, пока не был арестован повторно в конце 1936 г. и выслан в Семнан. Ходили слухи, что причиной ареста стала публикация неугодных монарху статей во французской прессе, авторство которых, по мнению Реза-шаха, принадлежало ему. В начале января 1938 г. принц Фируз был задушен в своем доме направленными по приказу начальника полиции агентами. Его смерть была представлена как внезапная кончина от удушья. Разумеется, убийство столь знатного и известного ссыльного не могло произойти без приказа с самого верха.

Другим видным деятелем режима, подвергшимся репрессиям был Джафар Голи-хан Сардар Асад, старший сын известного конституционалиста Али Голи-хана Сардар Асада. Сам он также принимал участие в Конституционной революции, за что после свержения Мохаммед Али-шаха получил титул Сардар Бахадар и стал членом революционного трибунала, судившего монархистов. Титул Сардар Асад он, согласно существовавшей в Иране традиции, унаследовал после смерти своего отца. С начала восхождения Реза-хана к власти Сардар Асад пользо-

¹²⁵ Толуи, М. Базигрян-е аср-е Пехлеви... С. 181–182.

¹²⁶ В бытность шаха еще военным министром принц Фарманфарма даже подарил ему автомобиль Роллс Ройс.

вался его благосклонностью и входил в кабинеты Реза-хана в качестве министра почт и телеграфа. Он был членом ближнего круга Реза-шаха, который считал его своим другом, полностью доверял ему, любил беседовать с ним и играть в карты. В 1927 г. Сардар Асад был назначен военным министром. В процессе работы в правительстве он сблизился с министром двора Теймурташем и принцем Фирузом, с которыми ему приходилось решать задачи, поставленные монархом, что было вполне естественно. Особенно близкие отношения установились у него с Теймурташем.

Однако ситуация стала меняться в 1932 г. после опалы Теймурташа, являвшегося до того самым доверенным лицом шаха. Первоначально опальный сановник, против которого не было выдвинуто никакого обвинения, проживал в своем доме, и в политических кругах было непонимание, смещен ли он за какие-то преступления или то, что с ним происходит, вызвано иными соображениями. Поэтому Сардар Асад, оставшийся наиболее близким Реза-шаху человеком, используя свои доверительные и почти дружеские, насколько это было вообще возможно, отношения с ним, несколько раз посетил Теймурташа и даже рискнул попытаться ходатайствовать за него перед шахом. До того, как начался судебный процесс по делу Теймурташа, Сардар Асад еще дважды пытался замолвить за него словечко, но всякий раз это вызывало раздражение Реза-шаха¹²⁷.

В сентябре 1933 г. премьер-министр Мохбер ос-Салтане Хедаят был отправлен в отставку, и в новое правительство, сформированное Зока уль-Мольком Форуги, Сардар Асад опять вошел в качестве военного министра. Казалось, что его попытки спасти своего друга не подорвали доверия к нему со стороны шаха. В ноябре того же года шах по установившейся традиции направился в Баболь, район проживания иранских туркмен, где в это время проходили традиционные скачки. Сардар Асад по должности должен был сопровождать его. В ходе мероприятий шах много и душевно общался со своим министром, вечерами они беседовали, играли в карты. Сардар Асад получал знаки

¹²⁷ Толуи, М. Базигран-е аср-е Пехлеви... С. 198.

внимания и благорасположения со стороны Реза-шаха более других свитских и даже получил от шаха в дар двух скакунов. Когда соревнования закончились, шах отправился с инспекцией в какое-то другое место, а Сардар Асад на следующее утро должен был отбыть в Тегеран. Однако его неожиданно арестовали, отправили в Тегеран и поместили в тюрьму Касре Каджар.

Существует несколько версий относительно причин ареста. Согласно одной из них, изложенной в воспоминаниях Мохбера ос-Салтане Хедаята, шах подозревал Сардар Асада в помощи восставшим против правительства кочевым племенам. Об этом свидетельствовало и то, что одновременно с ним был арестован и Кавам уль-Мольк Ширази – могущественный правитель Ширази и всей провинции Фарс, чей род контролировал этот регион уже более ста лет. Но вскоре Кавам уль-Мольк был отпущен, поскольку сумел добиться встречи с шахом и, рыдая, убедил его в том, что не имеет никакого отношения к восстаниям племен на юге страны и никак не связан с Сардар Асадом, а общался с ним только потому, что считал его фаворитом монарха¹²⁸. Вскоре был арестован и посажен в Тюрьму Касре Каджар брат Сардар Асада, депутат Меджлиса Мохаммед Таги-хан, с которого сняли депутатскую неприкосновенность. В начале апреля 1934 г. Сардар Асад умер в тюрьме до начала судебного процесса над ним. Говорили, что во время восстаний племен он тайно поставлял бахтиарам оружие. Мохбер ос-Салтане утверждал, что во время одной из встреч с шахом тот сказал: «Да, он хотел привести (посадить на трон. – З.А.) Мохаммед Хасана Мирзу. Более распутного, чем он, не найдешь»¹²⁹.

Другую версию причины опалы и гибели Сардар Асада дает его племянник, известный иранский поэт Хосейн Парман Бахтиари. Согласно ей, в 1933 г. губернатор Исфагана Реза Афшар направил телеграмму в Тегеран, в которой просил Реза-шаха о срочной аудиенции. Однако ему в ней было отказано на том основании, что шах собирается в Баболь на соревнование

¹²⁸ Будучи исключительно ловким царедворцем и желая обезопасить себя, Кавам уль-Мольк сумел женить своего сына на одной из дочерей Реза-шаха.

¹²⁹ *Хедаят Мохбер ос-Салтане*. Хатерат ва хатарат. С. 403.

туркменских наездников. Тогда губернатор послал повторный запрос, указав, что речь идет о деле исключительной важности. Во время аудиенции он доложил Реза-шаху, что Сардар Асадом и бахтиарами готовится покушение на жизнь монарха именно во время предстоящей поездки на север страны. При этом он назвал адрес, где находились заговорщики, которые должны были совершить покушение. Эти люди были обнаружены по указанному адресу, арестованы и дали признательные показания. Для того, чтобы информация о раскрытии заговора не распространилась, арестованных тайно поместили не в тюрьме, а в подвале шахского дворца. Сам шах, не меняя планов, отправился на север в сопровождении Сардар Асада, после ареста которого Реза-шах устроил очную ставку. На ней арестованные, отвечая на вопрос, по чьему указанию они действовали, сказали, показывая на Сардар Асада: «По приказанию хана»¹³⁰.

В заключении Сардар Асад, опасаясь отравления, ел только яйца, которые варил сам, но вскоре начальник тюрьмы сказал, что такое питание является нарушением режима, и он может быть наказан за это, что вынудило арестованного перейти на обычный тюремный рацион. По одной из версий, он умер, съев отравленную пищу, а по другой – ему сделали смертельную инъекцию.

Представляется, что все изложенные версии (помощь бахтиарам оружием, подготовка убийства шаха, желание вернуть на престол принца из династии Каджаров) не являются слишком убедительными. Сардар Асад никогда не играл самостоятельной роли в иранской политике, он вообще не имел каких-то исключительно амбициозных политических планов, являясь хорошим исполнителем решений, принятых другими людьми. Именно этим он долгое время и был полезен Реза-шаху. Более того, именно он сыграл ключевую роль (об этом будет сказано ниже) в подавлении восстания кашкайцев и умиротворении юга Ирана в 1929–1930 гг. Разумеется, причин опалы могло быть много, но, скорее всего, основной стала его дружба с Теймурташем, которого шах подозревал в желании самому занять иран-

¹³⁰ Версия Хосейна Пармана Бахтиари излагается по: *Толуи, М. Базигран-е аср-е Пехлеви...* С. 203.

ский престол, за что и репрессировал его, а также многократные попытки Сардар Асада заступиться за него.

Али Акбар Давер – последний из триумvirата реформаторов Реза-шаха, не подвергся репрессиям, но от этого судьба его не стала более счастливой. Он закончил Дар оль-Фонун, где получил юридическое образование, и в возрасте 24 лет поступил на службу в Адиле (предшественник Министерства юстиции), где благодаря своим способностям и трудолюбию быстро сделал карьеру, дослужившись до прокурора Тегерана. После этого направился в Швейцарию, где обучался по таким специальностям, как право и политические науки. Во время его пребывания в Швейцарии началась Первая мировая война, и он публиковал в местной прессе статьи, направленные против английской политики в Иране. После переворота третьего хута Давер сблизился с Реза-ханом, который помог ему избраться депутатом Меджлиса от Верамина. В парламенте он постепенно начал сотрудничать с принцем Фирузом и Теймурташем, что создало основу для их взаимопонимания при дальнейшей работе в правительстве в эпоху Реза-шаха. В 1923 г. при поддержке Реза-хана Даверу удалось избраться в Меджлис пятого созыва и провести туда группу своих сторонников.

Несмотря на такую помощь своего покровителя, Давер не всегда солидаризировался с его действиями и желаниями. Так, в период республиканского движения (январь–май 1924 г.), по результатам которого Иран должен был стать республикой во главе с президентом Реза-ханом, избранным сроком на 15 лет или даже пожизненно, Давер сблизился с оппозицией, возглавляемой аятоллой Модарресом, и выступал против смены формы правления в стране¹³¹. В период подавления выступления шейха Хаззаля (осень 1924 г.) он также вызвал недовольствие Реза-хана тем, что считал возможным применение вооруженной силы против шейха и его сторонников только по решению Меджлиса. Также он одно время несколько раз встречался с наслед-

¹³¹ Подробно о республиканском движении см.: Арабаджян З. А. Республиканское движение в Иране и причины его неудачи (январь–март 1924 г.) // Минбар. 2020. № 4. С. 794–823.

ником престола Мохаммед Хасан Мирзой и выступал за смещение Ахмед-шаха и передачу престола наследнику¹³². Такие колебания Давера вызывали недовольство Реза-хана, однако в итоге он твердо стал на сторону премьер-министра, во многом благодаря дружеским отношениям с Теймурташем и принцем Фирузом. В критический момент осенью 1925 г. Давер сыграл важную роль в деле отрешения династии Каджаров от власти. В частности, именно он вместе с Теймурташем привозил в дом Реза-хана депутатов и там убеждал их подписывать коллективное обращение в пользу свержения старой династии. Кроме того, в ходе парламентских дебатов по данному вопросу Давер выступил с яркой речью, ставшей самым знаменитым политическим выступлением в его карьере, приводя доводы в пользу предложенных перемен. Его выступление стало ответом на блестящую речь Мосаддыка ос-Салтане, выступавшего в защиту Каджаров.

В правление Реза-шаха Давер постоянно занимал министерские посты. Будучи министром юстиции, он реформировал всю юридическую систему, отменил режим капитуляций, активно и успешно выступал в Лиге Наций во время попыток Ирана национализировать АПНК и пр. Когда опале подвергся Теймурташ, то Давер пытался заступиться за него перед шахом. Шах, не желая обсуждать с ним вопрос о своем бывшем министре двора, приказал провести судебный процесс в то время, когда Давер находился в Европе в связи с тяжбой с АПНК, и приказал Матину Дафтари, заместителю министра юстиции, не затягивать процесс. По возвращении в Иран Давер опять пытался заступаться за Теймурташа, но встретил резкий отказ, после чего прекратил попытки¹³³.

Вскоре произошла смена кабинета, и в новом правительстве Давера назначили министром финансов вместо Тагизаде. На новой должности у него стали возникать разногласия с шахом, который вникал во все детали и требовал предельной экономии валютных расходов. В ходе одного из таких конфликтов, возник-

¹³² Подробнее об этих вопросах см.: Толуи, М. Базигяран-е аср-е Пехлеви... С. 205–208.

¹³³ *Хедаят Мохбер ос-Салтане*. Хатерат ва хатарат. С. 232–234.

ших из-за указания Давера Центральному банку Ирана выделить средства на какие-то цели, которые монарх не посчитал первоочередными, дело дошло до ругани, и Реза-шах обозвал его педарсухте¹³⁴. По другой версии, шах требовал максимально увеличить валютные поступления, и Давер подписал соглашения с Германией и СССР о переходе на клиринговые взаиморасчеты. Однако для того, чтобы эта мера начала приносить результаты, было необходимо время, наличие подготовленных кадров, транспортных средств и хороших путей сообщения. Поэтому она не могла принести немедленных результатов, что вызывало напряженность в отношениях между шахом и его министром¹³⁵.

В результате психологическое состояние Давера стало стремительно ухудшаться, он постоянно находился в подавленном расположении духа, нервы были натянуты до предела. Однажды, вызвав к себе начальника отдела по контролю за экспортом терьяка, он сказал, что качество товара не соответствует данным официальной экспертизы и потребовал дать ему 500 граммов терьяка, которые он сам отнесет на экспертизу¹³⁶. Придя домой поздно вечером, заперся у себя в кабинете и курил сигареты одну за другой, вспоминая свою жизнь, а под утро заварил крепкий отвар терьяка и выпил его.

Смерть Давера поразила Реза-шаха, он сначала хотел задержать информацию о происшествии, но поскольку слух уже распространился по городу, газетам было велено сообщить, что министр финансов скоропостижно скончался от инфаркта.

Важной составной частью политики по консолидации политической власти стали отношения с племенами. Продолжалась политика их перевода на оседлый образ жизни и разоружения, начатая Реза-шахом еще в его бытность премьер-министром. Вопрос о разоружении племен вызывал противодействие со стороны нескольких представителей оппозиции, которым чудом уда-

¹³⁴ *Песар-е педар-е сухте*, или сокращенно *педарсухте* – бранное, но цензурное выражение, буквально означает «сын сожженного отца». Может означать «жук», «плут», «сомнительная личность» и т. п.

¹³⁵ Агели, Б. Реза-шах ва гошун-е моттахеудушкель (1300–1320). С. 57.

¹³⁶ Зендеги-йе туфани. Хатерат-е Сеид Хасан Тагизаде (Бурная жизнь. Воспоминания Сеида Хасана Тагизаде). Тегеран: Эльми, 1368. С. 200–221.

лось избраться в Меджлис шестого созыва (1926–1928)¹³⁷. В частности, в ходе парламентских дебатов аятолла Модаррес заявил, что «пока у нас нет достаточных средств для обеспечения безопасности по всей стране, всякая сила и всякая группа населения должна быть в состоянии защитить себя»¹³⁸.

Однако линия в отношении племен была продолжена. Средствами усмирения и социальной трансформации стали создание сети армейских застав и опорных пунктов в районах их проживания, призыв молодежи кочевых племен в иранскую армию, конфискация земель и запреты на сезонную миграцию, организация образцово-показательных сельских поселений для кочевников с целью создания демонстрационного эффекта, разжигание меж- и внутриплеменных конфликтов, обрушение авторитета племенных вождей, их аресты и казни. Е. Абрахамиан, оценивая причины такой политики шаха по отношению к кочевникам, отмечает: «Для Реза-шаха, как и многих городских жителей Ближнего Востока, племена являлись неотесанными, непроизводительными, неуправляемыми, необразованными дикарями, которые остались на первобытной стадии развития»¹³⁹.

С середины 1920-х по начало 1930-х гг. Иран сотрясали восстания кочевых племен¹⁴⁰. В 1924–1926 гг. – восстания туркмен и курдов на восточном побережье Каспийского моря. С 1925 по 1928 г. постоянно происходили вооруженные выступления белуджей в Белуджистане, в 1927–1928 гг. – восстания арабских племен в Хузистане и луров в Луристане. В 1927 г. взбунтовались племена, проживавшие на юге страны вдоль побережья Персидского залива. С 1929 г. восстали племена всего южного

¹³⁷ Этот созыв Меджлиса был последним, в котором еще существовала оппозиция.

¹³⁸ Макки, Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Т. 4. С. 300.

¹³⁹ Abrahamian, E. Iran Between Two Revolutions. P. 141.

¹⁴⁰ В отечественной литературе вопрос борьбы Реза-шаха с племенами не выпадал из поля зрения исследователей. См., в частности: Балаян, Б. П. Восстания племен на юге Ирана (1922–1930). Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1974; а также главу «Иран в период монархии Реза-шаха» А. И. Демина и В. В. Трубецкого в книге «Очерки новейшей истории Ирана» (М., 1976, с. 49–53). Однако рассмотренный ниже вопрос о механизме политики шаха по отношению к племенам, который вписывается в старый римский принцип «разделяй и властвуй», ранее не раскрывался.

Ирана. Наконец, крупнейшим восстанием стало выступление кашкайцев.

Племена выступали против таких положений реформ правительства, как всеобщая воинская повинность, призыв на службу молодежи из числа кочевников, переход на европейскую форму одежды (особенно сильное раздражение у кочевников вызывала фуражка-пехлевийка), паспортизация, принудительный переход на оседлый образ жизни и пр. Последний пункт был особенно важен, поскольку при переходе к оседлому образу жизни кочевники не могли перегонять свой скот с одного пастбища на другое. В условиях нехватки кормов, поскольку они не имели традиции земледелия, выращивания и заготовки корма для домашних животных, начался массовый падеж скота, являвшегося основой их материального благополучия.

Другой глубокой социальной причиной недовольства этнически и лингвистически многообразных племен стало то, что им в жестком императивном порядке было предложено перейти на персидский язык как государственный и существенно отойти от своих обычаев и традиций. Даже языки народов иранской языковой группы (курдов, луров, бахтиар, белуджей и др.) сильно отличались от персидского. Совсем далеки от него были языки иных языковых групп (азербайджанцев, арабов, кашкайцев, туркмен и др.). Правительство Реза-шаха, не признавало все эти группы, исповедовавшие ислам, в качестве национальных меньшинств, как это было во времена Каджаров. Оно считало всех их представителей иранцами не только с точки зрения их подданства, гражданства, но в этническом отношении, оставив право считаться меньшинствами только армянам, евреям и зороастрийцам.

Разумеется, среди мотивов недовольства племен политикой правительства были и вполне корыстные. В немалой степени их благополучие строилось и на многочисленных набегах на деревни и небольшие города, на грабежах оседлого населения, которые усиливались всякий раз, когда ослаблялась центральная власть. Наиболее ярко это проявилось в период Конституционной революции 1905–1911 гг., когда разграблению подвергались не только

деревни и мелкие городки, но и административные центры провинций. Например, Шираз (столица провинции Фарс) в 1911 г. был разграблен кашкайцами. Кроме того, установление нового порядка в стране Реза-шахом подрывало власть и привилегии родоплеменной верхушки.

Наиболее ярко политика Реза-шаха по отношению к племенам проявлялась на примере борьбы с племенами кашкайцев и бахтиар, что определялось их заметной ролью в иранской истории, особенно начиная с периода Конституционной революции, и высокой боеспособностью. В конце 1928 г. в провинции Фарс, в разных районах которой проживали кашкайцы, началось восстание под руководством одного из крупных ханов племени Салар Хешмета. Восставшие перекрыли все подступы к Ширазу – административному центру провинции. Попытки местных властей подавить восстание не увенчались успехом, и вскоре в него втянулись многочисленные племенные группы тех мест: бахарлу, абналу, боюрахмади, даррешури и некоторые арабские племена. Основными требованиями восставших были: отмена решения правительства о разоружении племен, прекращение призыва в иранскую армию кашкайской молодежи, отмена всеобщей паспортизации и закона о введении новой единообразной формы одежды¹⁴¹. В этих нововведениях правительства, проводившихся в рамках политики модернизации Реза-шаха, племена обоснованно увидели наступление на то, что они всегда считали своими неотъемлемыми правами и привилегиями. За неделю восстанием был охвачен весь Фарс, и Шираз оказался отрезанным от подвоза продовольствия и предметов первой необходимости. Шах назначил в провинцию нового губернатора Акбар Мирзу Сарем од-Доуле и послал двух генералов Захеда (командующий жандармерией) и Нахчевана (командующий ВВС) на подавление восставших. С ними были направлены три полка регулярной армии в сопровождении бронемашин и нескольких самолетов. Но восстание не только не удалось подавить – оно постепенно начало распространяться на терри-

¹⁴¹ Агели, Б. Реза-шах ва гошун-е моттахедаульшекль (1300–1320). С. 46–47.

торию, населенную бахтиарами, которые заняли город Дехкард. Шейх Абдулхасан Саркухи захватил Нейриз. Таким образом, не только Фарс, но и значительная часть южного Ирана оказалась охвачена восстанием.

Новый отряд правительственных войск под командованием генерала Шейбани прорывался к Ширазу, и, хотя большая его часть оказалась рассеяна повстанцами, сам Шейбани с несколькими бронемашинами попал в город. Там он, желая погасить восстание, проявляя гуманность, объявил амнистию восставшим и вскоре вызвал крупного кашкайского вождя Исмаил-хана Соулат од-Доуле¹⁴² из Тегерана, где он находился в заключении. Хотя в итоге генералу Шейбани удалось снять осаду с города, но все же восстание подавить он не смог. Правительственные силы контролировали только Шираз и свои собственные гарнизоны, не решаясь покидать их.

Тогда Реза-шах направляет Сарда Асада Бахтиари во главе с отрядом бахтиар в Фарс, где ему удалось демонстрацией силы и уговорами убедить Соулат од-Доуле повлиять на соплеменников, прекратить восстание и разойтись по местам своих кочевий. Таким образом, восстание, которое длилось около двух лет, закончилось во многом благодаря тому, что шах использовал одни племена для подавления других.

Для подавления самих бахтиар Реза-шах очень точно использовал родоплеменные особенности этого племени и сыграл на амбициях их вождей. Бахтиары делятся на два крупных клана или соперничающих между собой ветви: старшую (*хафт ланг*) и младшую (*чахар ланг*), которые отличались разными местами проживания, маршрутами сезонных кочевков и значительными различиями в языке, который относится к одному из диалектов лурского. Старшая линия давала всему племени ильхана, стоявшего во главе всех бахтиар и руководившего всеми их вооруженными силами, отвечавшего за политические отношения бахтиар с правительством, а младшая – ильбека, который управ-

¹⁴² Исмаил-хан Соулат од-Доуле – старший брат лидера восстания Салар Хишмета – несколько раз избирался ильханом всего племени кашкайцев. Умер в 1932 г. в Тегеране в тюрьме.

ляя общественными делами племени, собирал налоги в пользу правительства и подчинялся ильхану.

Еще будучи премьер-министром, когда реорганизуемая иранская армия была недостаточно сильна, шах использовал военный потенциал бахтиар для борьбы с курдами, лурами, арабами, кашкайцами, которая проходила с 1924 по 1927 г. В то время для установления более прочных связей с бахтиарами военным министром и губернатором Хорасана был назначен Джафар Голи-хан Сардар Асад. Одновременно правительство нарушило традиционное разделение постов племени между старшей и младшей линиями. На пост ильбека был утвержден младший брат Сардар Асада Мохаммед Асад Сардар-е Джанг (семейство ильхани), а ильханом назначают представителя соперничавшего за главенство во всем племени семейства хаджи ильхани Сардара Мохташама. Однако младшие роды были вынуждены стерпеть это.

После того как в вооруженной поддержке бахтиар правительство стало нуждаться в значительно меньшей степени (1927–1928), шах стал постепенно наступать на старшие бахтиарские роды, разжигать враждебность между семьями ильхани и хаджи ильхани и между старшими и младшими бахтиарскими ветвями. Он усиливает налоговое бремя на племена старшей линии, перераспределяет пастбища, создает отдельный административный район для младшей линии и учреждает там пост ильхана. Это вообще ломает всю традиционную систему сдержек и противовесов бахтиар и приводит к восстанию племен старшей линии в 1929 г., которое вместе с правительственными войсками подавляют отряды младших бахтиарских родов. Они же помогают правительству полностью разоружить своих соплеменников из старших родов. Воспользовавшись поражением, Реза-шах заставляет ханов старших родов отказаться в пользу государства от своих акций в АПНК, которыми англичане наделили их в качестве платы за охрану объектов компании, располагавшихся на их землях, племенам приказывается продать свои земли иранским купцам, перейти на оседлое положение. В довершение всего 17 ханов старших родов, включая Сардар Асада, Амир Джанга

и Сардара Мохташама¹⁴³, т. е. всех тех, на кого Реза-шах опирался в предыдущий период, оказываются арестованными.

Покончив со старшими родами, он обращает внимание на младшие и легко разоружает их, устанавливая на их землях власть военной администрации. Бахтиарские территории входят в состав соседних останов, а в 1931 г. ликвидируются все структуры ильханов и ильбеков и сами эти титулы.

Такое радикальное изменение структуры управления в местах проживания кочевых племен на ближайшее после перемен время создавало вакуум власти, что приводило к сложностям в управлении указанными районами, поскольку новая администрация не могла в полной мере сразу овладеть ситуацией. Вживание племенной верхушки в бюрократическую систему модернизируемого Ирана способствовало ее отрыву от рядовых членов племен – крестьян и пастухов. Между ними возникало отчуждение, и низы начинали требовать передела племенных земель в свою пользу.

Не менее жестким было и отношение к другим иранским племенам. В частности, борясь с курдами, Реза-шах ликвидировал существовавшую ранее провинцию Курдистан, переименовав ее в Западный Азербайджан. Самых курдов стали называть не курдами, а горными иранцами, а управление новым останом Западный Азербайджан было передано в руки этнических персов и азербайджанцев. Так, полиция Мехабата (административный центр провинции) практически полностью состояла из азербайджанцев¹⁴⁴. Такого рода политика центра усилила старинную враждебность курдов по отношению к азербайджанцам.

Оценивая деятельность правительства по отношению к племенам и национальным меньшинствам, З. Альмоути отме-

¹⁴³ *Abrahamian, E. Iran Between Two Revolutions. P. 142.* Правда, Е. Абрахмиан таким образом преподносит информацию, что создается впечатление, что все три указанные деятеля были арестованы в 1929 г., сразу после подавления восстания. Однако это не так, во всяком случае, Сардар Асада арестовали в 1933 г., и в момент ареста он занимал должность военного министра. Подробнее об этом рассказано выше. Его брат Мохаммед Асад Амир-е Джанг также был арестован в 1933 г. в связи с арестом брата.

¹⁴⁴ *Годс, М. Реза. Иран в XX веке: политическая история / Пер с англ. М. Реза Годс. М.: Наука; Восточная литература, 1994. С. 146.*

часть: «Разумеется, следует иметь в виду, что политика иранского правительства в связи с отношениями между персоязычным населением и национальными меньшинствами, проживавшими в Иране, в определенной степени была жесткой, но, в отличие от Турции, она не дошла до таких жестокостей, как сгон меньшинств с земли и лишение их источников воды»¹⁴⁵.

В долгосрочной перспективе действия правительства в отношении племен и национальных меньшинств укладывались в русло общей политики Реза-шаха по созданию из старой лоскутной Персии, существовавшей в качестве конгломерата бесчисленных племен, кланов, этнических и лингвистических групп и подгрупп, единой страны, единой армии, единого языка, единого народа, во главе которого должен стоять один вождь.

Таким образом, в 1926–1941 гг. иранский политический ландшафт претерпел серьезные изменения. Из общественной жизни полностью исчезли все буржуазные политические партии, которые ранее ожесточенно боролись за места в Меджлисе, стремясь сформировать парламентское большинство. Постепенно прекратил существование и такой атрибут либерально-буржуазной идеологии, как масонская структура Ложа Пробуждения Ирана, десятки членов которой являлись депутатами Меджлиса разных созывов¹⁴⁶. Сам парламент превратился в место, выборы в который стали чистой формальностью и проходили по спискам, заранее утвержденным властями, т. е. депутатов не избирали, а фактически назначали. Яркие личности, находившиеся в оппозиции к Реза-шаху и его курсу, например аятолла Сеид Хасан Модаррес, изгонялись из общественной жизни, заключались под стражу и, как правило, умерщвлялись в тюрьмах. Тем, кому повезло, например Сулейману Мирзе, приходилось годами проживать в ссылке в отдаленных районах страны в ожидании перемен.

Однако репрессий не избежали и сторонники Реза-шаха, как помогавшие ему прийти к власти, так и разрабатывавшие

¹⁴⁵ Альмоути, З. Фосули аз тарих-е... С. 250.

¹⁴⁶ Подробнее об угасании масонской активности в Иране см.: Арабаджян, З. А. История иранского масонства... С. 24, 65–78.

мероприятия по осуществлению модернизации страны и показавшие свою эффективность в качестве управленцев. Основной причиной репрессий в отношении этой группы лиц была, вероятно, подозрительность монарха и его стремление обезопасить не столько себя, сколько династию в лице своего сына Мохаммеда Реза от слишком энергичных сподвижников, обладавших большим влиянием в обществе и полномочиями, дававшимися государственными должностями.

В ходе политики модернизации Реза-шах сумел обуздать и открытых противников преобразований – могущественных ханов кочевых и полукочевых племен. При этом он продемонстрировал не только способность использовать мощь государственного аппарата (новая армия, жандармерия и полиция), но и умение делать ловкие политические ходы, сглаживая между собой различные племена, даже кланы и ветви внутри одного племени. В борьбе с кочевниками активно использовался не только кнут (карательные операции с применением авиации, бронемашин и артиллерии), но и пряник: подкупы, посулы и должностные назначения для части племенных вождей и ханов, готовых безоговорочно присягнуть режиму.

Казалось, все подвластно могущественному владыке, пророки, святители, властители умов, витии покорно склонили перед ним свои надменные выи. Единственной силой, не отказавшейся от борьбы и своих убеждений, оказалась Иранская коммунистическая партия, которая, невзирая на антикоммунистический закон 1931 г. и антизабастовочный акт 1936 г., продолжала, находясь в подполье, вести борьбу с диктатурой Реза-шаха и всем буржуазным обустройством общества. Члены этой партии и сочувствовавшие ей составляли большинство среди политических заключенных в Иране 1930-х гг. Особенность иранской ситуации состоит в том, что именно политика индустриализации страны создавала в ней современный пролетариат, который, благодаря усилиям иранских коммунистов, постепенно начал осознавать не только свои экономические, но и политические интересы, превращаться из класса в себе в класс для себя.

Глава V

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ

Рассмотрение вопросов экономической и социальной модернизации Ирана 1920–1930-х гг. имеет по меньшей мере два измерения: сущностное и статистическое. Первое показывает, какие меры были предприняты для модернизации экономики страны, а второе – как изменились количественные показатели и социальная структура в результате проведенных реформ. В силу неразвитости национальной статистики того времени анализ динамики количественных показателей не может быть всеобъемлющим, покоящимся на твердом основании, он в определенной степени носит ориентировочный, оценочный характер.

Еще до того, как Реза-хан взойшел на престол, правительством был принят ряд мер, которые создавали предпосылки для экономической модернизации. В частности, была проведена унификация системы мер и весов, которая по-своему положила конец феодальной раздробленности, когда в каждой провинции имелись свои меры веса и длины, или же мера с одним и тем же названием обозначала разный вес. Например, в разных провинциях Ирана *ман* (мера веса для муки), исчисленный в граммах, отличался в несколько раз. Переход на метрическую систему также облегчал внешнеторговые связи экономических агентов, уменьшая вероятность недопонимания и нестыковок. С точки зрения проведения модернизации и централизации страны данный законопроект являлся крайне важным и ничем не уступал реформам в области

права, образования и др. Также были ликвидированы внутренние таможи, препятствовавшие ускорению товарооборота и искусственно повышавшие цены на товары. Крайне важным фактором стала и деятельность финансовой миссии американских экспертов под руководством А. Мильспо (1922–1927), которая позволила наполнить государственный бюджет Ирана средствами, ранее утекавшими в карманы частных лиц (откупщиков, губернаторов, таможенных чиновников и пр.) и избавиться от неизбежных в прошлом финансовых займов и кредитов у Великобритании¹⁴⁷.

В числе основных качественных изменений или попыток осуществления таковых в период 1926–1941 гг. следует отметить вопрос о создании в Иране собственного банка, с монопольным правом эмиссии национальной валюты, установление государственной монополии внешней торговли, борьбу за национализацию АПНК (с 1934 г. АИНК), создание основ современной по меркам того времени железнодорожной системы и обрабатывающей промышленности и др.

Первое банковское учреждение в Иране появилось в 1889 г., когда Насер эд-Дин-шах передал Ю. Рейтеру концессию сроком на 60 лет на учреждение Шахиншахского (Имперского) банка Персии. Он имел монопольное право на эмиссию банкнот, хождение которых на территории всей страны и их использование как средства платежа были обязательными. Поскольку финансовые средства государства поступали на счета этого банка, он мог определять и обменный курс национальной валюты, который был привязан к английскому фунту. Также Шахиншахский банк контролировал и Иранский монетный двор, обладая монопольным правом на ввоз в страну серебра. Все это давало банку, чье правление находилось в Лондоне, возможность манипулировать курсом иранской валюты в своих интересах.

В 1890 г. А. С. Поляков получил от шаха концессию сроком на 75 лет на создание Учетно-ссудного банка Персии¹⁴⁸.

¹⁴⁷ Подробнее об этом см.: Арабаджян, З. А. От Реза-хана к Реза-шаху (истоки иранской модернизации 1921–1925 гг.). М.: ИВ РАН, 2022.

¹⁴⁸ Позднее российское правительство выкупило у А. С. Полякова лицензию на учреждение банка и осуществление финансовой деятельности в Иране.

Поскольку это учреждение не имело формального статуса иранского государственного банка, эффективность его деятельности существенно уступала возможностям английского банка. Он занимался кредитованием российско-иранской торговли, давал ссуды и кредиты под залог недвижимости и т. п. Банк был убыточным, дотировался российским правительством и использовался, прежде всего, как средство политического проникновения в Иран. После Октябрьской революции Учетно-ссудный банк прекратил свое существование, но в 1923 г. был воссоздан как Русско-Персидская контора для содействия развитию сельского хозяйства и кредитованию двусторонней торговли. Таким образом, около 40 лет в Иране действовали практически только иностранные финансовые учреждения.

Реза-шаха с его идеологией, основой которой являлся иранский национализм, и курсом на преодоление зависимости от иностранных держав, в первую очередь Великобритании, такое положение устраивать не могло, и в 1927 г. в Иране был создан Национальный банк (Банке Мелли). С этого времени в его хранилищах стали находиться иранские банкноты, хотя их эмиссия продолжала осуществляться Шахиншахским банком¹⁴⁹. Данное событие явилось первым шагом по достижению Ираном независимости в финансовой сфере, способствующим стабилизации финансовой ситуации в стране. Национальный банк должен был сыграть важную роль в финансировании экономических проектов, реализовывавшихся властями. Тем не менее еще несколько лет власти не решались лишить Шахиншахский банк его монополии на эмиссию.

Между тем, он постоянно играл на курсах валют против Национального банка. Механизм этой игры показывает статья в газете «Эттелаат» от 9 сентября 1928 г.: «В течение трех последних месяцев перед открытием Национального банка курс фунта стерлингов был все время без изменения, а со дня открытия Национального банка фунты стали каждый день прыгать то вверх, то вниз, давая до полутора кранов разницы за какие-нибудь два

¹⁴⁹ Elwell-Sutton, L. P. *Modern Iran*. P. 114.

дня. Эти повышения фунта происходили в те моменты, когда Национальному банку требовались фунты, а понижения – тогда, когда производились расчеты и сдача денег»¹⁵⁰. Становилось ясно, что необходимо лишить англичан такого важного инструмента влияния на финансово-экономическую ситуацию в стране, как эмиссия иранской национальной валюты.

Принятию окончательного решения по рассматриваемому вопросу помогли действия Шахиншахского банка в 1928–1929 гг. в связи с мировым экономическим кризисом 1929–1933 г. Иранская национальная валюта кран была привязана к серебру. Содержание чистого серебра в кранах, чеканившихся с начала XX в., составляло 4,14 гр. Еще до начала кризиса цены на серебро на мировом рынке имели существенную тенденцию к понижению:

Таблица 6

Динамика цен на серебро на мировом рынке в 1928–1929 гг.

Дата	Цена, пенсов за тройскую унцию	Дата	Цена, пенсов за тройскую унцию
01.04.1928	26 ^{7/16}	01.07.1929	24 ^{1/8}
01.07.1928	27 ^{7/16}	01.08.1929	24 ^{3/8}
01.10.1928	26 ^{1/2}	01.09.1929	24 ^{5/16}
01.01.1929	26 ^{7/16}	01.10.1929	23 ^{5/16}
01.04.1929	25 ^{15/16}	01.11.1929	22 ^{15/16}
Падение цены серебра с 01.04.1928 по 01.11.1929 гг. (%)		13,2	

Источник: Сенджаби, М. Персия в кризисе. Москва; Ташкент: Объед. гос. изд-во, Среднеазиат. отд., 1931. С. 20.

Хотя цена серебра имела тенденцию к понижению еще до начала кризиса, тем не менее Шахиншахский банк какое-то время искусственно держал завышенный курс крана к фунту. Причем он был выше, чем цена серебра на мировом рынке. Это обстоятельство в сочетании с возмраставшими государственными расхо-

¹⁵⁰ Эттелаат. 09.09.1929. Цит. по: Бюллетень прессы Среднего Востока. Ташкент, 1928, № 6–7. С. 106.

дами на реализацию программы реформ привело к дезорганизации денежного обращения и сделало неизбежным резкое падение курса национальной валюты. В итоге с апреля 1928 г. по ноябрь 1929 г. обменный курс иранской валюты упал с 46,25 до 62 кран за фунт¹⁵¹, сократившись на 34%. Разразился валютный кризис. К. Санджаби дает яркое описание происходившего: «...Началась лихорадочная скупка валюты и вслед за этим ускорился отлив средств из страны. Цены на импортные товары возросли. Экспортные персидские товары скупались, вывозились в Европу, вырученная валюта частью оседала в европейских банках, частью шла на закупку иностранных товаров для ввоза в Персию и продажи по еще более повышенным ценам. Спекуляция валютой и спекуляция на ценах имели неприкрытый, хищнический, рваческий характер. Курс фунта колебался в пределах 68–71 крана»¹⁵².

Для наведения порядка в финансах и ликвидации зависимости от политики Шахиншахского банка правительство приняло ряд мер, в том числе приняло Закон о девизной монополии (март 1930 г.), подписало Соглашение с Шахиншахским банком об отчуждении права эмиссии (май 1930 г.), приняло Закон о монополии внешней торговли (март 1931 г.).

Согласно закону о девизной монополии, к правительству и назначенным им банкам переходило право продажи, покупки и перевода валюты. Для этого создавалась специальная комиссия, наделенная правом котировки валют и продажи иностранных девиз¹⁵³. Также учреждалась контрольная комиссия, которая рассматривала заявки на перевод валюты. Без ее одобрения банки не могли проводить продажу валюты. Данная мера имела определенный, но ограниченный успех.

Также правительство попыталось перейти от серебряного обеспечения национальной валюты к золотому. С 22.03.1930 г. вступил в силу Закон об определении законной денежной еди-

¹⁵¹ *Сенджаби, М.* Персия в кризисе. Москва; Ташкент: Объед. гос. изд-во, Среднеазиат. отд., 1931. С. 20.

¹⁵² *Сенджаби, К.* Персия в кризисе. С. 23.

¹⁵³ Девиза – денежное средство, выраженное в иностранной валюте (чеки, аккредитивы, векселя, переводы и пр.), являющееся платежным документом и используемое при внешнеторговых сделках.

ницы Ирана и ее содержания (Ганун-е таин-е вахед ва мегий-ас-е пул-е гануни-е Иран)¹⁵⁴, которым предусматривался переход на золотую монетную единицу. По новому закону национальной валютой Ирана становился риал, золотое содержание которого составляло 0,3221191 грамма. Он состоял из 100 динаров. 100 риалов составляли один «Пехлеви», который должен был стать золотой монетой. Новая система вводилась с 1932 г., когда Национальный банк пустил в оборот новые банкноты. Правда, никакой предварительной работы для перехода на золотой риал проведено не было: фонд золотых монет, слитков или иностранных девиз в должном объеме собран не был. Несмотря на это, с момента вступления в силу данного закона все сборы (пошлины, дорожные, табачные и чайные сборы и пр.) стали взиматься на основе золотого риала по курсу, установленному правительством.

Однако уровень обеспечения риала драгоценными металлами был высок. Сначала он обеспечивался только серебром, а с 1933 г. серебром и золотом. Иностранная валюта для этих целей не использовалась.

Таблица 7

**Обеспечение эмиссии драгоценными металлами
в 1932–1940 гг., млрд риалов**

Год	Всего банкнот	Обеспечено золотом	Обеспечено серебром	Уровень обеспечения, %
1932	0,17	—	0,28	165
1933	0,25	—	0,34	136
1934	0,42	0,28	0,37	155
1935	0,70	0,29	0,34	90
1936	0,91	0,30	0,35	71
1937	1,01	0,31	0,36	66
1938	1,00	0,31	0,36	67
1939	1,11	0,31	0,36	60
1940	1,35	0,31	0,36	50

Источник: *Bharier, J. Economic Development in Iran 1900–1970. London; New York: Oxford University Press, 1971. P. 80.*

¹⁵⁴ Маджмуэ-йе гаванин-е моузуэ ва мосаввабат-е Маджлес-е хафтом (Сборник законов и постановлений седьмого Меджлиса). Тегеран: Матабе-йе маджлес, 1320. С. 2–7.

Как видно из приведенных в табл. 7 данных, хотя за обзорный период обеспечение национальной валюты драгоценными металлами существенно упало, оно оставалось на достаточно высоком уровне.

Наконец, третьим шагом, как отмечалось выше, стало лишение Шахиншахского банка права эмиссии иранской валюты. В преамбуле к соответствующему соглашению, добавленной иранским правительством, говорилось: «Хотя концессия должна была оставаться в руках банка еще 19 лет, тем не менее Шахиншахский банк неоднократно выражал желание сотрудничать с правительством и тем самым выразил готовность отказаться от эмиссии в пользу правительства»¹⁵⁵.

По условиям соглашения банк обязывался изъять из обращения свои банкноты не позже июня 1931 г., а также компенсировать правительству расходы по замене банкнот в размере 200 тыс. фунтов¹⁵⁶. Поскольку выплата компенсации проходила в условиях резкого падения курса крана, англичане и здесь сумели существенно сэкономить. Газета «Сетаре-е Иран» от 19 мая 1930 г. писала: «Шахиншахский банк извлекает из обращения свои банкноты в очень удобный момент, так как серебро чрезвычайно упало в цене. Раньше банкноты продавались из расчета один английский фунт за два тумана, теперь каждый фунт расценивается в шесть туманов. Банк, таким образом... вместо трех фунтов, которые банк должен был бы уплатить 40 лет тому назад, теперь уплатит лишь фунт. Разумеется, указанный расчет приблизителен. Однако сущность вопроса вполне ясна и, по нашему мнению, Шахиншахский банк, в свою очередь, также доволен, что он совершил такую выгодную сделку в такой подходящий момент»¹⁵⁷.

Несмотря на предпринятые шаги по контролю финансовой системы и валютного рынка, ситуация не стабилизировалась. В связи с этим в июле 1930 г. принимаются дополнения к закону о девизной монополии, согласно которым полученная в резуль-

¹⁵⁵ Бюллетень прессы Среднего Востока. Ташкент, № 6–7. 1930. С. 56.

¹⁵⁶ Иванов, М. С. Новейшая история Ирана. С. 74.

¹⁵⁷ Бюллетень прессы Среднего Востока. Ташкент, № 6–7. 1930. С. 48.

тате экспортных операций валюта должна использоваться следующим образом:

1. 10% валюты экспортер может оставить себе;
2. На 50% можно было импортировать товары, не подлежащие получению разрешения на ввоз от контрольной комиссии; 40% должны были быть сданы государству в 20-дневный срок по официальному курсу в 60 кран за фунт.

Если купец не использовал права импорта товаров, не подлежащих получению разрешения контрольной комиссии, то и 50% экспортной выручки должны были быть сданы государству на указанных условиях. Данные дополнения вызвали сильные протесты иранского купечества, поскольку способствовали разрастанию масштабов контрабанды товаров, росту цен на импорт, падению таможенных поступлений и увеличению разрыва между официальным и спекулятивным курсом крана. В связи с этим газета «Таджаддод» писала: «Хотя цена фунта установлена в 6 туманов (60 кран. – З.А.), но по этой цене его нигде нельзя достать; в действительности фунт котируется на базаре в 10–12 туманов, и правительственные меры не помогают. Установление контроля над валютой привело к сокращению экспорта и росту цен на товары. Спекуляция на рынке – также результат правительственных мероприятий по урегулированию валютного вопроса»¹⁵⁸.

В результате в феврале 1931 г. котирувальная комиссия повысила курс фунта с 60 до 90 кран, доллара с 13,4 до 18,5 кран¹⁵⁹. Выросли курсы и других валют, хотя несколько меньше. В дальнейшем, по мере стабилизации ситуации, курс иранской валюты вырос и составлял около 80 риалов (после перехода с кранов на риалы) за фунт.

Несмотря на определенные ограничения, наложенные на финансовую деятельность англичан в Иране, Реза-шаху пришлось пойти и на определенные уступки. От действия девизной монополии и контроля за валютными операциями были освобождены Шахиншахский банк и АПНК. Кроме того, правительство

¹⁵⁸ Цит. по: *Сенджаби, К.* Персия в кризисе. С. 100.

¹⁵⁹ Там же. С. 103.

обязывалось хранить в Шахиншахском банке 50% поступлений от южных таможен.

Правительство, убедившись в неэффективности закона о контроле за иностранной валютой и дополнительного закона к нему, отменило их в феврале 1932 г. и приняло закон о свободных сделках и курсе иностранных валют, которым сделки и обменный курс иностранной валюты объявлялись свободными¹⁶⁰.

Поскольку действие девизной монополии не привело к желаемым результатам в полном объеме, в феврале 1931 г. правительство приняло закон о монополии внешней торговли, благодаря которому рассчитывало защитить страну от последствий мирового кризиса и ликвидировать дефицит внешней торговли¹⁶¹. Этот закон должен был также защитить отечественного производителя, что было необходимо в условиях политики по развитию национальной промышленности. Данным законом право экспорта и импорта товаров передавалось государству, которое устанавливало временные и постоянные квоты по ввозу и вывозу промышленных товаров и сырья, в том числе сельскохозяйственного (хлопок, коконы шелкопряда и др.). Однако, в отличие от советского закона о монополии внешней торговли, в Иране непосредственным экспортером или импортером могло быть частное лицо или компания при условии выполнения всех требований нового закона. Государство же устанавливало свой контроль за внешней торговлей и разрешало ввоз товаров в случае, если импортер осуществлял эквивалентный по стоимости вывоз иранской продукции. Подробно вся система прописывалась в дополнениях к закону. Ими предусматривался ряд исключений, позволявших не вывозить иранские товары взамен импорта отдельных товаров, в числе которых был ввоз «машин заграничного происхождения для устранения нужд страны в иностранном сырье и иностранных промышленных товарах»¹⁶². Данное исключение являлось мерой по стимулированию развития национальной промышленности.

¹⁶⁰ Полный текст закона см.: Завриев, Д. С. Иран и мировой кризис. Тифлис: Закавказская торговая палата, 1935. С. 79–80.

¹⁶¹ Полный текст закона см.: Завриев Д. С. Иран и мировой кризис. С. 73–79.

¹⁶² Там же. С. 74.

В 1930 г. параллельно с лишением Шахиншахского банка права эмиссии иранской национальной валюты произошло еще одно важное событие, означавшее укрепление суверенитета страны и расширение контроля правительства над экономикой: британский управленческий персонал в иранских портах, включая сотрудников фитосанитарных служб, был полностью заменен национальными кадрами¹⁶³.

Меры по стабилизации валютно-финансового положения и обеспечению стабильного курса национальной валюты имели большое значение для наполнения государственного бюджета, без чего невозможно было реализовывать модернизационные проекты во всех сферах общественной жизни. Одним из источников поступлений, в том числе в иностранной валюте, являлась деятельность АПНК, с которой с конца 1920-х гг. правительство Ирана вело переговоры о пересмотре грабительских условий раздела прибыли между компанией и иранским правительством. О том, насколько бессовестно АИНК обманывала иранскую сторону, видно из следующего: «Компания по-прежнему отказывалась давать отчет о прибылях своих дочерних предприятий и платить иранскому правительству 16-процентную долю этих прибылей... Дочерние компании, которые должны были отдавать Ирану часть прибылей, по-прежнему перепродавали нефть по низким ценам предприятиям, которые находились вне сферы всякой компетенции иранского правительства.

Больше того, компания до сих пор продавала крупные и нигде точно не обозначенные количества нефти британскому Адмиралтейству по пониженным ценам... Из валового дохода компании ежегодно отчислялись неоправданно высокие суммы на амортизацию (16% в пользу Ирана отчислялось только от чистой прибыли). Компания... выдвигала требования о полном освобождении от иранских налогов, хотя в стране существовали тогда только налоги на землю, экспорт и импорт... Когда в Иране в апреле 1930 г. впервые был введен подоходный налог в размере 4% от всякого получаемого дохода, компания отказалась его пла-

¹⁶³ Arfa, H. Under five Shahs. London: William Morrow and Co., 1964. P. 285–286.

тить»¹⁶⁴. И это далеко не все ухищрения, на которые пускалась компания, обманывая иранскую сторону.

В 1931 г. АПНК перевела иранскому правительству в счет его доли 300 000 фунтов, сославшись на возросшие за последний год издержки, в то время как годом раньше перевела 1300 000 фунтов. Правительство отказалось принимать такую сумму, что дало старт очередному витку переговоров. С иранской стороны переговоры об изменении условий концессии Д'Арси, на основании которой действовала АПНК, вел министр двора Абдул Хосейн Теймурташ. Он был сторонником ориентации на СССР и являлся для англичан крайне неудобным партнером. Однако в конце 1931 г. Реза-шах, бывший большим лицедеем, театрально выразил негодование ходом переговоров, Теймурташ попал в опалу, был смещен с должности и отдан под суд. Вместо него ведение переговоров с АПНК было поручено Сеиду Хасану Тагизаде. Также в команду иранских переговорщиков входили министр иностранных дел Зока уль-Мольк Форуги, министр юстиции Али Акбар Давер и директор Центрального банка Ирана Хосейн Ала. Кроме того, были наняты несколько европейских экспертов, прежде всего в области права.

В прошлом иранская сторона никогда до того не ставила вопрос об аннулировании концессии, а настаивала лишь на пересмотре условий распределения прибыли. И на этот раз позиция, заявленная Тагизаде, состояла в том, что правительство предоставляет компании целый ряд льгот (земельные, административные, таможенные, валютные и пр.), а также предоставляет в ее пользование дороги, обеспечивает военную охрану ее объектов и т. д. Поэтому оно надеется на благополучный исход переговоров с ней, «в противном же случае для защиты своих прав оно вынуждено будет прибегнуть к другим путям»¹⁶⁵.

Когда переговоры с АПНК зашли в тупик, в конце ноября 1932 г. иранское правительство неожиданно аннулировало

¹⁶⁴ Элвелл-Саттон, Л. Иранская нефть. К истории «политики силы». М.: Иностранная литература, 1956. С. 92.

¹⁶⁵ Материалы по национально-колониальным проблемам. М., 1933. № 1(7). С. 136.

концессию Д'Арси. Акт о ее ликвидации был подписан Таги-заде. Это действие правительства вызвало всеобщее ликование в стране. Через несколько дней за него единогласно проголосовал Меджлис. Компания не признала денонсацию. Дело было передано в арбитраж, попало в Лигу Наций. Тяжба вышла на новый уровень. В пользу компании выступило английское правительство, которое начало делать недвусмысленные угрожающие намеки иранскому правительству. Поскольку детальный анализ хода переговоров не является предметом настоящей главы, отмечу лишь, что таланты Али Акбара Давера как юриста и переговорщика в этот период раскрылись с необычайной силой, и он выиграл все раунды переговоров у своих британских визави¹⁶⁶.

В итоге в Тегеран приехала английская делегация под руководством председателя правления АПНК Джона Кэдмена, которая несколько раз встречалась с Реза-шахом. Несомненно, в ходе указанных закрытых встреч, как и до них, применялись определенные меры воздействия и устрашения. После этого начались официальные переговоры с иранскими уполномоченными представителями, по окончании которых было подготовлено и подписано новое концессионное соглашение. В нем имелись мизерные уступки в пользу Ирана: в частности, доля Ирана при распределении прибыли поднималась до 20%, и АПНК обязывалась выплачивать по 4 шиллинга с каждой тонны нефти, проданной в Иране или отправленной на экспорт¹⁶⁷. Однако ко всеобщему ужасу иранского политического класса, срок новой концессии составлял 60 лет, в то время как до истечения срока действия старой оставалось лишь 29. При этом англичане ограничились сроком действия концессии 60 годами только потому, что ошибочно считали, что к его окончанию запасы нефти в Иране иссякнут. Указанные условия соглашения стали потрясением для иранской национально-ориентированной общественности.

Вопрос о том, как иранское руководство могло пойти на продление концессии, стал публично обсуждаться только во вто-

¹⁶⁶ Подробно о ходе переговоров см.: *Элвелл-Саттон, Л.* Иранская нефть... С. 89–104; см. также: *Макки, Х.* Тарих-е бистсале-йе Иран. Т. 5. С. 246–322.

¹⁶⁷ *Элвелл-Саттон, Л.* Иранская нефть... С. 106.

рой половине сороковых годов. В 1948–1949 гг., когда начался очередной этап противоречий с АИНК, в иранском правительстве и Меджлисе пятнадцатого созыва шло обсуждение Дополнительного соглашения к концессионному договору 1933 г., и вопрос о событиях тех лет вызвал бурные дебаты.

Сеид Хасан Тагизаде на парламентских слушаниях по данному вопросу подвергался самой беспощадной критике. Он пытался защищаться, в частности, утверждая, что вопрос о продлении срока концессии англичане вбросили в самый последний момент. В своем пространном выступлении на слушаниях в 1949 г. он, в частности, сказал: «Вы сами жили в то время и... знаете, что никто в нашей стране не мог противиться воле самодержавного властителя того времени, это было невозможно и опасно. Он также был в курсе дела и не был готов отступить или отменить аннулирование концессии. <...> Лично я никогда не был согласен с продлением концессии, и другие (имеются в виду переговорщики с иранской стороны. – З.А.) не были, и если в этом деле была совершена ошибка или промах, то это результат действий не исполнителей, а действий господина, который, к несчастью, ошибся и не смог исправить ошибку. Он и сам был недоволен продлением срока [концессии] и вначале решительным образом отказывался и с ужасом говорил: «Ну, уж! Это совершенно невозможно. Вы хотите, чтобы мы, 30 лет проклинающие наших предков за это дело, еще 50 лет были бы проклинаемыми народом и будущими поколениями?» Но в конце концов он оказался вынужден сдаться»¹⁶⁸.

Таким образом, в целом попытка кардинально пересмотреть соглашение с АПНК, предпринятая правительством Реза-шаха, окончилась неудачно из-за слишком неравных политических, финансово-экономических и военных возможностей сторон. Результат, которым закончился конфликт с АПНК, показал пределы и границы противостояния Ирана ключевой империалистической державе того времени – Великобритании. В условиях резкого ухудшения советско-иранских отношений, симво-

¹⁶⁸ Цит. по: Толуи, М. Базигяран-е асп-е Пехлеви... С. 148–149.

лом чего было устранение с политической сцены и убийство Теймурташа – сторонника сближения с СССР, у Реза-шаха не было альтернативного центра силы, на который он мог бы опереться в борьбе с АПНК.

Важным элементом модернизации экономики являлось развернувшееся по всей стране дорожное строительство. Для Ирана, площадь которого превышала 1648 тыс. кв. км. (для сравнения: площадь Франции – 640 тыс. кв. км), вопрос коммуникаций приобретал первостепенное значение. Без увеличения их протяженности и качества речи о существенных сдвигах идти не могло. Если в период 1921–1925 гг. Реза-хан продвигал вопросы строительства автомобильных дорог прежде всего для того, чтобы обеспечить связь с отдаленными районами, населенными воинственными кочевыми племенами, т. е. в целях централизации страны, то в последующий период на первое место вышли задачи экономики, развития внутреннего рынка, создания дешевых транспортных путей для наращивания иранского экспорта.

В результате развернувшегося строительства автомобильных дорог на целом ряде ключевых направлений пути, годные лишь для вьючного транспорта, были заменены шоссейными магистралями (см. табл. 8).

Таблица 8

Изменение качества автомобильных дорог с 1913 по 1930 г.

Направление дорог	1913 г.	1930 г.
Дороги, связывающие с СССР		
Тавриз – Джульфа	авто	ж/д, авто
Тавриз – Астара	вьючный	авто
Мешхед – Ашхабад	авто	авто
Мешхед – Душак	вьючный	вьючный
Тегеран – Пехлеви	авто	авто
Дороги, связывающие с Афганистаном		
Мешхед – Герат	вьючный	авто
Дороги, связывающие с Индией		
Мешхед – Дуздаб	вьючный	авто
Дуздаб – Сейстан	вьючный	авто

Окончание табл. 8

Направление дорог	1913 г.	1930 г.
Дуздаб – Керман	вьючный	авто
Дороги, связывающие с Ираком		
Хамадан – Ханекейн	вьючный	авто
Хайдерабад – Равандуз	вьючный	шоссее
Дороги, связывающие с Турцией		
Тавриз – Трапезунд	вьючный	авто
Дороги, связывающие с Персидским заливом		
Бендер – Аббас – Керман	вьючный	авто
Бендер – Бушир – Исфаган	вьючный	авто
Хорремабад – Тегеран	вьючный	авто
Мохаммера – Дизфуль	вьючный	авто

Источник: Бюллетень прессы Среднего Востока. Ташкент, 1931, № 12. С. 123.

О том, насколько строительство автомобильных дорог и использование грузового автотранспорта ускоряли грузооборот, говорят следующие данные (см. табл. 9).

Таблица 9

**Время, необходимое для перевозки товаров
различными видами транспорта**

Направление	Расстояние, км	Время, необходимое для проезда		
		Верблюдами, дни	Лошадьми, дни	Грузовиками, часы
Тавриз – Тегеран	617	30	20	32
Джильфа – Тавриз	135	5,5	4,5	6
Астара – Тавриз	275	11	9	11
Носретабад – Мешхед	720	32	24	36
Бендер – Аббас – Тегеран	1519	63	53	80
Бендер – Бушир – Тегеран	1194	50	39	59
Хорремшахр – Тегеран	1085	46	36	55
Пехлеви – Тегеран	364	21	12	15
Керманшах – Тегеран	558	25	18	28

Источник: Рахха-йе Иран (Дороги Ирана). Техран: Эгбаль, 1322. С. 126.

В дальнейшем темпы автодорожного строительства не снижались, и к 1941 г. протяженность автомобильных дорог составила 25 тыс. км, по сравнению с 7,5 тыс. км в 1929 г. и 102 км в 1913 г.¹⁶⁹ С 1919 по 1930 г. в страну было ввезено почти 14 тыс. автомобилей, из которых более 5,5 тыс. были грузовыми¹⁷⁰.

Расширение современной дорожной сети сопровождалось стремительным увеличением автомобильного парка страны. Поскольку автосборочные предприятия в то время в Иране отсутствовали, то прирост автопарка происходил исключительно за счет импорта.

Таблица 10

Импорт легковых и грузовых автомобилей с 1924 по 1940 г.

Год	Легковые машины	Грузовики	Прочие транспортные средства
1924	529	103	-
1925	1111	492	-
1926	1330	967	-
1927	1112	977	-
1928	1369	1760	23
1929	1529	1515	10
1930	566	598	1
1931	315	570	4
1932	292	627	-
1933	617	1435	9
1934	1325	1394	31
1935	1317	1800	20
1936	1047	1938	41
1937	400	1496	15
1938	228	590	6
1939	444	99	5
1940	735	327	12
Всего:	14 263	16 688	177

*Кареты скорой помощи, пожарные машины и пр.

Составлено и подсчитано по: *Bharier, J. Economic Development in Iran 1900–1970. P. 197–198.*

¹⁶⁹ Глуходед, В. С. Проблемы экономического развития Ирана. М.: Наука, 1968. С. 143; Завриев, Д. С. Иран и мировой кризис. С. 45.

¹⁷⁰ Завриев, Д. С. Иран и мировой кризис. С. 45.

Наиболее впечатляющими были изменения, произошедшие с железнодорожным транспортом. К моменту прихода Реза-шаха к власти железнодорожная система страны находилась в зачаточном состоянии. Протяженность всех железных дорог составляла менее 350 км: Джульфа – Тавриз – Шарифхане (на озере Умрия) протяженностью около 165 км, дорога Захедан – Нок-Кунди (в Британской Индии) длиной около 85 км, узкоколейная дорога Даре-Хазине – Месджеде-Солейман, использовавшаяся АПНК (70 км), Тегеран – Шах Абдуль Азим (8 км) и Решт – Пире-базар (11 км)¹⁷¹.

Реза-шах начал активно прорабатывать принципиальную схему развития железнодорожной сети страны. На этот счет имелось несколько предложений. Советская сторона предлагала связать свою сеть с железными дорогами Индии, для чего реализовать проекты Баку – Тегеран – Карачи и Тифлис – Тавриз – Тегеран – Мешхед. Англичане лоббировали проект Багдад – Тегеран, который должен был соединить Иран с железными дорогами Европы. Это был чуть измененный маршрут, продвигавшийся до Первой мировой войны Германией в качестве ответвления от дороги Берлин – Бизантиум – Багдад. Однако Реза-шах принял иное решение: дорога должна начинаться и заканчиваться в Иране, не являясь связующим звеном между другими железнодорожными системами. Также шах отклонил предложение сделать конечной точкой дороги на юге город Мохаммеру (Хорремшахр), стоявший на реке Шатт эль-Араб, а сделать ею только начинавший создаваться город-порт Бендер-Шахпур, располагавшийся на побережье Персидского залива. На это имелось две причины. Экономическая состояла в том, что порт на берегу залива был глубоководным и мог принимать суда любого тоннажа, в то время как Хорремшахр располагался на реке, и возможности его были ограничены. Политические резоны определялись неравными правами Ирана и Ирака на пользование водами Шатт эль-Араба, так как право пропуска судов по нему определялось Ираком, являвшимся подмандатной территорией

¹⁷¹ Elwell-Sutton, L. P. *Modern Iran*. P. 90.

Великобритании, поскольку его граница проходила по кромке воды у левого, иранского берега реки. Соответственно, англичане в любой момент могли перекрыть реку для судов, идущих в Иран, и остановить транспортные потоки. Это ставило бы под вопрос и существенно снижало эффективность действия трансиранской железной дороги и, соответственно, вложенных в нее средств.

Важным моментом для реализации проекта являлся источник финансирования строительства. Англичане считали, что без привлечения внешнего финансирования строительство дороги будет невозможно. Британский торговый атташе в Тегеране в отчете за 1925–1927 гг. отмечал: «Было бы большим оптимизмом думать, что персидский капитал является достаточным для предприятия такого широкого масштаба, и даже, если бы можно было получить достаточные средства на месте, то трудность обеспечить сотрудничество между местными вкладчиками рано или поздно вызвала бы необходимость в иностранном участии. Немного, однако, сделано для того, чтобы привлечь в Персию иностранный капитал, хотя это, как говорят, является исходом, который имеет ввиду персидское правительство»¹⁷².

Англичане предлагали Ирану крупный заем для строительства дороги, но правительство отказалось. В 1925 г. было принято решение реализовывать проект за счет внутренних ресурсов. Для этого были повышены налоги на чай и сахар, а также использовалась часть средств из доходов от АПНК. Строительство дороги протяженностью 1394 км от порта Бендер-Шах (ныне Бендер-Туркмен) на побережье Каспийского моря до порта Бендер-Шахпур (ныне Бендер-Хомейни) началось 17 октября 1927 г. одновременно с обоих концов¹⁷³. Первоначально оно велось под руководством американских и немецких инженеров и специалистов, нанятых иранским правительством. Но с апреля 1928 г. его передали консорциуму из американской Ulenand Co. и немецких компаний Philip Holtzmann, Julius Berger и Siemens Bau. Немцы строили северный участок, а американцы – южный. В 1931 г. пра-

¹⁷² Завриев, Д. С. Персия наших дней. Тифлис: Заккнига, 1931. С. 60.

¹⁷³ Elwell-Sutton L. P. Modern Iran. P. 92.

вительство опять взяло в свои руки строительство дороги, но в 1933 г. строительство передали под контроль скандинавской группы Consortium Kampsax, которая пригласила в качестве субподрядчиков английские, итальянские, бельгийские и чешские фирмы¹⁷⁴. Оборудование и материалы поставлялись из разных стран, в том числе из СССР (цемент и рельсовая сталь).

Проект вызвал волну критики за рубежом. Его считали нецелесообразным, нерентабельным, чисто престижным, нацеленным лишь на удовлетворение амбиций иранского суверена. Такое мнение было характерно не только для западных, но и для советских авторов и аналитиков. В частности, газета “Financial Times” от 15 февраля 1934 г. писала: «Другой опасностью, нависшей над экономикой Персии, является решение построить Трансперсидскую железную дорогу. <...> Постройка этой дороги обойдется в 40 млн фунтов. Эти затраты непосильны для страны. Если даже дорога будет построена, то она себя не окупит»¹⁷⁵.

Критицизм представителей советской стороны в связи со строительством Трансперсидской железной дороги во многом определялся тем, что эта магистраль позволяла находить новые рынки сбыта для товаров, производившихся на севере страны, которые раньше было экономически рентабельно экспортировать только в СССР. Это приводило к тому, что в торговле данной продукцией складывался рынок покупателя, т. е. рынок, на котором покупатель диктует свои условия. Советские эксперты всячески продвигали идею развития дорожной сети на севере Ирана. В частности, Д. С. Завриев пишет: «В результате истории постройки Трансперсидской дороги получилось, что Персия, затратив колоссальные средства, выстроила дорогу на юге¹⁷⁶, облегчающую осуществление колониальных планов... а на севере имеет лишенный экономической ценности обрубок. Не проявив достаточной предусмотрительности, с точки зрения националь-

¹⁷⁴ Elwell-Sutton L. P. Modern Iran. P. 92.

¹⁷⁵ Цит. по: Завриев, Д. С. Иран и мировой кризис. С. 47. Сам Д. С. Завриев, приводя данное мнение газеты, посчитал его справедливым.

¹⁷⁶ В то время на южном участке было построено примерно 260 км, тогда как на севере – всего 107.

ных интересов страны при решении вопроса о Трансперсидской дороге, Персия расшатала и без того слабые позиции, которые еще оставались в ее распоряжении и которые вызывали осторожность и сдержанность в поведении империалистических держав»¹⁷⁷. Он же писал, что «увлекшись постройкой Трансперсидской железной дороги, <...> Персия решительно ничего не сделала для улучшения экономической связи с севером»¹⁷⁸.

По мере готовности отдельных участков, они вводились в эксплуатацию, а первый состав по маршруту Тегеран – Ахваз отправился 23 декабря 1938 г. Оценивая значение данного события, Л. Элвелл-Саттон писал: «Таким образом, спустя 11 лет и при затратах в 30 000 000 фунтов, этот великий проект был успешно завершен, и, возможно, впервые со средних веков крупное предприятие было реализовано в стране Востока, не залезая в долги к финансистам Запада»¹⁷⁹.

Оценивая значение строительства Трансиранской железной дороги, следует иметь в виду не только чисто экономические результаты, а именно – какую прибыль она давала в первые годы после начала эксплуатации, но и синергетический эффект, полученный от нее. Прежде всего, она стала стержнем, вокруг которого начала формироваться вся железнодорожная сеть страны. Уже при Реза-шахе началось строительство линии Тегеран – Мешхед (в 1939 г. был построен участок Гярмсар – Семнан протяженностью около 100 км). Тогда же началось строительство дороги Тегеран – Тавриз (построено около 250 км через Кередж и Казвин до Зенджана)¹⁸⁰. Десятки тысяч иранцев в годы ее строительства получили работу и какие-то, пусть и не самые престижные, специальности. После начала ее эксплуатации тысячи людей получили работу в качестве машинистов, кочегаров, путевых обходчиков, ремонтников, механиков и пр., а районы вдоль трассы стали активнее обживать. Транспортировка товаров

¹⁷⁷ Завриев, Д. С. Персия наших дней. С. 63.

¹⁷⁸ Завриев, Д. С. Торгово-политический курс Персии. Тифлис: Заккнига, 1931. С. 124.

¹⁷⁹ Elwell-Sutton, L. P. Modern Iran. P. 93–94.

¹⁸⁰ Ibid. P. 97.

по территории страны существенно удешевилась, а сроки резко сократились. Иными словами, дорога стала важным элементом всего модернизационного проекта Реза-шаха.

Судить о значении транспортных артерий только с позиций экономической привлекательности – в корне ошибочный подход. Такие проекты следует оценивать и с точки зрения геополитики и геостратегии. В свое время задуманная немцами железная дорога Берлин – Бизантиум – Багдад также считалась убыточной и не дававшей экономических преимуществ по сравнению с морским путем в Индию через Суэцкий канал¹⁸¹. Но российский военный инженер, дипломат, участник походов в Среднюю Азию и посланник в Пекине П. М. Лессар, проанализировав доступные ему материалы, прозорливо отметил в своей аналитической записке от 14/27 апреля 1903 г.: «Дорога по Месопотамии к Персидскому Заливу, конечно, будет способствовать поднятию экономического уровня края, но <...> результаты скажутся не скоро и не надежда на них может облегчить необходимый заем. Багдадская железная дорога имеет иное значение. Это новый путь из Европы в Индию, во многих отношениях более удобный, нежели Суэцкий канал. Потребность в мировых путях ныне так велика, что они осуществляются, так сказать, инстинктивно, причем чисто коммерческие соображения о немедленной доходности линии отходят на второй план. Сибирская железная дорога (имеется в виду Транссибирская железная дорога. – З.А.) лучший тому пример»¹⁸².

Оказалось, что и Трансиранская железная дорога имела стратегическое значение. Она, хотя и в меньшей степени, чем автомобильные дороги, построенные в меридиональном направлении при Реза-шахе, сыграла важную роль в годы Второй мировой войны для транзита грузов, поставлявшихся в СССР по Ленд-лизу транзитом через Иран, в связи с чем Иран получил почетное название Мост победы.

Не менее важными были и изменения в промышленности. Характерно, что долгое время в Иране не существовало

¹⁸¹ Подробнее об этом проекте см.: Арабаджян, З. А. Иран в годы Первой мировой войны. С. 39–43.

¹⁸² АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Ед. хр. 4459. Л. 40.

само название Министерство промышленности, а вопросы промышленности курировало Министерство общественных работ. К моменту прихода Реза-шаха к власти обрабатывающая промышленность в стране была представлена самыми примитивными производствами. Наиболее развитой ее частью являлось производство ковров и шелковых тканей, которое основывалось на ручном труде и во многом имело традиционную организацию. Соответственно, и регулирование жизни, социальных акций, политических настроений, приверженности ценностям занятых в них людей определялись *синфами* (ремесленными и торговыми цехами) и существовавшими в них устоями. Таким образом, модернизация промышленности в 1920–1930-е гг. имела как техническую и технологическую, так и социальную составляющую. В этом смысле целью было не только заменить старое примитивное производство на новое современное, но и разрушить социальную силу традиционных *синфов*, заместив ее силой государства.

Хотя до начала реформ в Иране существовали отдельные производства в виде сахарных заводов или спичечных фабрик, но они были созданы в основном в годы Первой мировой войны для того, чтобы как-то заполнить внутренний рынок, поскольку из-за войны и революции в России импорт этих товаров прекратился¹⁸³. Однако эти производства имели крайне слабое техническое оснащение, и их продукция была как дорогой, так и плохого качества. Она оказалась неконкурентоспособна и начала уступать место более дешевому и качественному импорту.

Как отмечалось выше, правительство, занявшись валютным регулированием в 1930 г., поощряло импорт промышленного оборудования, разрешая его импортерам вывозить иранских товаров на суммы, эквивалентные цене импорта машин и оборудования. Еще раньше начали создаваться профессионально-технические училища, наиболее известное из которых курировалось немецкими специалистами¹⁸⁴. Однако серьезное промышленное развитие началось в период Великой депрессии, когда

¹⁸³ До войны Россия обеспечивала 100% потребления сахара в Иране.

¹⁸⁴ Подробнее см. главу «Реформы в области образования».

существенно упали цены на промышленное оборудование. Правительство предприняло целый ряд мер по поддержке иранской промышленности: установило новый таможенный тариф, который защищал отечественных производителей от иностранных товаров, ввело монополию внешней торговли, через Национальный банк предоставляло кредиты под строительство промышленных предприятий под низкие проценты. Наконец, Министерство промышленности напрямую из своего бюджета финансировало строительство самых современных крупных промышленных предприятий.

В это десятилетие были построены крупные предприятия в таких отраслях, как сахарная, табачная, текстильная, цементная, стекольная, производство спичек и пр. Первый крупный сахарный завод мощностью 2211 т в год вступил в строй в Кахризаке (10 км от Тегерана) в 1936 г. Он был оснащен чешским оборудованием. В дальнейшем сахарные заводы начали вводиться в эксплуатацию в Кередже, Верамине, Марве-даште. При этом все они находились в населенных пунктах, располагавшихся вдоль железных дорог. В итоге в 1940 г. в Иране производилось около 40 тыс. т сахара, что, правда, составляло лишь треть от потребностей страны¹⁸⁵.

Другой отраслью, получившей сильный импульс к развитию, стала текстильная промышленность. До ее роста в 1930-х гг. основным поставщиком тканей в Иран были Советский Союз и Англия. Наиболее крупным ткацким предприятием по производству хлопчатобумажных тканей стала фабрика в Шахи, на которой действовало 12 000 веретен¹⁸⁶. Она обслуживала нужды армии. Другими крупными предприятиями отрасли являлись фабрики в Йезде, Исфагане, Бендер-Аббасе, Семнани, Кермане, Тавризе и Тегеране. Шерстяные ткани выпускались на фабриках в Тавризе, Казвине, Йезде и Исфагане, а шелковые – в Реште и Чалусе. В сентябре 1939 г. в Тегеране открылся большой завод по производству стекла, также действовали предприятия по про-

¹⁸⁵ Elwell-Sutton, L. P. *Modern Iran*. P. 103.

¹⁸⁶ Ibid.

изводству бумаги и обуви. Крупные фабрики по выпуску спичек были созданы в Тавризе и Хамадане.

Учитывая широко развернувшееся в стране строительство, правительство начало строить цементные заводы, первый из которых мощностью 100 т/сутки вошел в строй в 1932 г. в Кахризке, а в 1936 г. начал работу еще один завод, производивший 300 т/сутки¹⁸⁷. Однако производство цемента не удовлетворяло потребностей страны в полном объеме.

В десятках городов стали создаваться современные заводы по переработке продукции сельского хозяйства: производству фруктовых консервов (Мешхед), растительного масла (Верамин, Баболь, Тавриз, Исфаган), обработке кож (несколько фабрик в Тавризе), джутовые мельницы (Решт и Шахи). Началось масштабное производство сигарет. Крупнейшие табачные фабрики открылись в Тегеране (12 млн сигарет в день), Исфагане и других городах¹⁸⁸. Также на индустриальную основу было поставлено производство макарон, сухофруктов и многих других продуктов.

Делались попытки развивать и отрасли тяжелой промышленности. В Пехлеви начала функционировать судостроительная верфь, которая в ноябре 1940 г. спустила на воду свое первое судно – земснаряд. В Мазендеране началось строительство доменной печи проектной мощностью 300 т чугуна в сутки. В связи с быстрым развитием транспортной сети по всей стране начали создаваться мастерские по ремонту паровозов, вагонов и автомобилей. Началась разработка полезных ископаемых: угля (шахты в Зирабе), железной руды (рудники в Семнане), медной руды (рудники в Аббасабаде)¹⁸⁹.

В целом с 1925 по 1941 г. количество крупных предприятий выросло в 15–17 раз. В 1925 г. в стране имелось лишь 5 производств с числом занятых 50 и более человек на каждом: арсенал в Тегеране, две текстильные фабрики в Тавризе, спичеч-

¹⁸⁷ Ibid. P. 104.

¹⁸⁸ Ibid.

¹⁸⁹ Технические изменения, происходившие в нефтяной промышленности Ирана, не рассматриваются, поскольку они осуществлялись не правительством страны, а АИНК.

ная фабрика в Хое и сахарный завод в окрестностях Тегерана. В 1941 г., согласно данным Министерства труда, в Иране функционировало 346 современных заводов и фабрик, из которых 200 являлись небольшими по числу занятых (ремонтные мастерские, элеваторы, кожевенные заводы, винокурни, городские электростанции и пр.), но остальные 146 предприятий являлись крупными промышленными производствами, в том числе: 37 текстильных фабрик, 11 спичечных фабрик, 8 химических предприятий, 8 сахарных заводов, 5 чайных фабрик, 2 стекольных заводов, несколько табачных фабрик и др., на которых работало более 50 000 человек¹⁹⁰.

Наибольшее количество новых крупных фабрик вступило в строй в период с 1932 по 1939 г. (см. табл. 11).

Таблица 11

Ввод в эксплуатацию новых крупных предприятий обрабатывающей промышленности в 1926–1940 гг.

Год	Новые фабрики и заводы	Количество занятых
1926	2	462
1927	0	0
1928	0	0
1929	5	463
1930	1	2397
1931	2	859
1932	6	2182
1933	4	586
1934	13	5675
1935	11	3092
1936	11	5142
1937	9	6418
1938	9	7417
1939	3	1184
1940	3	67
Итого:	79	35944

Источник: *Bharier, J. Economic Development in Iran 1900–1970. P. 173.*

¹⁹⁰ *Abrahamian, E. Iran Between Two Revolutions. P. 146–147.*

Очевидно, индустриализация в определенной степени была столь интенсивна в указанные годы, поскольку ей способствовала экономическая депрессия, охватившая основные развитые капиталистические страны в 1930-е гг., и в этом было некоторое сходство с аналогичным процессом, проходившим в то же время в СССР. Спад 1939–1940 гг., может быть объяснен началом Второй мировой войны, оказавшей серьезное негативное влияние на иранскую экономику.

Рассматривая вопросы экономической модернизации 1920–1930-х гг. и распределения финансовых ресурсов государства между различными сферами, многие авторы критикуют Реза-шаха за чрезмерное расходование средств на нужды армии. В частности, М. С. Иванов отмечает: «Размеры армии (около 150 тыс. чел. постоянного состава) намного превышали потребности страны для поддержания внутреннего порядка. По иранским данным, в 1921–1941 гг. расходы на армию составляли в среднем ежегодно 33,5% всех доходов по государственному бюджету»¹⁹¹. Следует отметить, что в отдельные годы данный показатель был даже выше (см. табл. 12).

Таблица 12

Структура расходной части государственного бюджета Ирана, 1924–1925 гг.

Статьи расходов	Сумма расходов, млн туманов*	Удельный вес, %
Национальная оборона	9,2	39,3
Министерство финансов	3,1	13,3
Министерство внутренних дел	2,1	9,0
Министерство почт и телеграфов	1,6	6,8
Министерство общественных работ	0,8	3,4
Министерства просвещения и здравоохранения	0,8	3,4
Погашение государственного долга	1,6	6,8
Пенсии, пособия и учебные расходы	0,8	3,4

¹⁹¹ История Ирана / Отв. ред. М. С. Иванов. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 331. Проверить указанную цифру не представляется возможным, поскольку автор не указывает источник ее происхождения.

Окончание табл. 12

Статьи расходов	Сумма расходов, млн туманов	Удельный вес, %
На содержание американских советников	0,1	0,4
Прочие	3,3	14,1
Всего:	23,4	100,0

* 1 туман состоял из 10 кран.

Подсчитано по: АВП РФ. Ф. 64. 1925. Оп. 18. П. 125. Д. 50855. Л. 44–45.

Однако такой удельный вес военных расходов естественен и объяснялся тем, что в 1920-е гг. иранская национальная армия только начинала создаваться. В дальнейшем при резком увеличении государственного бюджета и сильном абсолютном росте военных расходов их доля в расходах государственного бюджета сильно сократилась (см. табл. 13).

Таблица 13

Расходы государственного бюджета Ирана на 1940/41 г.

Министерство и ведомство	Сумма расходов, млн риалов	Удельный вес ключевых министерств, %
Министерство Двора	5	
Меджлис	10	
Аппарат премьер-министра	10	
Военное министерство	485	15,1
Департамент безопасности	36	
МВД	132	4,1
Министерство юстиции	64	
МИД	33	
Министерство почт и телеграфа	71	2,2
Министерство просвещения	139	4,3
Министерство торговли	5	
Департамент сельского хозяйства	72	2,2
Министерство финансов	146	
Министерство промышленности	745	23,1
Министерство транспорта	999	31,0
Прочие	267	8,3
Итого:	3219	100,0

Подсчитано по: Elwell-Sutton, L. P. Modern Iran. P. 117.

Приведенные данные показывают, что к концу правления Реза-шаха приоритеты в распределении финансирования делались не на армию, а на развитие транспорта и промышленности, расходы на которые в 2 и 1,5 раза соответственно превышали военные расходы. Если же сравнить постатейный удельный вес расходов в 1924 и 1940 гг., то доля военных расходов упала в 2,5 раза, расходы на МВД сократились более чем в 2 раза, а доля расходов на промышленность выросла в 6,8 раза.

О том, что 1940 г., когда доля военных расходов была сравнительно невелика, не являлся исключением, свидетельствуют следующие данные (см. табл. 14).

Таблица 14

Динамика доли военных расходов с 1928 по 1941 г.

Год	Расходы общего бюджета, млн кран/риалов	Расходы на армию, МВД и спецслужбы	
		млн кран/риалов	доля в расходах государственного бюджета, %
1928	267	111	41,6
1929	311	141	45,3
1930	353	147	41,6
1931	373	151	40,5
1932	421	175	41,6
1933	507	210	41,4
1934	621	233	37,5
1935	751	250	33,3
1937	1248	309	25,8
1938	1529	354	23,2
1939	1930	399	20,7
1941 (план)	4324	639	14,8

Подсчитано по: Агели, Б. Реза-шах ва гошун-е моттахе-дульшекль (1300–1320). С. 486–487.

Как возросли расходы на развитие транспорта, невозможно определить, поскольку Министерство транспорта в 1924 г. отсутствовало, а дорожное строительство в значительной степени финансировалось Военным министерством. Впечатляющий рост

в абсолютном выражении демонстрировали и расходы на Министерство просвещения. Хотя формально их удельный вес увеличился незначительно (с 3,4 до 4,3%), следует отметить, что в 1924 г. в указанную статью включались и расходы на здравоохранение, в то время как в 1940 г. расходы на здравоохранение проходили по статье «Прочие», доля которой превышала 8%. Кроме того, многократным оказался рост расходов на народное просвещение в абсолютных показателях – с 8 млн кранов до 139 млн риалов. Даже если учесть рост общего индекса розничных цен за указанный период в 3 раза¹⁹², то расходы на образование возросли в 5,5–6 раз.

В то же время приведенные в табл. 13 данные за 1940–1941 г. убедительно показывают ту отрасль народного хозяйства, которая в наименьшей степени оказалась затронута социально-экономической модернизацией Реза-шаха. Ею было сельское хозяйство, на которое бюджетом предусматривались расходы в 72 млн риалов, что составило 2,2% государственных расходов. Как отмечено в соответствующей главе настоящего исследования, на законодательном уровне закреплялось помещичье землевладение, оно максимально ограждалось от всего, что могло было бы восприниматься как самая робкая попытка посягательства на него, как нарушение священного права частной собственности. Множеством статей Уголовного кодекса страны (принят в январе 1926 г.) защищались «имения и имущество правительства», равно как и «имения и имущество граждан» от «бунтовщиков и бандитов». Имуществом и имениями граждан были земельные владения феодально-помещичьего класса, на страже которого стояла вся мощь государственной машины. Примечательно, что в кодексе совершенно не встречается такого понятия, как крестьяне, которые в скрытом виде фигурируют в нем как «бандиты» и «бунтовщики». Очевидно, что под этими терминами имелись в виду безземельные крестьяне, составлявшие основную производитель-

¹⁹² Данные о росте общего индекса стоимости жизни за указанный период отсутствуют. Но общий индекс оптовых цен увеличился в 2,3 раза (рассчитано автором по: *Bharier, J. Economic Development in Iran 1900–1970*. Р. 46–47). Поскольку розничные цены растут быстрее оптовых, рост данного показателя здесь условно принят в 200%.

ную силу в аграрном секторе, да и самую большую часть в населении страны.

В пользу того, что власть всячески способствовала закреплению помещичьего землевладения, говорит и то, что в 1934 г. закон об обложении помещичьих земель и животных претерпел изменения и земельный налог на сельскохозяйственные земли был заменен подоходным налогом. Кроме того, законом освобождались от налогообложения сроком на пять лет земли, впервые вводимые в сельскохозяйственное производство. Поскольку безземельные крестьяне, составлявшие основную массу крестьянства, не имели средств для покупки даже не самых подходящих участков, то основные преимущества от такого послабления получали помещики или зажиточные крестьяне.

Правительство понимало всю архаичность и низкую эффективность иранского сельского хозяйства и после того, как успехи в области развития транспортной сети и промышленности стали очевидны, обратило внимание и на данный сектор экономики. Принимаются закон о разрешении продажи государственных земель в окрестностях Тегерана (11 ноября 1937 г.), закон о развитии земельного фонда (16 ноября 1937 г.), закон об определении доли собственника земли и арендатора в урожае от обрабатываемых земель (16 сентября 1939 г.) и др. Однако все эти акты в первую очередь были благоприятны для богатых землевладельцев. Так, для покупки государственных земель необходимо было сразу уплатить всю сумму, если участок стоил не более 50 000 риалов. Получение кредита было обусловлено внесением немалого залога, наличием поручителя и иными условиями, выполнить которые безземельному крестьянину было невозможно.

Актом о развитии земельного фонда от землевладельцев требовалось проводить ирригационные работы, строить сельские дороги к своим земельным участкам, применять научные и санитарно-обоснованные методы при ведении хозяйства, осушать болота, внедрять сельскохозяйственные машины и пр. Нуждающимся собственникам также обещали льготное кредитование, а нерадивым – наказания. Однако весь процесс нововведений и преобразований передавался в руки самих землевладельцев,

которые были не слишком заинтересованы в переменах. В связи с этим А. Банани отмечал, что реализация данного закона «была передана в руки тех, против чьих (сельскохозяйственных) методов он направлялся. Он был сколь хорош, столь и нежизнеспособен, хотя справедливости ради следует отметить, что, когда немногочисленные прогрессивные землевладельцы пытались внедрить научные и технические нововведения, они неизменно встречали крестьянскую апатию и отсутствие сотрудничества»¹⁹³.

Хотя какие-то технические новинки, удобрения и другие новшества все-таки в иранской деревне появлялись, но в целом масштабная модернизация, охватившая все стороны жизни иранского общества, прошла мимо аграрного сектора. Свидетельством того, что ситуация в аграрном секторе была крайне неблагоприятной, явилось то, что даже в 1962 г. 85% обрабатываемых земель находилось в собственности помещиков прямо или косвенно (через вакуфы, которыми могли распоряжаться помещики)¹⁹⁴. Именно это обстоятельство стало причиной того, что иранское правительство оказалось вынужденным начать тогда же аграрную реформу, за несколько лет до которой Мохаммед Реза-шах начал раздачу крестьянам коронных земель.

Данные табл. 12 и 13 также свидетельствуют о том, что в период с 1924 по 1940 г. расходы государственного бюджета выросли с 234 до 3219 млн риалов (в 13,7 раза). Такой существенный рост произошел из-за многократного увеличения поступлений из следующих источников:

- доходы от доли правительства в АИНК, возросшие примерно с 1 до 4 млн фунтов в год;
- рост поступлений от таможенных сборов в связи с восстановлением объемов внешней торговли после того, как мировая экономика стала выходить из кризиса 1929–1933 гг. В конце 1930-х – начале 1940-х гг. поступления из этого источника превышали 400 млн риалов в год;
- существенный рост доходов от прямого налогообложения, которые стали поступать в государственный бюджет,

¹⁹³ Banani, A. The Modernization of Iran. 1921–1941. P. 123.

¹⁹⁴ История Ирана. С. 416–416.

в то время как раньше они оставались в распоряжении местных властей или даже в карманах провинциальной бюрократии и дельцов-откупщиков;

– самый крупный взнос (около 1200 млн риалов) давали государственные монополии на чай, сахар, табак, топливо и пр.;

– обращение правительства к печатному станку. В связи с реализацией крупных проектов в области транспорта, промышленности, градостроения и пр., которая осуществлялась по линии государственного сектора, с 1932 по 1941 г. объем наличных денег в обращении увеличился со 160 млн риалов до 1740 млн риалов¹⁹⁵.

Последний фактор существенно влиял на динамику оптовых и розничных цен в стране, которая отражена в табл. 15.

Таблица 15

**Динамика среднегодового темпа прироста/снижения
оптовых цен в Иране в 1920–1940 гг.**

Годы	1920–1925	1925–1930	1930–1935	1935–1940	1920–1940
Среднегодовой темп прироста/снижения, %	1,3	–0,65	7,25	10,65	4,55

Подсчитано по: *Bharier, J. Economic Development in Iran 1900–1970. P. 46–47.*

При среднегодовом темпе прироста оптовых цен в 4,55% за весь период, тенденции в каждом из десятилетий существенно различались. Если в 1920-е гг. инфляции практически не было, то следующее десятилетие характеризовалось ее всплеском, особенно последние пять лет. Несомненно, основными причинами этого явился быстрый рост государственных расходов в связи с амбициозными модернизационными планами Реза-шаха, которые осуществлялись именно в это десятилетие, и использованием правительством эмиссионных механизмов.

Еще более существенным оказался рост индекса стоимости жизни в городах страны во второй половине 1930-х гг.¹⁹⁶:

¹⁹⁵ *Abrahamian, E. Iran Between Two Revolutions. P. 148.*

¹⁹⁶ Статистические данные за более ранний период отсутствуют.

Таблица 16

Динамика индекса стоимости жизни в семи крупнейших городах Ирана в 1936–1940 гг. (1959 г. = 100%)

Год	Общий индекс	Продовольствие	Аренда жилья	Топливо и вода	Одежда
1936	6,6	7,4	2,8	14,2	9,5
1937	8,0	8,8	3,3	17,2	11,5
1938	8,7	9,4	4,1	17,9	12,4
1939	9,4	9,8	4,5	19,4	13,9
1940	10,7	11,2	5,4	19,6	15,9
Среднегодовой темп прироста, %	12,85	10,9	17,85	8,4	13,75

Подсчитано по: *Bharier, J. Economic Development in Iran 1900–1970. P. 48.*

При общем высоком уровне инфляции максимальным оказался рост цен на аренду жилья, что объяснялось быстрым ростом городского населения за счет мигрантов из деревень, солдат, отслуживших в армии и решивших остаться жить в городе, и пр.

Важным фактором нарастания инфляционных явлений к концу правления Реза-шаха стал постоянно дефицитный государственный бюджет:

Таблица 17

Государственный бюджет Ирана в 1925/26 и 1940/41 гг., млн кранов/риалов

	1925/26 г.	1940/41 г.
Поступления	245	3613
Расходы	245	4333
Дефицит	0	–720
% от бюджета	0	16,6

Составлено и подсчитано по: *Abrahamian, E. A History of Modern Iran. P. 69.*

Данные по расходам за 1940/41 г. существенно отличаются от таковых, приведенных в табл. 13, и в настоящее время невозможно установить, какие являются более точными. Однако в дан-

ном случае важно подчеркнуть дефицитный характер государственного бюджета.

Особо следует отметить, что ускорению инфляции в 1939 и 1940 гг. способствовало начало Второй мировой войны, вызвавшее нарушение экономических связей Ирана со многими европейскими странами и осложнившее поставку товаров, даже уже оплаченных иранскими импортерами. Следствием всего этого стал начавшийся экономический кризис.

Период реформ 1920–1930-х гг. был отмечен существенным ростом численности населения страны, что во многом определялось стабилизацией ее экономического положения, сокращением смертности (особенно детской) благодаря усилиям правительства по борьбе с инфекциями и просветительской работе среди малообразованных страт, массовой вакцинации детей, а также всплеском рождаемости, ставшим реакцией на повышенную смертность в период голода 1917–1919 гг.¹⁹⁷ Динамика роста населения страны приведена в табл. 18.

Таблица 18

Изменение численности населения Ирана с 1921 по 1941 г.

Год	Всего	Городское		Сельское	
		млн чел.	%	млн чел.	%
1921	11,47	2,41	21,0	9,06	79,0
1926	11,86	2,49	21,0	9,37	79,0
1931	12,77	2,68	21,0	10,09	79,0
Среднегодовой темп прироста за 1921–1931 гг. %	1,1	1,05		1,1	
1936	13,72	2,93	21,4	10,79	78,6
1941	14,76	3,33	22,6	11,43	77,4
Среднегодовой темп прироста за 1931–1941 гг. %	1,45	2,2		1,25	
Среднегодовой темп прироста за 1921–1941 гг. %	1,25	1,65		1,15	

Составлено и подсчитано по: *Bharier, J. Economic Development in Iran 1900–1970.* P. 26–27.

¹⁹⁷ Подробнее медицинские мероприятия будут рассмотрены в Главе VII.

Если в 1920-е гг. сельское население росло в численности даже чуть быстрее городского, то в 1930-е гг. ситуация поменялась коренным образом: прирост городского населения оказался в 1,76 раза выше, чем сельского ($2,2:1,25 = 1,76$). Такой рост городского населения стимулировался созданием промышленных предприятий, концентрировавшихся в городах, разрастанием административного аппарата, а также политикой правительства по широкомасштабному строительству и реконструкции крупнейших городских центров, в первую очередь Тегерана. Все это создавало спрос на рабочую силу (промышленных и строительных рабочих). Проходил процесс разрушения старых традиционных городских махалей (кварталов, слободок). Наряду с этим в центральных городских районах, согласно утвержденным архитекторами планам, прокладывались широкие проспекты, строились современные торговые, административные и жилые здания. Особенно сильно данный процесс затронул столицу, население которой к концу правления Реза-шаха возросло почти до 700 тыс. человек по сравнению с примерно 200 тыс. в начале 1920-х гг. Тегеран был разбит на пять крупных административных районов: традиционный тегеранский базар, административный центр, в районе которого располагались основные министерства и ведомства (выше площади Тупхане). К северу от него начинались жилые кварталы активно формировавшегося нового среднего класса. На юго-западе города располагалась промышленная зона, а юго-восток занимали кварталы городской бедноты. Подобного рода перемены имели место и в других крупных городах страны, хотя и в гораздо меньших масштабах.

Модернизационные процессы во всех областях жизни общества стали причиной и постепенных изменений в его социально-классовой структуре. Более всего перемены коснулись пролетариата и средних городских слоев, численность и качественный состав которых претерпел большие трансформации. Если в начале XX в. в значительной своей части иранский фабрично-заводской пролетариат формировался на территории Российской империи, прежде всего в районе

Баку¹⁹⁸, то в 1920–1930 гг. этот процесс стал генерироваться в самом Иране. Только количество занятых на предприятиях АИНК увеличилось с 20 000 до 31 000 человек (с 1925 по 1941 г.)¹⁹⁹. На текстильных фабриках в 1941 г. трудилось около 20 000 человек²⁰⁰. Если в 1928 г. количество железнодорожников и шоферов не превышало 3000 человек, то к 1941 г. железнодорожников стало 15 000, а шоферов и рабочих автомастерских – более 30 000 человек²⁰¹. При этом по 4000 человек работали в добывающей (не нефтяной) промышленности и портах Персидского залива и Каспийского моря, 2500 человек занимались рыболовством на Каспийском море²⁰². С учетом рабочих сахарных, цементных и стекольных заводов, табачных фабрик и других предприятий общую численность современного пролетариата Ирана к концу правления Реза-шаха можно оценить примерно в 200 000 человек. Иначе говоря, рождение качественно нового класса состоялось. Кроме того, в стране работало не менее 200 000 человек на ковровых мануфактурах, включая надомников (рассеянная мануфактура). С учетом сельскохозяйственных и сезонных рабочих общая численность всех групп иранского пролетариата может быть оценена примерно в 500 тыс. человек. Разумеется, для страны с населением почти в 15 млн человек – это скромный показатель. Особенностью иранского пролетариата стало то, что в его составе был велик удельный вес детей: до 25% среди фабрично-заводских рабочих и 30–40% в ковроткачестве и мелком ремесленном производстве²⁰³.

Еще большие перемены произошли со средним классом, или точнее – со средними городскими слоями, значительное место среди которых занимала интеллигенция. По имеющимся оценкам к началу 1920-х гг. 80% интеллигенции было занято в госу-

¹⁹⁸ Об этом процессе см.: Атабаки, Т. Раванди-Фадаи, Л. Жертвы времени... С. 16–31.

¹⁹⁹ Без работавших на компанию англичан и индийцев.

²⁰⁰ Башкиров, А. Рабочее и профсоюзное движение в Иране. М., Профиздат, 1948. С. 19.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Abrahamian, E. Iran Between Two Revolutions. P. 147.

²⁰³ Башкиров, А. Рабочее и профсоюзное движение в Иране. С. 19.

дарственном секторе (5665 человек), 10% – в иностранном секторе (в АПНК, в других иностранных компаниях и иностранных миссиях и консульствах в Иране), и по 5% приходилось на частный сектор и лиц свободных профессий²⁰⁴.

Реформы Реза-шаха дали мощный импульс росту интеллигенции, являвшейся основной частью средних слоев города, поскольку даже рабочие на современных предприятиях по уровню материального достатка не могли попадать в данную социальную страту. Основная часть средних слоев прирастала за счет расширения государственного аппарата. Параллельно происходило и изменение состава государственных служащих, целью которого было освобождение государственных структур от представителей династии Каджаров. Монархией это преподносилось как открытие возможностей для продвижения по социальной лестнице выходцев из низов. Государственные служащие рекрутировались в основном из буржуазных и мелкобуржуазных слоев, молодежь которых имела теперь широкие возможности получения среднего и высшего образования и предпочитала государственную службу как более надежную и стабильную самостоятельному ведению бизнеса, подверженного многочисленным неблагоприятным факторам.

В рассматриваемый период стала меняться и социальная психология представителей средних городских слоев, которые уже с меньшим пиететом смотрели на коммерцию, хотя традиционно в исламском мире торговля считалась делом благородным, поскольку пророк Мохаммед был купцом. Они стали стремиться дать своим детям по возможности лучшее образование, поскольку, имея его, можно было получить солидное и хорошо материально обеспеченное положение в обществе. Кроме того, для того чтобы добиться материального благополучия за счет предпринимательства, было необходимо владеть какими-либо активами (деньгами, имуществом, землей и т. п.), а получить образование на уровне средней школы и поступить на службу было не столь обременительно, особенно с учетом ряда привилегий,

²⁰⁴ Бади, Ш. М. Городские средние слои Ирана. М.: Наука, 1977. С. 61.

которые давало государство одаренным детям или детям государственных служащих. Также работа в государственных органах давала возможность хоть в малой степени приобщиться к политической власти, а власть на Востоке всегда являлась источником богатства.

Многочисленными слоями среднего класса к началу 1940-х гг. были учителя и преподаватели ВУЗов и специальных учебных заведений (около 15 тыс. человек), офицерский и унтер-офицерский корпус (около 20 тыс. человек). В целом же численность интеллигенции и государственных служащих в Иране в это время составляла около 150 тыс. человек²⁰⁵.

Таким образом, экономическая модернизация в 1920–1930-е гг. была достаточно успешной как в экономическом, так и в социальном плане. Появились национальная банковская система (кроме Национального банка, имелись Кредитный банк, Сельскохозяйственный банк, Промышленный банк), которая стала контролировать эмиссию иранской валюты и финансировать проекты развития, современные промышленные предприятия, была создана современная сеть автомобильных дорог, реализован крупнейший проект строительства Трансиранской железной дороги, менялся даже внешний вид городов. Наряду с изменениями в материальном производстве происходили адекватные им перемены в социально-классовой структуре страны – стал формироваться современный фабрично-заводской пролетариат и современные средние городские слои.

Вместе с тем, далеко не все из задуманного было осуществлено или сделано должным образом. Не удалось национализировать АИНК или хотя бы существенно изменить распределение прибылей между компанией и иранским правительством в пользу последнего. Английский Шахиншахский банк, хотя и утратил право эмиссии иранской валюты, продолжал влиять на ее курс в своих интересах и сумел получить от правительства ряд серьезных привилегий. Политика в отношении аграрного сектора оказалась откровенно реакционной. Крестьянство (самый много-

²⁰⁵ Там же.

численный класс общества) оказалось более остальных обойдено положительными достижениями экономической модернизации. Во многом это, вероятно, определялось тем, что сам Реза-шах являлся крупнейшим помещиком в стране, а другим крупным землевладельцем было иранское духовенство.

Будучи частью мирового хозяйства, Иран не сумел предпринять мер для защиты своих интересов в годы мирового экономического кризиса, хотя правительство пыталось противодействовать его негативному влиянию на экономическую ситуацию.

Глава VI

РЕФОРМЫ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Реформы в области образования и культуры являлись не менее важным аспектом модернизации Реза-шаха, чем все остальные направления. Более того, добиться устойчивого положительного результата в таких областях, как создание новой армии, изменение правовой системы и ее успешное функционирование, проведение хотя бы в весьма ограниченных масштабах индустриализации и прочие нововведения, было невозможно без формирования человека новой эпохи, без корректировки менталитета людей, которым предстояло проводить все указанные перемены, без масштабной подготовки кадров, соответствовавших требованиям исторического момента. Все это предстояло сделать через преодоление массовой неграмотности населения, создание школы нового типа, сети высших учебных заведений, преобразования в области культуры, вплоть до изменения внешнего вида людей. К сожалению, в отечественной иранистике данное направление не получило должного освещения. Отмечалось, что увеличилась сеть школ и число учащихся, был создан Тегеранский университет, введена европейская форма одежды, женщинам разрешили не носить чадру, а потом и вовсе запретили ее надевать. Советский исследователь М. С. Иванов так оценивал реформы шаха в области образования и культуры: «В конце 20-х и 30-х годах были проведены некоторые верхушечные реформы в области народного образования, культуры и быта»²⁰⁶. Единственное

²⁰⁶ История Ирана. С. 342.

исследование данного вопроса проведено Е. А. Дорошенко, которая резюмирует, оценивая ситуацию 1930-х гг.: «Реформа просвещения 30-х годов, несмотря на ее ограниченность, несомненно, сыграла положительную роль в развитии образования в Иране»²⁰⁷. В действительности, для того чтобы оценить имевшие место перемены, необходимо не только рассмотреть изменение некоторых количественных параметров, но и оценить качество происшедших сдвигов, а также сравнить результаты с отправной точкой реформ – с тем, что традиционно существовало в Иране на протяжении многих веков.

Наследие, доставшееся Реза-шаху, было крайне тяжелым. В стране имелось очень мало грамотных людей, а трудящиеся и эксплуатируемые массы деревни являлись сплошь безграмотными. Хотя никаких формальных запретов для обучения грамоте не существовало, но образование, даже на уровне умения читать и писать, оставалось уделом привилегированных слоев – ханов, феодалов, землевладельцев, купечества. Неслучайно каждый грамотный человек мог перед своим именем поставить почетный титул мирза.

На протяжении веков сложилась ситуация, когда государство практически полностью отстранилось от вопросов просвещения и образования, и эта сфера стала монополией духовенства. Светская школа (*мактаб*)²⁰⁸ состояла из одной комнаты, в которой собирались ученики самых разных возрастов от семи лет и старше. В роли учителя выступал священнослужитель (мулла). Он мог учить детей чему хотел и как хотел. Никакого контроля со стороны государства в виде профессиональных органов, ответственных за обучение, не имелось. Для того чтобы стать ахундом (учителем) в мактабе, не нужно было отвечать каким-либо профессиональным критериям. В мактабах сначала ставилась цель научить ребенка читать и писать, по возможности красиво. Также ученики заучивали наизусть куски из религиозных

²⁰⁷ Дорошенко, Е. А. Система просвещения в Иране. М.: Восточная литература, 1959. С. 42.

²⁰⁸ В стране имелись также и религиозные школы (медресе), но автор не анализирует подробно ситуацию с данным типом учебных заведений ни в XIX в., ни в период реформ 20-х – 30-х гг. XX в.

текстов и произведений классической персидской средневековой поэзии. Поскольку в персидском языке было много арабизмов и исходным языком Корана является арабский, то на более продвинутых стадиях обучения ученикам давались самые общие основы арабской грамматики и использовался персидско-арабский словарь. Установленных сроков обучения не существовало, и ученик прекращал посещать школу, когда прослушивал все, чему учитель мог его научить.

В месте своего проживания мулла мог открыть класс, если его соседи готовы были отдать своих детей на обучение и материально поддерживать учителя. Твердой платы за обучение не существовало, и ее размер оговаривался между учителем и родителями учеников индивидуально. В деревне плата учителю часто осуществлялась натурой: продуктами питания, дровами и прочим, что позволяло ему выживать. Иногда богатые родители великодушно разрешали учителю принять в класс какого-нибудь талантливого ребенка из бедной семьи, который в качестве компенсации должен был выполнять мелкие поручения в доме своих благодетелей.

Но возможность оплатить обучение была не единственным условием принятия ученика в класс. Вторым являлось наличие способностей к учению, поскольку в соответствии с традицией, сформировавшейся после распространения ислама в Иране, одни люди от рождения наделены такими способностями, а другие – нет. Эта мысль отражается в стихотворных произведениях многих иранских поэтов. В частности, Саади писал, что обучать непригодных к учению – все равно что класть орех на купол. Кроме того, из-за религиозных и социальных предрассудков к обучению не допускались девочки. В связи с отсутствием государственной системы образования, дискриминацией по половому признаку, требованием наличия способностей и финансовых ограничений, уровень грамотности в стране был крайне низким, а крестьянство почти поголовно было неграмотным.

Все описанное выше относилось к тому, что можно назвать начальной школой. Средняя школа в виде классов отсутствовала, и обучение проводилось исключительно индивидуально, частным

образом. Здесь преподавались каллиграфия, тонкости арабской грамматики и языка, иногда – начала математики, логики, музыка и другие дисциплины. Учитель, как правило, приходил в дом ученика. В богатых семьях нанимали учителей иностранных языков, из которых наиболее модным в то время являлся французский, обучение которому было в моде не только в Иране, но и в других странах, например, в России.

Иначе обстояло дело с религиозными школами – медресе. Основными были медресе в Куме и Исфагане, где шло обучение арабскому языку, теологии, риторике, арифметике, астрономии (для уточнений и коррекции календарных дат), шариатскому праву и др. Два самых крупных теологических центра, располагавшихся в Неджефе и Кербеле (на территории Османской империи), готовили религиозных деятелей и непосредственного отношения к системе светского образования не имели.

Под влиянием контактов со странами Европы, которые активно посещались представителями иранской элиты начиная с середины XIX в., представления о том, каким должно быть образование в стране, постепенно менялось. Вопросы неграмотности населения и поиска путей преодоления этого бедствия уже во второй половине XIX в. волновали передовые умы представителей иранской интеллигенции. Для решения этого вопроса обдумывались и предлагались самые разнообразные способы. В частности, создатель первой иранской масонской ложи Фарамушхане мирза Мальком-хан предлагал для облегчения постижения премудрости грамоты провести реформу персидского алфавита с целью его упрощения, чтобы все звуки отображались на бумаге, а дублирующие друг друга буквы были удалены. Он обсуждал этот вопрос с российским просветителем и философом-материалистом Мирзой Фатали Ахундовым, и они даже составили проект нового персидского алфавита²⁰⁹.

Поскольку Иран стремительно утрачивал свой суверенитет, западные державы начали процесс культурного проникновения в страну через создание различных школ, которые кури-

²⁰⁹ Ахундов, М. Ф. Избранные философские произведения / Вступ. ст. Э. М. Ахмедова. Баку: Азернешр, 1982. С. 292.

ровались как непосредственно их дипломатическими миссиями, так и всевозможными миссионерскими организациями. Первыми проникли в Иран американские пресвитерианцы (1836), которые открыли четыре школы: в Тегеране (1872), Тавризе (1873), Хамадане (1881) и Реште (1883). Англиканские миссии создали школу в Урмии (1883), а потом совместно с американскими миссиями – в Исфагане, Ширазе, Кермане и Йезде. Французские Лазаристы и Дочери милосердия обосновались в Урмии и Салмасы в 1840 и 1858 гг. и впоследствии учредили свои школы в Тегеране, Тавризе и Исфагане. По одной школе учредили базировавшийся во Франции Всемирный еврейский альянс (1898) и культурно-просветительская организация Альянс Франсез (1899)²¹⁰. Позднее в Иране появилось и несколько немецких школ. Россия недооценивала значение школы в деле формирования благоприятной для себя картины мира у отпрысков иранской элиты и своей школы в Иране не учредила, ограничившись внедрением русских наставников к наследникам иранского престола: наставником Мохаммед Али Мирзы был М. С. Шапшал, а Ахмед Мирзы – штабс-капитан К. Н. Смирнов.

Первоначально учениками иностранных школ становились дети из семей религиозных меньшинств – христиане, зороастрийцы и евреи²¹¹. Но постепенно в них стали поступать и мусульмане. Преимущественно это были дети элиты. В частности, из числа политических деятелей, которые участвовали в реформах Реза-шаха, в иностранных школах учились Сеид Хасан Тагизаде (американская школа в Тавризе), Хадж Али Размара (французская школа в Тегеране) и др. В 1929 г. в стране было 55 иностранных школ, большая часть которых создавалась иностранными миссионерами, в том числе 25 американских школ²¹². Наряду со школами, создававшимися христианскими миссионерами и дипломатическими представительствами в Иране, существовали и школы, создаваемые религи-

²¹⁰ Sadiqi, I. *Modern Persia and Her Education System*. P. 18.

²¹¹ О положении еврейской общины Ирана см.: Kameneva, Marina S. *The Jews of Iran: Past and Present* // Восток (Oriens). 2020. № 2. С. 131–137.

²¹² Sadiqi, I. *Modern Persia and Her Education System*. P. 53.

озными меньшинствами: иудеями, армянами, зороастрийцами и даже бехаитами. Школы религиозных меньшинств, особенно зороастрийские и бехаитские, были в большей степени ориентированы на европейскую систему образования. В зороастрийских школах часто преподавали парсы, приезжавшие из Индии с английскими подходами к вопросам образования. Образование в бехаитских школах находилось в руках американских бехаитов. Примечательно, что в двух последних типах школ учились и дети из мусульманских семей. В частности, старшие дочери Реза-шаха и наследник престола Мохаммед Реза какое-то время посещали бехаитскую школу в Тегеране²¹³, несмотря на то что во времена его правления отношение к этой секте оставалось настороженно-негативным, хотя прямых репрессий против ее членов не проводилось.

Идеи создания современной системы школьного образования на европейский манер начали воплощаться в 1898 г., когда в стране был создан Национальный школьный совет, куда вошел ряд крупных иранских деятелей, многие из которых имели европейское образование. Благодаря его деятельности в стране стали появляться первые государственные школы.

Новый импульс трансформация системы образования получила в ходе Конституционной революции и превращения страны в конституционную монархию. В 1910 г. было создано Министерство просвещения, вакфов и изящных искусств, которое внесло в Меджлис проект закона об образовании. Однако доминирование духовенства в вопросах просвещения оставалось неизменным, что отразилось в некоторых статьях этого закона, принятого в 1911 г.:

«Статья 7. В государственных школах учащиеся немусульмане не имеют права требовать преподавания принципов их веры.

Статья 13. Школы, которые работают с использованием пожертвований со стороны вакфов, находятся под контролем Министерства просвещения... если такой соответствует намерениям дарителя пожертвований.

²¹³ *Banani, A. The Modernization of Iran. 1921–1941. P. 96.*

Статья 14. Министерство просвещения не должно использовать пособий и учебников, которые пагубны для веры учащихся.

Статья 17. Программы начальной и средней школы должны включать религиозные наставления, т. е. шариатский катехизис»²¹⁴.

Тем не менее данный закон был существенным шагом в улучшении системы школьного образования в стране. Им предусматривалось лицензирование школ, их директоров и учителей, введение единых учебников для государственных школ и мактабов. Ученики всех учебных заведений должны были сдавать экзамены, запрещались телесные наказания, вводились санитарные нормы для школ и классов и т. д. Причинами, по которым планы правительства были трудно реализуемыми, являлись острая нехватка учебников, школ и квалифицированных директоров для них, способных организовать учебный процесс на новый манер, и учителей, которые могли бы преподавать в школах на более современном уровне. С последним ситуация была так плоха, что в 1911 г. правительство за свой счет направило в Европу 15 студентов учиться на педагогов. В самом Иране педагогическое училище создали только в 1918 г. В нем мужчины и женщины обучались раздельно. За образец были взяты французские аналоги, а преподаватели преимущественно были из Франции. Это училище было единственным в Иране до 1934 г.²¹⁵

Правда, в целом указанные меры, свидетельствовавшие о стремлении трансформировать рассматриваемую сферу в сторону европейских стандартов, оставались на бумаге. Это происходило во многом из-за финансовой слабости правительства, бедствий и разорений, принесенных Первой мировой войной и противодействия духовенства.

Только в 1921 г. Министерство просвещения начало принимать меры по реформированию системы: изучение школьных программ европейских стран, разработка программ для

²¹⁴ Маджмуэ-йе гаванин-е моузуэ ва мосавват-е Маджлес-е еком ва доввом (Сборник законов и постановлений первого и второго Меджлисов). С. 343–346.

²¹⁵ *Banani, A. The Modernization of Iran. 1921–1941. P. 94.*

педагогических училищ, в которых должны были готовиться учителя обоих полов, подготовка системы аттестации и рангов для учителей, распространение требований государства на мактабы и пр. Кроме того, было введено разделение на начальную и среднюю школу и подготовлена первая учебная программа на весь цикл обучения, который должен был составлять 12 лет (по 6 лет на каждый уровень), а также стандарты государственных экзаменационных испытаний после шести, девяти и двенадцати лет обучения. Разработан образец государственного диплома для учеников, успешно сдавших экзамены на каждом из этих уровней. Шестилетняя средняя школа была организована по образцу французских лицеев и была разделена на два трехлетних периода.

Следует отметить, что копирование какой-либо из европейских систем образования страной, культурно-цивилизационно достаточно далеко отстоящей от Запада, не является случаем уникальным. В частности, так в свое время поступил и Петр I, хотя Россия в этом смысле и ближе к Западной Европе, чем Иран, но данное сравнение имеет право на существование. Однако у русского царя была дилемма, какой тип школы выбирать – католический или протестантский. Поскольку основной линией католической Европы было окатоличивание России, что в значительной степени являлось причиной многовекового противостояния с католическим миром, то царь за основу взял протестантскую систему школьного обучения. Делая свой выбор, он исходил из того, что разрозненность протестантских стран и особенно отсутствие единого центра по управлению всем протестантским миром (в отличие от папского престола как религиозного центра и империи Габсбургов – как политического) не несут опасности для России. В Иране при модернизации образования упор все-таки был сделан на французскую систему, возможно, в связи с негативным отношением к Англии из-за ее колониальной политики в этой стране.

Таким образом, идеи вестернизации образования пришли в Иран и начали получать практическое воплощение еще до того, как Реза-хан стал шахом и даже до того, как он занял пост

премьер-министра. Однако с его приходом процесс модернизации системы образования перешел от стадии идей и первичных набросков к этапу активной реализации.

Для понимания качественного характера происшедших перемен в рассматриваемой области необходимо проанализировать содержание школьных программ. Ниже, в табл. 19 приводятся данные для начальных школ.

Таблица 19

Предметы и количество часов в неделю в начальной школе

Предмет	Год обучения					
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й
Коран	–	6	6	4	2	1
Чтение и сочинение на персидском	14	8	6	6	4	4
Персидская грамматика	–	–	–	–	1	1
Правописание	6	6	4	3	2	2
Чистописание/каллиграфия	–	2	2	2	2	2
Религиозные наставления	1	1	2	2	2	2
Основы морали	–	–	–	–	1	1
Уроки труда и гигиена	–	–	–	–	2	2
География	–	2	2	2	2	2
История	–	–	2	2	2	2
Арифметика	3	3	3	4	4	4
Геометрия	–	–	–	2	2	2
Основы гражданского права	–	–	–	–	–	1
Грамматические конструкции арабского языка	–	–	–	–	1	1
Физкультура	–	2	2	2	2	2
Сайаг (устаревший, но еще использовавшийся старшим поколением традиционный метод подсчета)	–	–	1	1	1	1
Итого:	24	30	30	30	30	30

Источник: *Sadiqi, I.* Modern Persia and Her Education System. P. 58.

Как видно из данных таблицы, очень большое внимание уделялось изучению всех аспектов персидского языка (письмо, чтение, каллиграфия, сочинения и пр.), включая основы араб-

ской грамматики, которые позволяют более грамотно говорить и писать по-персидски. Часы на чтение Корана (на арабском) постепенно сокращались, а в старших классах начальной школы вводились понятия этики и морали. Давалась серьезная математическая подготовка (основные действия, дроби, простые и сложные пропорции и их применение, начертательная геометрия, метрическая система мер и весов в соотношении с традиционной для Ирана), часы которой возрастали. Преподавание истории сосредоточивалось на истории Ирана с экскурсами в мировую историю, начиная с 1789 г. (Великая французская буржуазная революция). Преподавалась география Ирана и зарубежных стран. В русле проводимых реформ было и преподавание основ гражданского права уже с четвертого года обучения. Хотя обучение мальчиков и девочек велось раздельно, различия в программах обучения в начальной школе отсутствовали.

По результатам учебы и контрольных работ в течение года ученики переводились в следующий класс. В конце шестилетнего обучения их ожидали серьезные экзамены в устной и письменной форме по следующим предметам: орфография персидского языка в виде диктанта средней сложности с обилием арабских заимствований (30 мин.), сочинение (90 мин), арифметика и геометрия (120 мин.), каллиграфия для мальчиков (15 мин.) и шитье для девочек (90 мин.). В случае успешной сдачи экзаменов выпускники имели право поступления в среднюю школу.

Наряду с государственными и частными школами начальное образование можно было получить и в традиционных иранских мактабах, которые Министерство просвещения старалось контролировать и распространять на них общие требования к данному этапу школьного обучения. Однако в какой-то степени удавалось контролировать деятельность мактабов только в столице и 2–3 крупных городах. В сельской местности и небольших поселениях городского типа состояние такого рода школ существенных изменений не претерпело. По-прежнему в большинстве из них преподавал только один учитель. Об этом свидетельствует соотношение количества мактабов и учителей в них:

Таблица 20

Некоторые данные о деятельности мактабов в 1920–1930-е гг.

Количество:	Учебный год	
	1928/29	1936/37
Мактабов	1890	2935
Учителей	1974	3230

Составлено и подсчитано по: *Sadiqi, I. Modern Persia and Her Education System. P. 142.*

Как отмечалось выше, средняя школа делилась на два трехлетних этапа, и в ней программы для девочек и мальчиков существенно отличались. Программа первого цикла для мальчиков выглядела следующим образом:

Таблица 21

**Предметы и количество часов в неделю
на первом этапе средней школы для мальчиков**

Предмет	Год обучения		
	1-й	2-й	3-й
Персидский	5	5	5
Религиозные наставления	1	1	-
Арабский	3	3	3
Иностранный язык (французский, немецкий, английский, русский)	6	6	6
Математика (арифметика, алгебра, геометрия)	4	4	5
Естественные науки и гигиена	2	4	4
История и география	4	4	4
Черчение	2	2	2
Каллиграфия	1	1	1
Итого:	28	30	30
Физкультура	30 мин. ежедневно		

Источник: *Sadiqi, I. Modern Persia and Her Education System. P. 64.*

Программа формировала достаточно широкий кругозор у школьников, поскольку она не ограничивалась только пределами своей страны. В курсе географии изучался весь мир.

По истории изучали античность, в той части, где она соприкасалась с Персией, биографии великих политических деятелей западного мира, общественно-политическую организацию великих держав. В курсе естественных наук преподавались зоология, ботаника, геология, физика и химия. Из математических наук – полный курс арифметики, алгебра, планиметрия. Обращает внимание большое количество часов, отведенных на изучение иностранных языков, и их разнообразие²¹⁶.

Программа для девочек также была весьма насыщенной, но имела больший уклон в сторону практических навыков, связанных с домоводством. Кроме того, иностранные языки изучались по 4 часа в неделю и только теми ученицами, которые собирались впоследствии поступить на второй трехлетний этап обучения в средней школе.

Приведенные параметры свидетельствуют о серьезности программы первого этапа средней школы, где изучение Корана отсутствовало, резко уменьшились часы на религиозные наставления, а к третьему году обучения преподавание этого предмета завершалось. Большое внимание уделялось иностранным языкам, чтобы сделать учеников частью мира и дать возможность читать произведения иностранных авторов; математике и естественным наукам, овладение которыми было необходимо для подготовки высокопрофессиональных специалистов-технократов, в которых нуждались управленческие структуры и экономика страны.

Выпускные экзамены для мальчиков состояли из сочинения (90 мин.), орфографии (30 мин.), письменного экзамена по иностранному языку (30 мин.), математике (150 мин.) и устной беседы на вольную тему (60 мин.). Девочки сдавали экзамены по следующим предметам: сочинение (90 мин.), орфография (30 мин.), арифметика (90 мин.), домоводство (60 мин.), гигиена и уход за ребенком (60 мин.).

²¹⁶ Будучи советским школьником в 1960–1970-х гг., автор должен констатировать, что в то время на иностранный язык в общеобразовательной школе отводилось от 2 до 4 часов в неделю, а выбор был ограничен английским и немецким языками. Французский язык в Москве изучался только в нескольких французских спецшколах. Английский в объеме 5–6 часов в неделю изучался только в английских спецшколах, которых было гораздо больше, чем французских.

Успешно сдавшие экзамены могли поступать на второй уровень средней школы. Ее особенностью была специализация классов (литературный или научный) в зависимости от той карьеры, которую хотел избрать себе ученик. Литературный класс давал право поступать на отделения политических наук и юриспруденции, факультет гуманитарных наук университета, а также отделения литературы, философии и истории педагогического колледжа. Научный класс позволял поступить на медицинский и научный факультеты университета, в Сельскохозяйственную школу, Военную академию или три факультета педагогического колледжа – математический, физический и химико-биологический. Также в конце 1920-х гг. было решено создать коммерческий класс, выпускники которого получали бы право поступать в Высшую коммерческую школу. У мальчиков большей популярностью пользовался научный класс, поскольку в то время среди образованных страт населения была большая тяга к точным инженерным наукам и военной карьере, а интерес к традиционным для Ирана наукам вроде литературы и философии пошел на спад. Карьерные возможности девочек были скромнее, они могли выбрать профессию учителя или после окончания специальных курсов стать акушерками.

Программа второго цикла для мальчиков выглядела следующим образом:

Таблица 22

**Предметы и количество часов в неделю на втором этапе
средней школы для мальчиков**

Предметы	Количество часов по годам обучения					
	Научный класс			Литературный класс		
	1-й	2-й	3-й	1-й	2-й	3-й
Персидская литература	2	2	1	5	5	5
Математика	6	9	10	–	–	–
Физика	3	3	3	–	–	–
Химия	3	3	3	–	–	–
Биология	2	2	2	–	–	–

Предметы	Количество часов по годам обучения					
	Научный класс			Литературный класс		
	1-й	2-й	3-й	1-й	2-й	3-й
Иностранные языки	6	6	6	6	6	6
Арабский язык	–	–	–	4	4	4
История	2	–	–	4	4	4
География	–	–	–	3	3	3
Философия	–	–	–	–	–	3
Иностранная литература	–	–	–	–	–	1
Черчение	2	2	2	–	–	–
Рисование	2	2	–	2	2	–
Итого:	28	29	27	24	24	26

Источник: *Sadiqi, I. Modern Persia and Her Education System. P. 67.*

Для девочек второй этап средней школы длился всего два года. На нем изучались персидский, арабский и европейские языки, алгебра, геометрия, история, география, биология, физика, химия, каллиграфия, психология, принципы и приемы обучения, ученицы проходили педагогическую практику и домоводство. Общая недельная нагрузка на первом и втором годах составляла 29 и 35 часов соответственно.

Перечень выпускных экзаменов в научном и литературном классах также существенно отличался. Выпускники научного класса сдавали: сочинение (90 мин.), эссе по иностранному языку (90 мин.), диктант по иностранному языку (30 мин.), физику (90 мин.), химию (90 мин.), биологию (90 мин.), два экзамена по математике (120 и 300 мин.) и черчение (120 мин.). Оканчивавшие литературный класс писали: сочинение (120 мин.), эссе по иностранному языку (90 мин.), диктант по иностранному языку (30 мин.), сдавали экзамены по философии (90 мин.), истории (90 мин.), географии (90 мин.) и арабскому языку (60 мин.).

В классах обоих типов оценки по каждому из предметов имели свой коэффициент в зависимости от ценности, которая придавалась предметам. В научном классе максимальным был коэффициент по одной из математических дисциплин (вероятно,

алгебре) – 5, а также физике, химии и биологии – по 3. В гуманитарном – по сочинению 4, истории и географии – по 3. Экзамены для девочек (сочинение, математика, иностранный язык, единый экзамен по физике, химии, биологии, а также испытание по принципам педагогики) коэффициентов не имели.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что программа новой школы разительно отличалась от таковой традиционного мактаба. Перечень, объем изучаемых предметов и виды экзаменационных испытаний показывают, что уровень образования в государственных иранских школах был очень высоким, если не равным, то в любом случае сопоставимым с таковым в дореволюционной российской гимназии. Основным различием являлось то, что вместо изучения латыни и древнегреческого в Иране по вполне понятным причинам изучался арабский.

Особенностью системы школьного образования являлась четкая специализация на втором этапе средней школы. Упор в большей степени делался на научные классы, где даже еженедельная почасовая нагрузка и количество выпускных экзаменов были больше, чем в гуманитарном. Разумеется, это проистекало из общей политики государства, направленной на ускоренное развитие экономики, внедрение современной промышленности и технологий, что требовало подготовки квалифицированных инженерно-технических кадров. Инженер, наряду с врачом и ученым, в иранском обществе стал весьма уважаемой профессией. Неслучайно и по настоящее время люди этих профессий именуют себя *мохандес* (инженер) такой-то, *доктор* (доктор) такой-то.

Другой чертой новой эпохи стало открытие дверей школ для девочек. Конечно, по набору изучаемых предметов, объему занятий и возможностям, открывавшимся перед ними после окончания средней школы, они не находились в равном положении с мальчиками. Однако и у них появлялись неплохие перспективы социализации и профессионального роста, прежде всего в вопросах педагогики и медицины. Это также являлось частью политики Реза-шаха по привлечению женщин к общественной жизни за пределами домашних обязанностей. Ярким примером того, какие возможности открывала новая политика государства для

женщин, стала судьба Фаррохру Парса – первой женщины министра просвещения в Иране, которая родилась в 1923 г. и, пройдя все ступени образования с уклоном в педагогику (школа и два уровня педагогического училища), в 1942 г. поступила на медицинский факультет Тегеранского университета²¹⁷.

Для оценки реформ в области просвещения необходимо рассмотреть и такие аспекты, как его доступность и охват населения школьной системой. Согласно Закону об образовании от 1911 г., начальное школьное образование было обязательно для всех детей, начиная с семилетнего возраста. Государственные школы были бесплатными или платными. В больших городах, как правило, обучение было платным. Плата была очень невелика и составляла 10–15 кранов в месяц²¹⁸. Касательно обучения в средней школе, в законе 1911 г. говорилось, что решение по данному вопросу должно быть принято отдельным актом. В 1921 г. Высший совет по вопросам образования (орган, разрабатывавший решения по стратегическим вопросам при Министерстве просвещения) постановил, что получение среднего и высшего образования должно быть платным. Однако были категории лиц, имевшие право учиться бесплатно: 10% лучших выпускников начальной школы (в случае, если их семьи не способны оплатить обучение), дети учителей, имевших определенную выслугу лет, дети государственных служащих, погибших или получивших увечья при исполнении служебного долга, из-за которых они были вынуждены оставить службу. Кроме того, с 1928 г. Меджлисом были предусмотрены специальные средства в госбюджете для выделения стипендий лучшим ученикам тегеранских школ, которые успешно сдавали ежегодные экзамены во время обучения на первом трехлетнем этапе средней школы.

²¹⁷ После победы революции 1978–1979 гг. в Иране ей было предъявлено обвинение в растрате имущества казны и создании коррупции в Министерстве образования, в содействии распространению проституции в сфере образования и активному сотрудничеству с САВАК (Министерство государственной безопасности Ирана времен правления шаха Мохаммеда Реза Пехлеви), а также в изгнании революционных деятелей из учреждений культуры Министерства просвещения Ирана. 8 мая 1980 г. по приговору революционного трибунала она была расстреляна.

²¹⁸ *Sadiqi, I. Modern Persia and Her Education System.* P. 56. В конце 1920-х гг. 1 фунт стерлингов стоил примерно 80 кранов.

Точное выявление динамики роста числа школьников в 1920–1930-е гг. затруднительно в связи с тем, что в это время параметры, по которым Министерством просвещения велся статистический учет, постоянно менялись. Однако приводимые ниже данные позволяют проследить общую тенденцию:

Таблица 23

Динамика некоторых показателей в системе школьного образования в 1920–1930-е гг.*

	1922/23 г.	1928/29 г.	1936/37 г.	1940/41 г.
Мактабов	–	1890	2935	–
Учеников в них	–	35 931	55 654	–
Начальных школ, включая частные и иностранные	440	–	1384	2336
Учеников в них	40 025	100 612	177 845	287 242
Средних школ	40	–	175	351
Учеников в них	3308	9549	15 535	28 196

* Статистика не учитывает военные школы, курируемые Военным министерством. Составлено и подсчитано по: *Sadiqi, I. Modern Persia and Her Education System*. P. 82; *Elwell-Sutton, L. P. Modern Iran*. P. 142; *Szyliowicz, J. S. Education and Modernization in the Middle East*. Ithaca; New York: Cornel University Press, 1973. P. 466.

Несмотря на обрывочность иранской статистики, очевидно, что за 15 лет правления Реза-шаха количество учащихся в государственных школах выросло в 7–8 раз. С учетом учеников мактабов и иностранных школ, в 1940/1941 г. системой школьного образования было охвачено около 400 тыс. человек.

Тем не менее охват детей всеми видами школьного обучения был невелик. Так, из приведенной выше таблицы видно, что в 1928/29 учебном году в начальной школе, включая мактабы, учились 136 543 ребенка, в то время как мальчиков и девочек в возрасте от 7 до 13 лет обоих полов было примерно 1,2 млн человек²¹⁹, следовательно, школьной системой охватывалось около 11% детей. При этом данный показатель в крупных городах и деревнях существенно отличался от среднего по всей стране.

²¹⁹ *Sadiqi, I. Modern Persia and Her Education System*. P. 56.

Иранское правительство уделяло внимание не только начальному образованию для детей, но и для взрослых, организовав что-то вроде Ликбеза. Идея обучения грамоте взрослых возникла еще во времена Конституционной революции 1905–1911 гг., однако к ее реализации приступили только во времена Реза-шаха. В 1936 г. Министерство просвещения открыло 1500 вечерних классов для взрослых во всех провинциях Ирана, которые работали в две смены²²⁰. Классы подразделялись на две группы учеников: полностью неграмотных и полуграмотных. Целями обучения были ликвидация неграмотности и обеспечение личными и общественными навыками для лучшей социализации. Неслучайно И. Садик, в свое время занимавший высокие посты в системе Министерства просвещения, в самом начале 1930-х гг., когда активно проводилась политика умиротворения племен и перевода их на оседлый образ жизни, отмечал, что одна из задач реформы в области образования состоит в том, «чтобы научить сельских жителей и племена: как жить, как сделать дом, как его обставить, как приготовить еду и одежду, как предотвратить болезни и научиться здоровому образу жизни, иными словами, научиться, как жить, что, может быть, важнее простого постижения грамоты»²²¹. Конечно, указанные принципы могут быть распространены и на детей начальной школы, но в не меньшей степени они насущны и для взрослого населения.

Курс обучения был рассчитан на два года, по 96 учебных часов в каждом. Занятия велись три раза в неделю. На первом году учебы изучались алфавит, чтение и письмо, простейшие арифметические действия. Учащиеся должны были научиться рассказывать о своей стране, семье, работе, воспитании детей и пр. Также изучались назидательные произведения и этические поэмы, гигиена, основы гражданственности и этики, давались основы письменного изложения. Изучению Корана отводилось лишь 4 часа. На втором году давалось представление о технических вопросах (электричестве, механике, сельскохозяйственных машинах и механизмах, климатологии и прочих предметах), изу-

²²⁰ *Banani, A.* The Modernization of Iran. 1921–1941. P. 103.

²²¹ *Sadiqi, I.* Modern Persia and Her Education System. P. 85.

чались арифметика и основы геометрии, гигиена, основы права, история и география Ирана, этика, иранская поэзия²²².

Указанной системой были охвачены люди всех возрастов и профессий:

Таблица 24

**Возрастная структура лиц,
охваченных системой Ликбеза в 1939 г.**

Возраст (лет)	Число человек
Менее 18	43 218
18–25	28 932
26–30	19 222
31–35	17 624
36–40	16 832
41–55	9079
Старше 55	2796
Итого:	137 703

Источник: Elwell-Sutton, L. P. Modern Iran. P. 143.

При этом обучавшиеся в классах Ликбеза принадлежали к различным профессиональным группам:

Таблица 25

**Профессиональная принадлежность
учащихся классов Ликбеза в 1939 г.**

Профессия	Число человек
Полицейские	3416
Гражданские служащие	9589
Торговцы	5600
Строительные рабочие	10 645
Грузчики	3135
Чайханщики	1444
Крестьяне и фермеры	33 618
Пекари	3315

²²² Ibid. P. 104.

Профессия	Число человек
Мясники	2578
Банщики	2491
Плотники	3419
Шоферы и механики	1180
Жестянщики	4873
Прочие	52 300
Всего:	137 703

Источник: Elwell-Sutton L. P. Modern Iran. P. 143

С учетом взрослых, охваченных системой Ликбезов, общее число лиц, получавших начальное образование к концу эпохи Реза-шаха, составляло около 550 тыс. человек в год. Разумеется, этого было недостаточно для страны с населением примерно в 15 млн человек, тем не менее прогресс в области народного просвещения был очевиден.

Оценивая созданную при Реза-шахе систему школьного образования, следует отметить, что система начального образования, несмотря на незначительный охват учащихся, была достаточно демократичной и позволяла существенно повысить уровень общей грамотности населения, во всяком случае, в городах. Между тем среднее образование, построенное по принципам и учебным программам французских лицеев, носило ярко выраженный элитарный характер. Не случайно в 1920–1930-е гг. учеников средних школ было примерно в 10 раз меньше, чем начальных, а если учитывать и учащихся мактабов, то данный разрыв увеличивался – в 13–15 раз. Разумеется, такое положение имело несколько причин. Прежде всего, имеется в виду классовый характер системы образования в буржуазном обществе, в которое превращался Иран в рассматриваемый период. Система образования была ориентирована на эксплуататорские классы. Однако объяснять все исключительно этим неправильно. Эффективные возможности страны были весьма ограничены, и она просто не имела средств для обеспечения доступного массам среднего образования. Система высшего образования, являю-

щаяся основным потребителем выпускников средней школы, также находилась в стадии становления и могла принять лишь очень ограниченное количество студентов. Кроме того, элитарный характер средней школы объяснялся еще и острой потребностью в кадрах, способных занимать невысокие должности в государственном секторе, в частности – в системе народного просвещения. Выпускники и особенно выпускницы средней школы после небольшой подготовки в педагогических училищах поступали на службу в качестве учителей преимущественно в отдаленных районах страны.

В конце 1920-х гг. в Иране на новой основе начала создаваться система профессиональной подготовки. Ее новизна состояла в том, что она была бесплатной, поскольку министерства и ведомства создавали училища в соответствии со своими потребностями и набирали учащихся. В одних случаях полученное образование считалось средним специальным, но в других приравнивалось к высшему. В частности, Министерством экономики (ранее называлось Министерством сельского хозяйства) был создан Сельскохозяйственный колледж, дававший различным группам своих выпускников среднее специальное (приравнивалось к научному классу средней школы) и высшее образование. Первые обучались два года, вторые – три. Его выпускники направлялись на работу в экспериментальные аграрные хозяйства или могли продолжить обучение в ВУЗах. Позднее это же министерство учредило ветеринарный колледж. Оба учебных заведения располагались в Кердже²²³. Также имелись Училище по окрашиванию и Училище изящных искусств. В первом обучали мастеров по окраске ковров, а во втором учили дизайну ковров. Министерством почты и телеграфа создано училище по подготовке телеграфистов, куда принимались лица, окончившие первый уровень среднего образования. Также его выпускники могли работать техническими специалистами на радио. Более всего училищ имело Министерство просвещения, которое, помимо педагогических училищ, создало Акушерскую школу, Школу фарма-

²²³ Elwell-Sutton, L. P. Modern Iran. P. 141.

цевтики и Школу дантистов. В последней готовили медсестер для зубных врачей и зубных техников.

Во второй половине 1920-х гг. в Тегеране и Ширазе были основаны два промышленных училища, где в качестве преподавателей работали немецкие специалисты²²⁴. Техническая школа в Тегеране имела два уровня обучения. Первое принимало выпускников начальных школ, и в течение четырех лет обучения там преподавали персидский и немецкий языки, физику, арифметику, давали навыки производства изделий из дерева или металла. После окончания обучения выпускники направлялись на стажировку в Германию на 12 или 18 месяцев, а по возвращении поступали на работу на иранскую железную дорогу.

Обучение на втором отделении было трехуровневым и в общей сложности занимало 9 лет. Сначала учились 7 лет при интенсивном изучении немецкого языка. В то время от 5 до 10 часов в неделю учащиеся проводили в лабораториях или на учебно-производственной базе училища. Окончивший этот этап получал диплом, приравненный к диплому средней школы. Задачей данного периода была подготовка учеников к последнему (двухлетнему) отделению, выпускник которого получал диплом инженера-механика или фармацевта. Это учебное заведение было настолько престижным, что прием проводился по конкурсу²²⁵. Училище в Ширазе было скромнее и первоначально готовило только специалистов в области торговли.

Особое значение придавалось подготовке учителей, поскольку в прежние времена данным вопросом государство не занималось. Обычно даже в начале 1920-х гг. не только выпускницы средней школы получали право вести уроки в начальной

²²⁴ В уже упоминавшейся работе Е. А. Дорошенко касательно данного училища отмечается: «В середине 30-х годов в связи с переориентацией правящих кругов Ирана во главе с Реза-шахом на фашистскую Германию училище перешло в полное распоряжение немецких инструкторов и педагогов...» (Дорошенко Е. А. Система просвещения в Иране. С. 28). Данное утверждение не соответствует действительности, поскольку уже в конце 1920-х гг. там преподавали практически только немцы (за исключением персидского языка и пр.), что видно из приведенной в данной работе информации, почерпнутой из работы И. Садиги, опубликованной в 1931 г., т. е. за два года до прихода Гитлера к власти. В плане административного подчинения оно входило в систему Министерства просвещения Ирана.

²²⁵ *Sadiqi, I. Modern Persia and Her Education System. P. 74–75.*

школе, но даже в то время, когда девочки еще обучались на первом трехлетнем этапе средней школы. До 1934 г. в Иране имелся лишь один педагогический институт только для мужчин, имевших диплом о полном среднем образовании, открытый в 1929 г., где обучались три года. В нем действовало несколько отделений, а выпускники имели дипломы по пяти специальностям: 1) литература и философия, включая иностранные языки, 2) история и география, 3) математика, 4) физика и химия, 5) биология.

Данное учебное заведение не могло удовлетворить потребностей страны, и в 1934 г. было принято решение о создании за пять лет 25 педагогических колледжей. Эта задача была выполнена в срок, а в 1941 г. в Иране было уже 36 педагогических колледжей и училищ, располагавшихся во всех провинциях²²⁶. Как правило, обучение в них было бесплатным при условии, что выпускник будет обязан отработать пять лет по распределению в том месте, которое ему укажет Министерство просвещения.

Наряду с развитием системы педагогических колледжей, активно создавались и технические высшие учебные заведения, как в указанных выше областях, так и в сфере коммерции, финансов, горнорудного дела и др., что также было следствием вестернизации и усилий государства по индустриализации. В результате уже в 1936 г. в стране было около 30 высших учебных заведений:

Таблица 26

Основные показатели системы высшего образования в 1936 г.

Специализация ВУЗа	Количество		
	ВУЗов	студентов	преподавателей
Педагогические	11	697	62
Технические	10	1216	108
Высшие школы	5	312	52
Факультеты Тегеранского университета	5	1311	151
Итого:	31	3536	372

Примечание: Исключая военные и богословские высшие школы.
Подсчитано по: *Elwell-Sutton, L. P. Modern Iran. P. 142.*

²²⁶ *Banani, A. The Modernization of Iran. 1921–1941. P. 94.*

Таким образом, можно констатировать, что к концу 1930-х гг. система высшего образования была создана, хотя и характеризовалась достаточно скромными масштабами. Для сравнения следует отметить, что в том же 1936 г. в стране имелось 353 религиозных высших школы – медресе, в которых 2935 учеников (*толлабов*) обучались профессиям муллы и проповедника²²⁷. Учитывая, что мулла в религиозной жизни человека выполняет примерно те же функции, что и учитель для школьников, масштабы их подготовки были вполне сопоставимы, несмотря на все секуляристские меры Реза-шаха.

Крайне важным событием в развитии системы высшего образования стало открытие Тегеранского университета. Сам Реза-шах думал об этом достаточно давно, поскольку было ясно, что созданное более 80 лет назад первое иранское высшее учебное заведение университетского типа – Дар-уль-Фонун не отвечает требованиям нового времени и потребностям страны. Однако указ об учреждении университета был подписан только в мае 1930 г. Первоначально в университет вошли уже существовавшие ранее ВУЗы: Педагогический колледж Тегерана, Медицинская школа, изъятая из состава распущенного Дар-уль-Фонуну²²⁸, а также был создан факультет права на базе юридической школы, отделенной от Школы политических наук²²⁹. Но очень быстро структура университета стала разрастаться. В итоге к концу 1930-х гг. в его составе функционировали следующие факультеты:

- Политических и экономических наук (срок обучения – 4 года, отделения: права, экономики, дипломатии, управления);
- Естественных наук (срок обучения – 4 года, отделения: математическое, физико-химическое и биологическое);

²²⁷ Elwell-Sutton, L. P. Modern Iran. P. 142.

²²⁸ Сам Дар уль-Фонун после создания Тегеранского университета был низведен до уровня средней школы.

²²⁹ Школа политических наук была создана в самом начале XX в. для подготовки кадров иранского МИД и других министерств. Она частично финансировалась АПНК. Почти все ее директора и многие преподаватели (в частности, Зока уль-Мольк Форуги) являлись иранскими масонами. В ходе обучения студентам прививались англофильские взгляды.

- Медицинский (срок обучения – 4–5 лет, отделения: лечебное, стоматологическое и фармацевтическое);
- Инженерный (срок обучения – 4 года, отделения: механическое, металлургическое, геологическое, электрическое и химическое);
- Гуманитарных наук (срок обучения – 3 года, отделения: персидского языка и литературы, иностранных языков, философии и педагогики, истории и географии)²³⁰.

Позднее также появились Факультет изящных искусств, Сельскохозяйственный факультет и Богословский факультет. Последний располагался в здании мечети Сепасалар, построенной в 1882 г.²³¹

Реза-шах хотел, чтобы факультеты университета по возможности располагались в одном месте, и 5 февраля 1935 г. началось строительство современного университетского городка. Первый камень в торжественной обстановке заложил сам Реза-шах. Этот день стал отмечаться в монархическом Иране как День образования. Первое время в Тегеранском университете обучались главным образом студенты из Тегерана, но после того, как были построены общежития и столовые, доля студентов из других районов страны выросла.

Примечательно и то, как проходила церемония закладки университета. Из-за того, что площадка будущего строительства представляла собой заброшенный пустырь, среди присутствующих находилась и группа иранских бойскаутов, которые торжественно занялись посадкой молодых деревьев. Едва ли этот акт следует трактовать только как мероприятие по благоустройству территории, поскольку в данном деле могли бы обойтись и без них. Скорее, мероприятия по благоустройству и высаживанию саженцев имели идеологический подтекст, свойственный режиму Реза-шаха. В древнем Иране существовал ежегодный праздник – День посадки деревьев. Это соответствовало общим положениям зороастризма, согласно которым уход

²³⁰ Дорошенко, Е. А. Система просвещения в Иране. С. 34; Elwell-Sutton, L. P. Modern Iran. P. 137.

²³¹ Elwell-Sutton, L. P. Modern Iran. P. 137.

за деревьями и земледелие являются одними из высших добродетелей. Таким образом, указанное действие, сочетавшее в себе практические цели и дань уважения древней доисламской традиции, полностью соответствовало идеологическим установкам Реза-шаха.

Профессорско-преподавательский состав, за исключением преподавателей персидского языка, литературы и арабского языка, состоял из лиц, получивших образование в Европе, прежде всего во Франции. Также имелись и иностранные профессора, но среди них почти полностью доминировали французы. Как и в школе, образование было ориентировано на французские образцы. Преподавателей, обучавшихся в Англии, было мало. Некоторые авторы считают, что при приеме в штат Тегеранского университета лица с образованием университетов этой страны откровенно дискриминировались²³². Учитывая сложные отношения между Реза-шахом и Великобританией, проведение такой кадровой политики вполне понятно.

Следует отметить, что уровень преподавания на разных факультетах сильно различался. Если на медицинском и инженерном факультетах он соответствовал стандартам европейских вузов средней руки и потребностям страны, то в гуманитарных и социальных науках ситуация была гораздо хуже. Обычно студенты конспектировали лекции преподавателя, и этого было достаточно для сдачи экзаменов. В то время еще отсутствовала традиция занятий в библиотеках, чтения учебников, дополнительной литературы по предметам и т. д. Хотя каждый факультет университета имел библиотеку более чем на 15 000 томов, что не так плохо для только что созданного ВУЗа, ее читальные залы обычно пустовали²³³. Это только подтверждает мысль о том, что можно быстро построить здание университета, привезти книги и преподавателей, набрать студентов, но для того, чтобы университет стал действительно научным и учебным центром,

²³² *Banani, A. The Modernization of Iran. 1921–1941. P. 100.*

²³³ *Elwell-Sutton, L. P. Modern Iran. P. 137; Banani, A. The Modernization of Iran. 1921–1941. P. 100.*

в нем появились свои научные школы и традиции, требуются десятилетия²³⁴.

Важным аспектом при анализе системы высшего образования является его доступность для населения. Согласно закону от 1927 г., обучение в ВУЗах было платным и составляло 300 кранов в год²³⁵. Однако, как уже упоминалось, у школьника из неимущих слоев была возможность учиться бесплатно, если он входил в 20% лучших учеников по результатам выпускных экзаменов. Также бесплатно могли учиться дети учителей с большим педагогическим стажем и дети госслужащих, погибших или получивших тяжелые увечья при исполнении служебных обязанностей. В августе 1928 г. было принято решение о том, что дети из малообеспеченных семей, успешно сдавшие экзамены в ВУЗ, могут получать стипендию в течение всего срока учебы.

Престиж диплома выпускника Тегеранского университета был высок, но он мерк перед дипломами иностранных ВУЗов. Более того, даже сертификат о том, что кто-то посещал отдельные курсы в иностранных университетах ценился очень высоко и давал преимущества при поиске работы со всеми вытекающими из этого экономическими и социально-психологическими выгодами. Это, а также неспособность местной системы высшего образования обеспечить страну квалифицированными кадрами, способствовало отправке студентов на обучение за границу. Кто-то ехал учиться за счет своей семьи, но очень многие направлялись государством. Хотя отправлять студентов учиться в Европе за казенный счет начали еще в первой половине XIX в., в 1920–1930-е гг. этот процесс принял регулярный и гораздо более масштабный характер и был стимулирован острой нехваткой сертифицированных учителей для проводившейся реформы школьного образования. Неслучайно в 1929 г. из 100 человек, отправленных в европейские вузы, подавляющее большинство должно было учиться на педагогов:

²³⁴ Уместно отметить, что Московский университет был создан в 1755 г., но по-настоящему общепризнанным в Европе крупным научным и учебным центром стал лишь к концу первой четверти XIX в.

²³⁵ Sadiqi, I. *Modern Persia and Her Education System*. P. 77.

Таблица 27

**Профессиональная специализация иранских студентов
в европейских университетах, направленных на учебу
за государственный счет в 1929 г.**

Специальность	Число человек	Специальность	Число человек
Педагогика	35	Химия	3
Медицина	8	Электроэнергетика	5
Офтальмология	4	Горнорудное дело	5
Хирургия	4	Дорожное строительство	8
Ветеринарная хирургия	5	Портовое хозяйство	4
Стоматология	3	Право	3
Сельское хозяйство	5	Финансы	3
Лесоводство	2	Итого:	100
Механика	3		

Источник: *Sadiqi, I. Modern Persia and Her Education System. P. 78.*

Списки направляемых на обучение процедура их отбора отработывались следующим образом. Министерства должны были оплачивать обучение и платить студентам стипендии для проживания, они же, в зависимости от своих потребностей и бюджета, определяли количество стипендиатов и специальности, которым они должны были обучаться. После этого проводились экзаменационные испытания, в ходе которых особое внимание уделялось знаниям иностранного языка. С учетом того языка, которым на должном уровне владел соискатель, определялась и страна его будущей учебы. Поскольку еще с XIX в. французская культура и язык пользовались предпочтением среди образованных слоев по сравнению с другими европейскими языками, а школьная система, как отмечалась выше, была построена на основе французской и главным иностранным языком в школе считался именно этот язык, то в 1920-е – начале 1930-х гг. более двух третей студентов направлялись именно во Францию. В свою очередь, студенты брали на себя обязательство по окончании учебы вернуться в Иран и отработать по распределению в два раза больше лет, чем они учились за границей, или вернуть всю сумму, потраченную на их обучение, включая транспортные расходы на переезды в Иран и обратно.

Разумеется, при отборе кандидатов на учебу за границей не обходилось без злоупотреблений, стремления «порадеть родному человечку», но все-таки такая система открывала возможность, хотя бы и небольшую, получить европейское образование для выходцев из малообеспеченных семей. Кроме того, иранские студенты из состоятельных семей могли ездить учиться за свой счет, что также широко практиковалось.

Согласно постановлению Меджлиса, направляться на учебу иранские студенты стали ежегодно начиная с 1928 г. Всего с 1922 по 1938 г. по линии Министерства просвещения за границей отучились и вернулись в Иран 396 человек, а еще 452 человека в 1938 г. продолжали учебу. Если к этим показателям добавить и студентов, учившихся по линии всех остальных министерств, включая Военное министерство, и обучавшихся за свой счет, то данный показатель составит более 1500 человек²³⁶.

Таким образом, изменения, происшедшие в системе просвещения Ирана 1920–1930-х гг., были достаточно радикальными. В ходе ее модернизации удалось резко увеличить охват населения начальным и высшим образованием, количество школ, учителей и учеников выросло многократно. Несопоставимо более широкий доступ к образованию получили девочки: в 1936 г. из 17752 человек, окончивших школу, девочек было 4905, т. е. 27,6%, а их доля среди выпускников средних школ была еще выше – 41,1% (495)²³⁷. Такое положение вещей было немыслимым в прежние времена. Во многом столь стремительный прогресс в распространении системы просвещения был достигнут благодаря успеху в вопросе секуляризации данной сферы и вытеснения духовенства из нее.

Не менее важные изменения произошли в качестве обучения. Были созданы государственные стандарты обучения и определено, что и в каком объеме по каждому предмету должны проходить школьники. Сообразно стандартам были подготовлены и утверждены учебники. По некоторым естественнонаучным предметам и математике они были переведены с иностранных, как правило французских, аналогов. Преподавание даже в частных

²³⁶ Elwell-Sutton, L. P. Modern Iran. P. 138.

²³⁷ Подсчитано по: Elwell-Sutton, L. P. Modern Iran. P. 141.

школах должно было вестись только по утвержденным Министерством просвещения учебникам. Аналогично обстояло дело и с педагогическим составом. Каждый учитель должен был иметь диплом о соответствующем образовании, получать лицензию на преподавание и время от времени проходить переаттестацию.

Исключительное значение имело создание системы высшего образования, которая уже в 1936 г. выпустила 506 специалистов из педагогических институтов и 411 – из Тегеранского университета, в то время как в 1922 г. Дар уль-Фонун закончило только 15 человек²³⁸.

Серьезные сдвиги в рассматриваемой области происходили в рамках целенаправленной политики модернизации шаха и иранского правительства, которые в том числе видели, что происходит в это время у соседей, и боялись, что их страна окажется аутсайдером и будет смята ими. Это понимание ясно выразил И. Садик: «Любая схема обучения, которая не обеспечивает достижение этих идеалов, обречена на неудачу, неудачу, которая тем более неизбежна, поскольку соседи Персии – Россия с ее пятилетним планом, Турция с ее радикальными методами вестернизации, Индия с ее непрекращающимися беспорядками – претерпевают быстрые изменения и прогрессируют, что из-за их (географической) близости и других обстоятельств может оказать значительное влияние на страну Льва и Солнца»²³⁹.

Разумеется, проводившиеся реформы не были лишены изъянов, к числу которых следует отнести совершенно недостаточный охват даже начальной школой детей школьного возраста в стране с населением в 15–17 млн человек. Особенно остро это проявлялось в деревнях и небольших городах. Существовал и качественный разрыв в образовании, получаемом в государственных школах и в мактабах, где все еще обучалось немало детей. Также невысоким был уровень подготовки в некоторых иранских ВУЗах на гуманитарных направлениях.

Имелись и недостатки в системе управления образованием. Так, в рамках Министерства просвещения имелись три основ-

²³⁸ Ibid. P. 141–142.

²³⁹ Sadiqi, I. Modern Persia and Her Education System. P. 84.

ных департамента, которые были полномочны принимать решения по вопросам обучения: Департамент общественного обучения, Департамент кадров и Инспекционный департамент. При выработке решений между ними часто возникали противоречия, что мешало принятию оперативных решений по неотложным вопросам. Также указанное министерство было чрезмерно бюрократизировано. В Тегеране решались вопросы назначения персонала и утверждались необходимые расходы, лично министр или его заместитель должны были подписать письма и их копии, исходящие из всех департаментов, касающиеся самых мелких вопросов в останах. На местах директора департаментов просвещения должны были обращаться в министерство за инструкциями по решению любого вопроса, что требовало много времени. Вопрос о назначении зарплаты учителю в провинции требовал до четырех месяцев. Также система испытывала острый дефицит квалифицированных управленцев²⁴⁰.

Кроме того, в обществе возникало психологическое противоречие между иранским национализмом, возвеличиванием всего иранского, что являлось идеологической основой нового режима, и системой образования, полностью заимствованной у Европы. Такая ситуация по-своему свидетельствовала о превосходстве западной цивилизации.

Главным недостатком реформ в области образования стало то, что они ориентировались, в первую очередь, на зажиточные слои населения, и возможности для социального роста выходцев из слоев трудящихся и эксплуатируемых оказались достаточно скромными. Это, правда, мало может быть поставлено в вину лично Реза-шаху, учитывая классовые корни его монархии и те социальные группы, на которые он опирался.

Несмотря на указанные серьезные недостатки системы просвещения, следует признать, что произошедшие перемены были положительными и весьма значительными, в целом они соответствовали потребностям страны, а их сравнительно ограниченный характер определялся как ее финансово-экономическими возможностями, так и классовыми корнями режима.

²⁴⁰ Подробно см.: *Sadiqi, I. Modern Persia and Her Education System. P. 90–95.*

Глава VII

КУЛЬТУРА И ИЗМЕНЕНИЯ В КУЛЬТУРНОМ ОБЛИКЕ

С учетом основных идеологических принципов, проанализированных выше, в период правления Реза-шаха происходило и изменение культурного облика страны, что стало неотъемлемой частью его социально-экономических реформ. Несмотря на то что его преобразования не были строго прописаны в официальных планах и программах, они давали ясное понимание, в каком направлении шах желает продвигать страну. Его модернизация в значительной степени принимала характер вестернизации с немалой долей иранской специфики. В области культуры это были секуляризация, создание системы современного образования европейского типа²⁴¹, освобождение женщины и ее активное вовлечение в общественную жизнь и экономическую деятельность, развитие всевозможных форм искусства (театр, кинематограф, живопись), усиленная популяризация классической средневековой персидской поэзии, реформы в области самого персидского языка и многое другое. Разумеется, этот процесс протекал с разной скоростью в крупных городах и сельской местности, которая оказалась едва затронутой переменами.

В плане секуляризации действия Реза-шаха оказались весьма решительными. Были запрещены публичные шествия в день жертвоприношения (*зйд-е горбан*), самобичевания в ходе

²⁴¹ Данный аспект подробно рассматривается в предыдущей главе.

религиозных церемоний в дни поминовения ранения и мученической смерти имама Хусейна, разрешено иностранным туристам посещать крупнейшие мечети. Шах отменил выездные визы для паломников, отправлявшихся к святым местам в Мекке, Медине, Неджефе и Кербеле. Медицинским институтам было разрешено в учебных целях проводить анатомическое вскрытие человека, что прежде было строго запрещено исламом.

В рамках проводимой политики в 1928 г. Меджлис принял закон, запрещающий взрослым мужчинам в повседневной жизни носить традиционные иранские одежды, и предписывающий заменить их на костюмы европейского стиля²⁴². Исключение делалось только для духовенства. Следует подчеркнуть, что в вопросе одежды лиц духовного сословия Реза-шах оказался куда более терпимым, чем Кемаль Ататюрк, который в 1934 г. запретил муллам появляться в традиционной одежде духовенства вне мечетей, а вскоре распространил этот запрет на представителей других конфессий²⁴³.

Тогда же традиционный головной убор *колах* (шапка) заменяется на *колах-е Пехлеви* – невысокую цилиндрическую фуражку с козырьком по типу головного убора французских полицейских, а в 1935 г. директивно вводится ношение шляпы европейского фасона для гражданских и фуражки для военных. Выбор европейских шляп с полями имел несколько целей: уменьшить внешние различия между различными этносами страны и как одно из средств секуляризации, поскольку такой головной убор мешал при молитве дотронуться лбом до земли.

Еще более существенными были изменения в положении женщин, которые в Иране традиционно были лишены основных гражданских прав, имели право появляться вне дома только в определенные часы и только в чадре. Женщины получили возможность постепенно начинать включаться в общественную жизнь, получать образование и работать вне семьи. Однако эти перемены проходили не столь стремительно, поскольку Реза-шах

²⁴² Abrahamian, E. Iran Between Two Revolutions. P. 143.

²⁴³ Об обстоятельствах, приведших к такому решению, см.: Arfa, H. Under five Shahs. P. 250–251.

учитывал негативный опыт своего соседа – короля Афганистана Амануллы, утратившего престол в значительной степени из-за слишком энергично проводившихся реформ.

Учитывая важность женского вопроса для его реформ, Реза-шах сначала распространял свои новшества на привилегированные классы, которые получили такое же право, как и представительницы религиозных меньшинств, имевшие и в предыдущую эпоху разрешение носить европейское платье. Правительственные чиновники и военные поощрялись различными способами к тому, чтобы их жены и дочери переходили к новой моде. Однако решительный поворот произошел в 1935 г., когда, вероятно, Реза-шах посчитал свое положение достаточно прочным: учительницам и школьницам было запрещено ходить в чадре, также и офицерам не дозволялось появляться на улице в сопровождении жен и дочерей в традиционном облачении. С 1936 г. за нарушения в одежде жен и дочерей государственных чиновников и военных они могли быть уволены со службы. Даже дворники, работавшие на муниципалитет, за подобные нарушения со стороны членов их семей могли быть оштрафованы.

Последний шаг в данном направлении был сделан 8 января 1936 г., когда шах появился в одном из женских высших учебных заведений для того, чтобы вручить дипломы выпускницам. Его сопровождали Ее Величество и две старшие дочери. Все три женщины были одеты на европейский манер с непокрытыми головами. Это было первым случаем, когда подданные Реза-шаха смогли увидеть, как выглядят его жена и дочери. Данное решение далось монарху нелегко, что видно из воспоминаний принцессы Ашраф Пехлеви: «Когда он принял свое решение (о том, что они должны прибыть на церемонию в европейском платье. – З. А.), то пришел к нам и сказал: «Это самое тяжелое из того, что я когда-либо обязан был сделать, но должен попросить вас стать образцом для остальных персидских женщин»»²⁴⁴. При этом шах распорядился сфотографировать свою семью во время церемо-

²⁴⁴ *Pahlavi, A. Faces in a Mirror. Prentice-Hall, INC., Englewood Cliffs, N. J. 1980. P. 25.*

нии и опубликовать фотографии во всех центральных газетах, что вызвало критику со стороны духовенства²⁴⁵.

Перед вручением дипломов Реза-шах произнес речь, дающую четкое представление как о его идеологическом курсе, так и о взглядах на роль и место женщин в новом обществе. С учетом этого, его выступление приводится полностью:

«Я очень рад видеть женщин, которые вследствие полученного образования осознали свое истинное положение, права и привилегии. Как отметила мадам Тарбийат (директриса училища. – З.А.), будучи исключенными из общественной жизни, женщины нашей страны не имели возможности раскрыть свои способности и таланты; я бы сказал, они не могли выполнять свой долг перед родиной и народом, ни даже выразить свою преданность, как следовало бы. Однако теперь, помимо привилегии материнства, они получают доступ и к благам общественной жизни.

Мы не имеем права без конца полагать, что половину населения нашей страны можно не брать в расчет, иными словами, что половина рабочей силы должна жить в праздности. Никогда не собирались данные переписи по женскому населению, будто женщины – это отдельная общность, которая не должна рассматриваться как часть иранского общества.

Весьма прискорбно, что только в одном случае нашлась возможность включить женское население в перепись – во время нехватки продовольствия, когда полная перепись была проведена для того, чтобы обеспечить необходимый объем продовольственных поставок.

Я не хочу показаться неискренним, ни давать детальный обзор достигнутых успехов, ни противопоставлять друг другу прошлое и настоящее. Но вы, женщины, должны запомнить этот великий день и использовать предоставленные возможности на благо развития вашей страны. Я убежден, что каждый из нас обязан прикладывать все силы для процветания нашего народа, равно как и добиваться успехов в сфере образования. И хотя в этой обла-

²⁴⁵ Ibid.

сти благодаря усилиям государственных служащих уже сегодня заметен значительный прогресс, не следует забывать, что наша страна нуждается в усилиях каждого, что каждый должен работать усерднее на благо общества. Вы, мои сестры и дочери, став полноправными членами общества и сделав этот шаг для улучшения своего положения в нем, должны осознать, что теперь ваша обязанность – трудиться на благо вашей страны, будущее в ваших руках. Вам предстоит воспитывать будущие поколения, вы станете хорошими учителями и вырастите добропорядочных граждан.

Я уверен, что вы, образованные женщины, осознав ваши права и привилегии, отдадите долг вашей стране, будете жить счастливо, работая эффективно, проявляя бережливость в повседневных делах и воздерживаясь от роскоши и излишеств»²⁴⁶.

Как видим, основной упор в выступлении сделан на идею солидаризма, на построение единого государства для всех, т. е. и для ранее исключенных из общественной жизни женщин. Реза-шах говорит, что новое государство – это корпорация и все социальные страты должны работать на его благо, которое будет всеобщим благом. При этом он отмечает, что реальная идея включить женщин в общество состоит в том, чтобы использовать их способность к труду, а это поможет, с одной стороны, провести модернизацию, а с другой – нарастить прибыль тех, кто занимается производством и, собственно, эту модернизацию осуществляет в стране и чьи интересы реально воплощены в буржуазном государстве. Своим трудом женщины должны доказать преданность своему государству. Такой взгляд монарха на место женщины в обществе не случаен, как по причине его идеологических установок, политики секуляризации, так и потому, что он являлся крупнейшим буржуа и землевладельцем в Иране, и молодые учительницы должны были готовить будущих рабочих, в том числе и для его предприятий, рабочих, адекватных технике и технологиям наступавшего нового времени.

Начиная с этого дня, ношение чадры было запрещено для всех, а продажа этой одежды в магазинах попала под запрет.

²⁴⁶ Elwell-Sutton, L. P. *Modern Iran*. P. 122–123.

Даже на улице, не говоря об общественных мероприятиях, стало невозможно появиться облаченной в чадру. Более того, Меджлис проголосовал за выделение суммы, эквивалентной 25 000 фунтов, на дотации для малообеспеченных женщин, которые не могут позволить себе приобрести европейскую одежду²⁴⁷.

Такое решение вызвало поддержку подавляющего большинства населения, хотя и продемонстрировало существенное расслоение общества: дамы из верхов одевались по последней парижской моде, а большинство женщин покупали что-то на базарах и развалах, сочетая старый и новые фасоны. В результате этого многие выглядели хуже, чем завернувшись в чадру, как раньше. Особенно активно дозволенные свободы в одежде поддержала молодежь, и только более консервативные и пожилые женщины протестовали против нововведений, стараясь как можно реже выходить из дома.

Положительное восприятие нововведения во многом объяснялось массивной пропагандистской кампанией за эмансипацию женщин, начатой прессой за несколько месяцев до 8 января 1936 г. и продолжавшейся еще несколько месяцев после этой даты. Она не ограничивалась только декларациями, но сопровождалась рассказами и фотографиями о жизни женщин спортсменок, студенток, кинозвезд и даже пилотов. Активно обсуждались вопросы женской моды, стиля, дамских причесок, этикета и т. п. Такое для мусульманской страны было делом невиданным.

Правда, в вопросах семейных отношений права мужчин и женщин были неравны²⁴⁸, однако определенные позитивные перемены произошли и в этой сфере. Если в прошлом только муж мог инициировать развод, то теперь в некоторых случаях этого могла требовать и жена. В частности, учитывая традиционное право мужчины иметь несколько официальных жен, мужчина должен был просить разрешения у жены взять себе вторую супругу. Если же он делал это вопреки ее мнению или тайно, а потом все вскрывалось, то его жена имела право требовать развода с выплатой всех положенных компенсаций. Ранее это было

²⁴⁷ Elwell-Sutton, L. P. Modern Iran. P. 123.

²⁴⁸ Подробнее об этом см. главу III.

немыслимо. Возраст вступления в брак был закреплен законодательно в 18 лет для мужчин и 16 – для женщин. Правда, в исключительных случаях, с согласия родителей жениха и невесты этот возраст мог быть снижен до 15 и 13 лет соответственно. Однако общественное мнение и возрастающий образовательный уровень молодежи были куда строже, чем законодательство. Среди обеспеченных слоев утвердилось мнение, что полигамный брак плох, а ранний брак – это ошибка.

В общественной сфере, несмотря на все позитивные перемены, основная дискриминация женщин оставалась в области права: они по-прежнему не обладали правом избирать и быть избранными. Кроме того, все-таки женщины дискриминировались и в таком вопросе, как заработная плата. В частности, жалование учительницы было в два раза ниже, чем учителя. Несмотря на все это, для женщин открывались все новые профессии, они становились акушерками и даже врачами, а в Тегеранском университете их стали принимать на обучение журналистике и праву. Более того, среди студентов, которых правительство отправляло учиться за границу, также были женщины. Женщины стали поступать на работу в компании и организации. Первый шаг в этом направлении сделала Англо-Иранская нефтяная компания (АИНК), которая стала нанимать женщин на должности машинисток и мелких клерков. Вскоре ее примеру последовали и иранские государственные учреждения. Более стойкими оказались традиционные ограничения в отношении женщин в таких областях, как кинематограф, театр, музыкальное искусство, где их было крайне мало.

Начиная с 1928 г. женщинам было разрешено посещать кинотеатры и кафе, что сделало их социальную жизнь более разнообразной. В частности, для представительниц обеспеченных слоев в 1930-е гг. посещение кафе и встреча там со своими подругами стали достаточно распространенным явлением. В 1932 г. в Тегеране прошло заседание Конгресса женщин Востока, на котором присутствовала старшая дочь Реза-шаха принцесса Шамс, ставшая в 1934 г. президентом дамского клуба в Тегеране. В скором времени дамские клубы и объединения начали созда-

ваться и в других крупных городах Ирана. Когда в стране появилось отделение Красного Креста, которое называлось Ассоциация Красного Льва и Солнца, в нем была образована специальная женская секция.

Конечно, перемены, имевшие место в женском вопросе, в значительно большей степени сказались на положении семей из обеспеченных страт крупных городов, чем представительниц городской бедноты и жительниц сельской местности. Однако тем или иным образом они затрагивали всех. Кроме того, место женщин даже из семей гражданской и военной элиты, помещичье-буржуазных слоев в правление Реза-шаха было несопоставимо с таковым в начале XX в. Это стало результатом не чисто волюнтаристской позиции монарха, а следствием проводившихся под его руководством реформ, модернизации. Глубокие изменения в стране не могли не привести к изменениям в социальном положении и статусе половины ее населения.

Серьезные перемены имели место и в области здравоохранения и санитарии, состояние которых является одним из критериев культурного развития общества. Отсталость Ирана тут имела две ключевые причины. Прежде всего, это была отсталость в области экономического и производного от него научно-технического развития. Другой причиной стали застывшие религиозные нормы, ограничения и предрассудки. Примечательно, что если в период средневековья страны исламского мира имели преимущества в области гигиены и санитарии по сравнению с европейскими именно благодаря религиозным нормам, то постепенно эти же нормы стали препятствием на пути развития здравоохранения и внедрения мировых достижений в данной сфере²⁴⁹.

Первые больницы в Иране появились в 30-х гг. XIX в. Они были созданы английскими и американскими миссионерами. Характерно, что медицинские учреждения находились в городах, расположенных относительно близко к английским владениям

²⁴⁹ Ситуация, когда предрассудки и религиозные ограничения препятствуют внедрению медицинских достижений не нова. Достаточно вспомнить, как тяжело в России было убедить людей делать прививку от оспы, и для того, чтобы побороть предрассудки, императрица Екатерина II сделала прививку себе, чему специально придали широкую огласку.

в Индии: Кермане, Ширазе, Йезде и Исфагане. Л. Элвелл-Саттон касательно отношения местного населения к ним отмечал: «Первоначально суеверия и консерватизм вызывали подозрительность в отношении иностранных больниц; но результаты их деятельности имели определенный эффект, и выяснилось, что представители бедных классов были готовы воспользоваться преимуществами хороших лекарств и лечения»²⁵⁰.

Позднее иностранные больницы стали появляться и в других городах. Первая иранская больница появилась в 1877 г. В тот же год власти впервые озаботились проблемой оспы. Они старались уделять внимание борьбе с эпидемиями, что нашло отражение даже в постановлениях Меджлиса. Решение вопросов санитарии и борьбы с заразными болезнями возлагалось на губернаторов, которые должны были направлять в эпидемические районы врачей, медицинских сестер, медикаменты и необходимое оборудование²⁵¹. Также предпринимались попытки контролировать деятельность многочисленных знахарей и целителей, не имевших никакого медицинского образования. В 1911 г. Меджлисом было принято решение об обязательном наличии лицензии для всех практикующих медиков, которым рекомендовалось иметь дипломы медицинских колледжей. Для улучшения санитарной обстановки в стране в 1914 г. были освобождены от уплаты налога на имущество общественные бани.

Однако реализовать многие из этих решений правительству не удавалось как по причине нехватки средств, так и врачей, медицинских сестер, оборудования и медикаментов. Кроме того, некоторые мероприятия встречали резко отрицательное отношение со стороны духовенства. В частности, вакцинация от оспы осуждалась им из-за того, что при изготовлении вакцины использовалась сыворотка человека. В результате усилия по вакцинации от этой болезни оставались неэффективными. Побывавший в Иране в 1924 г. по заданию Лиги Наций Дж. Гилмор в своем отчете о санитарно-гигиеническом положении Ирана писал:

²⁵⁰ Elwell-Sutton, L. P. *Modern Iran*. P. 128.

²⁵¹ Маджмуэ-йе гаванине моузуэ ва мосаввабат-е Маджлес-е еком ва до-ввом. (Сборник законов и постановлений первого и второго Меджлисов). С. 111–112.

«Верования людей и наставления религиозных проповедников, или мулл, как они их называют, не только влияют на настроения людей, но и препятствуют распространению мер санитарии и прочих реформ. Таким образом, взгляды исламских лидеров являются важными факторами во всех государственных делах.

Многие из народных традиций являются результатом толкований Корана. Способ забоя животных на бойнях, омоения мертвых и их захоронения, все это в рамках предписаний религиозных законов. Представление о том, что любая текущая вода на открытом воздухе хорошая и безопасна для питья, привито верой. Вскрытие или патологоанатомическое исследование тел запрещены»²⁵².

Одним из первых серьезных шагов в области улучшения положения со здравоохранением стало создание Института Пастера в Тегеране, что было сделано по инициативе принца Фируза в 1923 г. Руководить им по семилетнему контракту был приглашен французский профессор Ж. Меснард. Институт был организован по принципу французского аналога и первоначально состоял из следующих исследовательских направлений: микробиология человека, животных, растений и промышленных предприятий²⁵³. Позднее была создана и лаборатория по разработке прививок для скота.

В 1927 и 1930 гг. правительство проводило кампании по введению новых стандартов сертификации врачей. Это стало возможным, поскольку к тому времени в стране уже появились свои училища и институты по подготовке медицинского персонала, а также благодаря обучению иранских студентов медиков за границей. Параллельно началось строительство больниц во всех крупных городах Ирана. В Мешхеде была построена больница имени Реза-шаха на 150 коек, где имелись дерматологическое, гинекологическое, инфекционное и хирургическое отделения. Там практиковали несколько немецких врачей, а оборудование

²⁵² *Gilmore, J.* Report on an investigation into the sanitary conditions in Persia; undertaken on behalf of the Health Committee of the League of Nations at the request of the Persian Government. Geneva: Health Committee of the League of Nations, 1925. С. 12.

²⁵³ *Banani, A.* The Modernization of Iran. 1921–1941. P. 64.

было немецким. К концу царствования Реза-шаха все крупные и средние города имели больницы, некоторые из которых располагали 500 койками²⁵⁴. Крупнейшим в стране медицинским учреждением стала больница при медицинском факультете Тегеранского университета, рассчитанная на 1000 коек²⁵⁵.

Понимая, что только своими силами в стране невозможно организовать качественную подготовку необходимого количества врачей, правительство пригласило большую группу иностранных специалистов, как для участия в образовательном процессе, так и для организации администрирования в области медицины на современном для того времени уровне. Среди специалистов, преподававших на медицинском факультете на основании долгосрочных контрактов, были французы, американцы, немцы и поляки. При этом французский доктор Оберлинг являлся деканом указанного факультета, а поляк Мелчарский возглавлял кафедру стоматологии.

По оценке известной американской женщины-хирурга Р. Слоттер Мортон, в конце 1930-х гг. посетившей Иран, «качество обучения иранских врачей улучшается и преодолет ужасающее невежество, в котором необразованные люди жили веками. Медики очень помогают министру просвещения и его коллегам в реализации поставленной задачи по широкому распространению среди людей научной информации и таким образом могут привести их к восприятию медицинских методов в общенациональном масштабе»²⁵⁶.

К числу тех предрассудков, о которых говорилось выше, относился и традиционный запрет доктору мужчине осматривать пациентку женщину. Однако правительство решительно боролось с этим, что было крайне важно, поскольку в то время женщин-врачей в стране почти не было. Благодаря снятию указанного препятствия стало возможным организовать службы помощи материнству и детству, а в Тегеране появились родильный дом,

²⁵⁴ Elwell-Sutton, L. P. *Modern Iran*. P. 128.

²⁵⁵ Banani, A. *The Modernization of Iran. 1921–1941*. P. 66.

²⁵⁶ Slaughter Morton, R. *A Doctor's Holiday in Iran*. N. Y.: Funk & Wagnalls Company, 1940. P. 240.

ясли и школа медсестер. В результате предпринятых мер младенческая смертность в стране постепенно снижалась.

Традиционно крайне тяжелым было положение с инфекционными болезнями – малярией, трахомой, тифом и другими видами кишечных инфекций. Особенно острой проблемой являлась малярия, поскольку большая часть территории Ирана имеет серьезный климатологический потенциал для распространения этой болезни настолько, что в иные периоды она влияла на рост населения страны. Экологическими нишами болезни и местами обитания личинок малярийного плазмодия в сельской и городской местности являются системы орошения, используемые в сельском хозяйстве, болотистые местности, традиционные водоемы и бассейны (*хоузы*), используемые в старых домах в городах. В борьбе с малярией правительство начало осушать заболоченные местности. В распоряжение института Пастера Меджлис ежегодно ассигновал средства для борьбы с такими болезнями, как малярия, тиф, дифтерия и пр. В июне 1941 г. Меджлис принял закон о борьбе с инфекционными болезнями, которым охватывались все инфекционные болезни, включая венерические. Лечение последних стало обязательным. Предусматривалось бесплатное выделение медикаментов для наиболее бедных слоев населения. Для лиц, избегающих лечения опасных инфекционных заболеваний, тех, кто мошенничал, обещая оказать медицинскую помощь, предусматривалось строгое наказание. Прививки от оспы для лиц в возрасте от 2 месяцев, в 7 и 13 лет и даже в 21 год становились обязательными. Предъявление прививочного паспорта при поступлении в школу и на работу также стало обязательным²⁵⁷.

В рамках мер по улучшению санитарии была создана служба санитарных врачей. В частности, Тегеран был разделен на четыре района, каждый из которых имел своего санитарного врача. В его обязанности входил контроль за состоянием гостиниц, кафе и ресторанов, продуктовых магазинов, особенно торговавших мясной продукцией и мороженым, пекарен и т. п. Помимо контроля, эти врачи объясняли опасность болезней, передаваем

²⁵⁷ Banani, A. The Modernization of Iran. 1921–1941. P. 65.

мых мухами, необходимость иметь здоровых работников, чистые кухни, магазины и улицы около них. Было запрещено прогонять по городским улицам овец и коз или оставлять их на ночь во дворах магазинов и лавок²⁵⁸.

Большое значение для пропаганды новых для Ирана идей санитарии, гигиены и здорового образа жизни имела деятельность всевозможных общественных структур, таких как Общества Красного Льва и Солнца, Общества по защите материнства и детства, публикации газет и журналов, а также деятельность быстро появившихся в стране спортивных клубов и организаций. Весьма активной в деле санитарно-просветительской работы была женская газета «Аяндее Иран», созданная с одобрения шаха. На ее первой странице изображалась женщина, несущая иранский флаг. Она выходила из мрачных развалин Персеполиса и двигалась в светлое будущее с электричеством, железными дорогами, заводами и фабриками²⁵⁹. Самое активное участие в деятельности общественных структур такого рода принимали члены монаршей семьи, особенно его супруга и дети. Порою кто-либо из них руководил той или иной организацией.

Большое внимание, которое при Реза-шахе уделялось здравоохранению, привело к тому, что в 1940 г. было создано Министерство здравоохранения, в то время как раньше данный вопрос находился в ведении МВД. Несмотря на предпринятые усилия, ситуация с обеспеченностью страны врачами была острой, особенно в провинциях. Сложность прояснения данного вопроса состоит в том, что, с одной стороны, первая всеобщая перепись населения была проведена в Иране только в 1956 г., а все остальные данные, касающиеся более ранних периодов, носят оценочный характер. С другой, в 20-х и даже начале 30-х гг. XX в. среди всех иранских врачей значительная часть не имела дипломов, выданных сертифицированными образовательными медицинскими учреждениями. Так, в 1924 г. из 905 врачей такие дипломы имели только 253 человека. В связи с этим не вполне ясно, люди с какими знаниями и образованием брались оказывать медицинскую помощь.

²⁵⁸ *Slaughter Morton, R. Doctor's Holiday in Iran. P. 142–241.*

²⁵⁹ *Ibid.*

Имеющиеся неясности приводят к противоречивым результатам в работах исследователей. В частности, А. Банани, опираясь на данные отчета Дж. Гилмора, выполненного по заданию Лиги Наций, пишет, что в 1924 г. в Иране на каждого из 905 врачей приходилось 11000 человек, а значит, население страны составляло 9955 тыс. человек ($11\,000 \times 905 = 9\,955\,000$). Он же отмечает сильную неравномерность распределения врачей между Тегераном и остальной страной: 253 врача в столице, на каждого – по 680 пациентов. На каждого доктора из остальных, работавших по всей стране – по 16 800 пациентов²⁶⁰. Таким образом, население страны составляло 11 125 640 человек ($1. 253 \times 680 = 172\,040$; $2. 652 \times 16\,800 = 10\,953\,600$; $3. 172\,040 + 10\,953\,600 = 11\,125\,640$). В результате расхождение в численности населения страны, исчисленное на основании двух указанных выше соотношений, различается почти на 12%.

Еще более запутанным выглядит оценка А. Банани количества населения на одного врача к концу правления Реза-шаха: «В 1935 г. соотношение врачей к населению достигло одного доктора на 4000 человек»²⁶¹. При этом он ссылается на Л. Элвелл-Саттона²⁶². Данный показатель выглядит правдоподобно, однако, основываясь на цифрах Л. Элвелл-Саттона, сделать такой вывод нельзя. Прежде всего, он не указывает года, к которому относится его ремарка о врачах, выглядящая следующим образом: «Большой трудностью являлась нехватка подготовленного персонала (до недавнего времени имелось только 2,5 врача на каждые 100 000 населения)»²⁶³. Разумеется, приведенное Л. Элвелл-Саттоном, не может восприниматься серьезно, поскольку в таком случае на одного доктора приходилось бы 40 000 человек. С учетом того, что население Ирана к концу 1930-х гг. составляло около 14 млн человек²⁶⁴, в стране существовало бы всего 350 врачей.

²⁶⁰ Banani, A. The Modernization of Iran. 1921–1941. P. 64.

²⁶¹ Ibid. P. 65.

²⁶² Elwell-Sutton, L. P. Modern Iran. P. 129.

²⁶³ Ibid.

²⁶⁴ Bharier, J. Economic Development in Iran 1900–1970. P. 26.

Таким образом, вопрос о количестве врачей к концу правления Реза-шаха нуждается в дополнительном исследовании.

Оценивая результаты реформ в области здравоохранения и санитарии, следует отметить, что в этот период было сделано очень много, а может быть – максимум возможного для улучшения положения в данной сфере. Политика Реза-шаха резко отличалась от действий предшествующих правительств. Однако, как и в ряде других областей, максимальную выгоду получили жители крупных городов, на долю крестьянства и кочевых племен досталось гораздо меньше позитивных перемен, а высокая детская смертность все еще оставалась бедствием для этих беднейших групп населения.

Важным элементом как в области укрепления физического здоровья нации, так и реализации образовательных программ, стало масштабное внедрение в повседневную жизнь населения физической культуры и спорта. Традиционно в древнем Иране спортивным состязаниям уделялось большое внимание. Однако в более поздние времена культ физического здоровья, сильного тела, состязательности стал уходить на второй план, уступая место в сознании людей неге, наслаждению, лени, тяге к максимально комфортной жизни, что вело к регрессу нации. В результате наблюдения, сделанные в период Конституционной революции, дали основание французскому автору В. Берару, говоря о жизни иранских горожан, написать следующее: «Так, не проходит и дня без того, чтобы персидский базар не обогатился свежими новостями, и развлечениями, и часа без того, чтобы какая-нибудь процессия, ссора, кража, убийство, выставка иностранных животных или продуктов не вызвали этих ротозеев из их лавок и не дали им предлога поглазеть и поспорить. Не проходит минуты, чтобы не приносили в лавки новых сладостей и чашек чаю, – не чаю с сахаром, – как сказал один английский консул, – а сиропу с чаем. Им всем хочется только одного – жить, и не просто радостей жизни, но пресыщения ими. Все ищут наслаждений, свойственных нормальной природе, а, кроме того – еще и других»²⁶⁵. Продолжая

²⁶⁵ Берар, В. Персия и персидская смута / Пер. с фр. А. Павловича. [СПб.]: Брокгауз-Ефрон, 1912. С. 225.

эту тему, В. Берар ссылается на французского путешественника Ж. Шардена в XVII в., много лет прожившего в Иране, считавшего, что единственным божеством иранцев является наслаждение, хотя они и испытывают страх перед Неведомым и уважение к своему духовенству²⁶⁶.

Несмотря на некоторое преувеличение, немалая доля истины в таком утверждении имелаась. Эту слабость, охватившую немалую часть населения, не слышав ни о В. Бераре, ни о Ж. Шардене, видел и Реза-шах, человек, не склонный к наслаждениям, к праздному времяпрепровождению и роскоши²⁶⁷. Вот почему, апеллируя к традициям древнего Ирана, он не мог оставить без внимания проблему возвращения привычки к спорту и навыков физической культуры широким массам своего народа. В 1933 г. при Министерстве просвещения был создан Совет по физическому воспитанию, председателем которого стал наследник престола Мохаммед Реза²⁶⁸. Данная структура занималась всеми видами спорта и курировала скаутское движение. В результате вскоре в стране возникло около 300 спортивных клубов. В школах в обязательном порядке ввели уроки физкультуры для мальчиков и девочек, которые занимались художественной и спортивной гимнастикой, легкой атлетикой, волейболом, баскетболом и футболом. Уделялось внимание и традиционным для Ирана видам спорта, таким как скачки, конное поло и борьба. Об активном вмешательстве Мохаммеда Резы в развитие физической культуры говорит и публикация в одной из иранских газет того времени: «В связи с указаниями наследника о необходимости широкого развития физической культуры среди девочек и женщин, Управление физической культуры приступило к организации соревнований среди учащихся девушек. До настоящего времени разработана программа для состязаний по волейболу и баскетболу»²⁶⁹.

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ О его безразличном отношении к внешним проявлениям богатства и роскоши говорит то, что, будучи шахом, в холодное время года он всегда носил одну и ту же шинель голубого цвета, а на всех мероприятиях появлялся только в военной форме.

²⁶⁸ Elwell-Sutton, L. P. Modern Iran. P. 130.

²⁶⁹ Кушеш. 02.03.1939.

Мохаммед Реза, вернувшийся из Швейцарии, где он учился в школе-пансионе Ля Росссе, в 1936 г., возглавил Атлетическую ассоциацию и скаутское движение, демонстрируя молодежи личным примером интерес к занятиям спортом.

Разумеется, основным сторонником развития спорта и продвижения физической культуры в массы был сам шах. В марте 1939 г. Управление физической культуры направило обращение во все государственные учреждения и министерства, в котором говорилось, что в связи с указаниями шаха о дальнейшем развитии спорта и физической культуры среди населения во всех ведомствах должны быть созданы спортивные организации. Для этой цели в каждом из них, как в столице, так и на периферии, учреждаются спортивные клубы. Работники этих организаций должны раз в неделю заниматься спортом. Предписывалось создать площадки для футбола, волейбола, баскетбола, тенниса и прочих видов спортивных игр, а также бассейны и крытые площадки для занятий спортом в зимний период²⁷⁰.

Футбол стал самым популярным видом спорта. Играть в него начали еще в 1920-х гг. по инициативе весьма активной в то время Социалистической партии, а самым популярным из игроков первой волны стал член этой партии, которого называли Хабиб-большевик²⁷¹. В каждой школе появилась своя футбольная команда и футбольное поле. В Тегеране был построен большой современный стадион. Результаты футбольных матчей и других спортивных соревнований стали обсуждаться в прессе, которая усиленно пропагандировала и популяризировала занятия спортом так же, как и все другие реформаторские начинания правительства. Парады школьников и торжественные прохождения спортсменов стали обязательными элементами проведения всевозможных торжеств и мероприятий.

Продолжением реализации идеологических доктрин стала и политика в области реформы персидского языка и популяризации персидской литературы, особенно поэзии. Весной 1935 г. по указанию Реза-шаха была создана Академия языка и литера-

²⁷⁰ Иран-е азад. 12.03.1939.

²⁷¹ *Banani, A. The Modernization of Iran. 1921–1941. P. 107.*

туры (Фархангистан)²⁷². Одной из ее задач стало очищение персидского языка от засилья арабских и турецких слов и других иноязычных заимствований, для которых стали подбираться чисто персидские эквиваленты. В частности, были заменены все названия воинских чинов, в эпоху Каджаров взятые из указанных языков. Были найдены замены и многим другим терминам. Например, для подбора эквивалента слову торпеда, выбрали слово *аждар*, которым в «Шахнаме» Фирдоуси назывался сказочный огнедышащий дракон, а арабское слово *монаввар уль-фекр*, означавшее «интеллигенция», удачно замещено персидским *роушан-фекр*. В 1938 г. Академия выпустила первый сборник «современных слов», а в дальнейшем такие сборники публиковались ежегодно. Разумеется, не все попытки оказались столь удачными.

Такая политика вызывала неприятие у общественных деятелей, перешедших в оппозицию к монарху и, по естественным причинам, находившимся за границей. Одним из критиков был Сеид Хасан Тагизаде, эмигрировавший в Германию. Там в 1935 г. он издает журнал «Талим ва тарбият» («Обучение и воспитание»), в котором среди прочего публикует статью под названием «Национальное литературное движение». В ней он подвергает критике деятельность недавно созданной Академии за ее действия по загрязнению персидского языка искусственно выдуманными словами, которые вводятся в оборот насильственно: «...Там я написал, что, говорят, поступило распоряжение использовать такое-то слово. Говорят, что оно утверждено высочайшим распоряжением (распоряжением шаха. – З.А.). В те времена все так делалось. <...> Когда Реза-шах прочел мою статью, то очень разозлился и приказал, чтобы те, кто разбираются, написали ответ.

²⁷² Указанная структура существует и по сей день. Правда, за прошедшие почти сто лет ее название изменялось. В 1935–1941 гг. – Академия языка и литературы, в 1970–1979 гг. – Академия персидского языка, с 1990 по н/время – Академия персидского языка и литературы. Подробно о деятельности Академии см.: Комиссаров, Д. С. Пути развития новой и новейшей персидской литературы. М.: Наука, 1982; Рубинчик, Ю. А. Некоторые особенности формирования и развития лексики современного персидского языка (период до революции 1979 г.) // Развитие языков в странах зарубежного Востока. М.: Наука, 1983. С. 126–139; Каменева, М. С. О деятельности двух академий языка Ирана и некоторых инновациях в лексике персидского литературного языка // Развитие языков в странах зарубежного Востока. М.: Наука, 1983. С. 89–99.

<...> Сразу все газеты начали писать, и все против меня, и даже не стыдились. Как говорят на простонародном языке тавризцев, «ишак побежал – седло упало»²⁷³.

Естественно, что все действия в данном направлении не могли быть правильными и удачными, и сегодня около 40% слов в персидском языке имеют арабское происхождение. Ряд слов в персидском и турецком языках имеют общее, в основном арабское, происхождение. Автор настоящего исследования не берется судить о том, насколько рациональным было данное движение, осуществленное по указанию монарха, но необходимо отметить следующие обстоятельства. Академия существует и сегодня, хотя после свержения династии Пехлеви новые власти ликвидировали многие структуры, созданные при монархии. Сейчас, правда, данная структура в большей степени занимается очисткой персидского языка от европейских заимствований, поиском персидских эквивалентов, отражающих научно-технические новшества, усовершенствованием орфографии и пр. Кроме того, случаи целенаправленной очистки языка от иностранных заимствований имели место и в других странах. В частности, в Англии времен В. Шекспира около 1000 слов немецкого и французского происхождения были заменены на специально подобранные или изобретенные английские слова. Бытует мнение, что это было сделано самим В. Шекспиром, независимо от того, существовал ли он в действительности, или под этим именем работала группа неизвестных нам лиц.

В рассматриваемый период огромное внимание уделялось популяризации персидской литературы среди широких народных масс. Большой вклад в указанный процесс вносил Зока уль-Мольк Форуги как будучи премьер-министром, так и в период своей опалы (1935–1941)²⁷⁴. Он постоянно работал над теми или иными аспектами новой идеологии, собирал вокруг себя молодых интеллектуалов, направлял их деятельность, помогал материально и, используя свои связи, продвигал их по государственной службе,

²⁷³ Зендеги-йе туфани... С. 256–257.

²⁷⁴ О причинах опалы см.: Арабаджян, З. А. Иран от революции до революции... С. 43–44.

публиковал их работы. Сам он уделял много времени популяризации поэмы Фирдоуси «Шахнаме», организовывал публикацию этого произведения как в полном объеме, с богатыми иллюстрациями и в роскошных переплетах, так и в сокращенном варианте со скромным оформлением – с тем, чтобы книга могла попасть в дом каждого иранца, умеющего читать.

Форуги много работал над публикациями и других классиков средневековой иранской поэзии – Саади и Хафеза, сопровождая их произведения своими содержательными вступительными статьями и комментариями. В частности, в предисловии к «Голестану» он писал: «Иногда любители поэзии удивляются тому, что 700 лет назад Саади говорил нашим сегодняшним языком. В действительности не Саади 700 лет назад говорил современным языком, а мы спустя 700 лет говорим языком, которому научились у Саади. Иначе говоря, Саади сделал обычный персидский язык таким проникновенным, что созданная им лексика стала повседневным персидским языком»²⁷⁵. Это очень тонкое наблюдение, которое показывает не только, кто на каком языке говорил в Иране, но и как давно сформировался современный персидский язык, по сравнению с современными европейскими языками: английский – во времена Шекспира, а русский – в эпоху Пушкина.

Публикация массовыми тиражами в виде недорогих изданий произведений иранских классиков была беспрецедентной и точно соответствовала историческому моменту, поскольку в стране начала резко расти доля грамотного населения. При Каджарах, когда неграмотных по разным оценкам было 80–90%, большая часть народа не нуждалась в такого рода книгах, и поэзия классиков была уделом немногочисленного грамотного меньшинства. В новую эпоху произведения Саади, Хафеза, Фирдоуси и других классиков выполняли важную роль в воспитании у народа чувства гордости за свою страну и ее достижения.

В плане воспитания иранского патриотизма и индоктринации народа в необходимом для монархии Пехлеви ключе особое

²⁷⁵ Толуи, М. Базигран-е аср-е Пехлеви... С. 29.

значение имела массовая публикация поэмы-эпопеи Фирдоуси «Шахнаме» («Сказание о шахах»), которая апеллировала к наиболее славным страницам иранской истории до арабского нашествия. Примечательны ее завершающие строки:

Анчenan рандж кярдам дар ин сале си Столько потрудился я в эти 30 лет,
Ке аджам зенде конам бедин парси. Чтобы немного превратить в фарси.

Они являлись ответом арабским завоевателям, высокомерно считавшим персидский язык примитивным, называвшим персов презрительным словом *аджам* («немой», «заика»). С учетом данного обстоятельства очевидно, что такой аспект политики Реза-шаха в области культуры, как очищение персидского языка от арабских и тюркских заимствований, имел под собой определенные основания.

В это время развивалась и общественная мысль. Тот же Форути писал такие серьезные работы, как «Развитие европейской философии», «Основы ораторского искусства» и др. В этих произведениях, написанных и опубликованных в годы, когда Реза-шах находился на пике своего могущества, отражались взгляды Форути во всей их многосложности. Его работа «Развитие европейской философии» интересна выбором философов, которых он включил в число рассматриваемых.

Форути анализировал французских просветителей – Вольтера, Монтескье, Руссо, Дидро, излагая также свои взгляды и представления о законе, свободе, демократии. В предисловии к книге он отмечал: «Эта книга – первое произведение, в котором излагаются мысли европейских философов на персидском языке. Поэтому, хотя она несвободна от недостатков и неточностей, но достойна того, чтобы к ней отнеслись доброжелательно и не обращали внимания на некоторые изъяны. Усилия автора были направлены на то, чтобы уйти от споров о деталях и от второстепенных вопросов, и доступно изложить основные принципы европейской философии»²⁷⁶. Форути удалось доступно и просто на прекрасном современном персидском языке передать читателю принципы и понятийный аппарат рассматриваемых

²⁷⁶ Толуи, М. Базигран-е аср-е Пехлеви... С. 30.

философов и их концепций. Особенно интересно, что в данной работе большое внимание уделяется французским просветителям, представлявшим либеральную ветвь европейской политической философии и идеологически подготовивших Великую французскую буржуазную революцию. С учетом того, что Форути был членом нескольких масонских структур, его выбор определенных философов и их воззрений выглядит неслучайным.

Важным элементом культурного развития в рассматриваемый период стало развитие иранского кино и театра. Первые кинематографические зарисовки в Иране были сделаны еще в правление Мозаффар эд-Дин-шаха его придворным фотографом Мирзой Ибрагим-ханом, имевшим почетный титул *аккасбаши* (главный фотограф), который заснял траурную процессию в день ашуры, фестиваль цветов и пр. Он же в 1904 г. открыл первый кинотеатр в Тегеране, где демонстрировались хроникальные или комедийные короткометражные фильмы.

Однако первые документальные фильмы оказались созданными Хан Баба Мотазедди в 1925 г. в связи с работой Конституционной ассамблеи, провозгласившей Реза-хана шахом Ирана, и по случаю его коронации в 1926 г. В то же время в Иран после обучения в Кинематографической академии в Москве возвратился иранский армянин Ованес Оганян, который хотел создать местную киностудию. Вскоре он осознал, что это невозможно из-за отсутствия в стране профессиональных киноактеров и основал школу по подготовке киноактеров²⁷⁷. Однако это учреждение называлось Центром по обучению артистов кино (Парварешгах-е артистие-йе синема), а не школой, поскольку правительство не считало еще кинематограф настолько важным, чтобы разрешить учебному заведению с кинематографическим профилем называться школой или училищем²⁷⁸.

Только в 1931 г. Оганяну удастся создать первую полнометражную игровую комедию «Аби и Раби», в которой снима-

²⁷⁷ Parhami, Sh. Iranian Cinema: Before the Revolution. Off Screen. Vol. 3. Issue 6. November 1999 // URL: <https://offscreen.com/view/iran2> (дата обращения: 30.11.2020).

²⁷⁸ Омид, Дж. Тарих-е синема-йе Иран 1289–1357. (История иранского кино 1286–1357). Тегеран: Зузане, 1374. С. 42.

лись его студенты. В 1934 г. выходит его второй комедийный фильм «Киноактер Хаджи Ага». Оба фильма, ставшими образцами немого кино, имели большой коммерческий успех. Однако второй оказался менее успешным, поскольку в 1933 г. появился первый иранский звуковой фильм «Девушка лурка», созданный режиссером Ардеширом Ирани. Правда, этот фильм был снят на киностудии в Бомбее при технической поддержке индийской сторонами, но с иранскими актерами.

Важным шагом в развитии иранского кинематографа стала картина Ибрагима Моради, который сначала учился в России, а по возвращении в Иран поступил в школу Оганяна. В 1934 г. он вместе с другими студентами школы создал фильм «Капризный». Если первые иранские фильмы носили чисто развлекательный характер, то в этой картине впервые появляются социальные мотивы: богатому, капризному и ленивому горожанину противопоставляется трудолюбивый, бедный, добрый и честный крестьянин.

Одним из классиков иранского кинематографа рассматриваемого периода является Абдульхосейн Сепанта, вместе с Ирани создававший фильм «Девушка лурка». Он был режиссером таких картин, как «Ширин и Фархад», «Лейли и Меджнун». Примечательно, что в вопросах кинематографической трактовки определенных событий между творцами и властью стали появляться противоречия. Так, Сепанта по заказу Министерства просвещения создал киносерию классика персидской поэзии Фирдоуси, которая не понравилась Реза-шаху из-за показанного в ней конфликта между поэтом и шахом Махмудом Газневи. В итоге фильм был положен на полку и не вышел в прокат. Вероятно, это первый случай цензуры в иранском кинематографе.

Следует отметить, что с 1937 г. в Иране производство картин прекратилось, в значительной степени из-за того, что местным прокатчикам было выгоднее демонстрировать иностранные фильмы. Местная киноиндустрия стала возрождаться только после окончания Второй мировой войны.

В целом иранская власть первоначально, видимо, недооценивала значение национального кинематографа как «важ-

нейшего из искусств». Это подтверждается и тем, что в начале 1930-х гг. в стране было всего около 30 кинотеатров, из которых более половины находились в Тегеране. Касательно значения, которое придавал шах кинематографу, иранская исследовательница Шахин Пархами отмечает: «Реза-шах, первый монарх династии Пехлеви, пришел к власти в начале 1920-х гг. Несмотря на его увлечение модернизацией и технологиями, шах не понимал важности киноиндустрии. Единственный вклад в кинематограф, который он внес, это 500 туманов, присужденных Мотазедди за его кинохронику о коронации шаха»²⁷⁹.

Однако к концу 1930-х гг. ситуация начала меняться, если не с национальным кинопроизводством, то с расширением сети кинотеатров и использованием их для просвещения населения и особенно детей и юношества. Вводилась строгая регламентация работы кинотеатров, было произведено разделение кинопродукции на фильмы для взрослых, детей и воспитательные. В 1939 г. Министерство юстиции и МВД внесли изменения в Устав о кинотеатрах. По новым правилам детям в возрасте до 7 лет посещение кинотеатров категорически запрещалось. Для детей в возрасте от 7 до 16 лет каждый кинотеатр должен был в выходные дни в светлое время суток показывать воспитательные фильмы и картины для детей и юношества. Эти фильмы должны были быть признаны полицейским управлением подходящими для данной категории зрителей. Владельцам кинотеатров вменялось в обязанность устанавливать цену билетов на такие сеансы в два раза ниже, чем на обычные. Нарушение указанных правил более трех раз в год грозило временным или даже постоянным закрытием кинотеатра²⁸⁰. Приведенная информация ярко характеризует образ действий власти, которая, с одной стороны, старалась создавать хорошие условия для просвещения населения и особенно подрастающего поколения, а с другой – передала этот вопрос не в ведение Министерства образования или иной структуры, близкой по роду деятельности, а в руки полицейского управления.

²⁷⁹ Parhami, Sh. Iranian Cinema...

²⁸⁰ Иран. 16.06.1939.

Не менее сложными были и перипетии в сфере, касаемой иранского театра. Издревле в Иране существовали театральные постановки для простого народа во время проведения ярмарок и на базарах, в которых воспевались герои и поносились враги, а также театрализованные религиозные церемонии – *та'zieh* или *синезани* – в связи с мученической смертью имама Хусейна, во время которых персонажи импровизировали, не имея готовых устоявшихся текстов. Театра в европейском понимании до конца XIX в. в Иране не было. Только после путешествий Насер эд-Дин-шаха в Европу в этом вопросе начали происходить некоторые перемены, и по его приказанию было построено небольшое здание для проведения постановок.

Первые постановки с определенным относительно устойчивым сценарием, созданным иранскими авторами, стали появляться во время Конституционной революции. Исполнители в них не были профессионалами. В качестве постановщиков и актеров выступали иранские легальные либеральные общества, находившиеся под сильным влиянием местных масонов. Эти спектакли пропагандировали идеи либерализма и иранского национализма²⁸¹.

В эпоху Реза-шаха стали появляться серьезные театральные коллективы, которые все еще нельзя было назвать профессиональными, а также иранские драматурги. Вероятно, первым был «Театр Счастья», в котором были не только актеры-подражатели, но и музыканты. Уникальность его состояла в том, что впервые на сцену выходили актеры-женщины: Шармани Голь, Молюк Руми, Пери Голбандеги. Однако это новшество вызывало ярость религиозных фанатиков, и вскоре театр был сожжен.

Но это не остановило вхождение женщин в театральное искусство. В 1926 г. было создано Барбедское общество, названное так в честь знаменитого музыканта при дворе последнего великого сасанидского царя Хосрова Парвиза по имени Барбед. Главную роль в его создании сыграл известный иранский музыкант, виртуозно владевший игрой на таре, Исмаил Мехр-

²⁸¹ Подробнее об одном из таких спектаклей см.: Арабаджян, З. А. История иранского масонства... С. 40–41.

таш, который также писал музыку для спектаклей. В спектаклях Барбедского общества принимали участие такие актеры, как Варто Терян, Фазулла Байган, Раффи Халати, Молук Зараби, Али Дарьябеги и др. Среди них было много женщин, в связи с чем специалист по истории иранского театра Нилуфар Бизаи отмечает: «Примечательным периодом этого и более поздних периодов является присутствие в театральной сфере женщин, которые, несмотря на сопротивление клерикальных кругов, угрозы и давление, из-за любви к своей профессии продолжали следовать избранным путем. Особенно велика, бесспорна и достойна похвалы была в иранском театре роль армянских женщин. От Варто Терян до госпожи Кастанян, Лерта, Сирануш, а также мусульманских женщин – таких, как госпожа Чехразад, Эсмат Сефевии и др.»²⁸².

Театральные группы ставили спектакли по различным сюжетам от традиционных и комедийных («Паришер и Паризад», «Братство», «Тысяча первая ночь», «Аббасе – сестра Амира») до трансформированных на иранский манер пьес европейских авторов, в том числе постановки антиклерикальной пьесы Мольера «Тартюф». Последняя была осуществлена любителями из Культурного общества в Реште и вызвала резкое осуждение местного духовенства.

Между тем, театральных училищ в стране не имелось, и только в 1936 г. был создан небольшой театральный класс, который просуществовал до 1939 г., когда, наконец, появилась первая иранская Муниципальная театральная школа (Медресе-е театрие-йе шахрдари), открытая группой иранских театральных артистов, за которой вскоре последовали и другие школы. Муниципальная театральная школа была создана Организацией по воспитанию мыслей, и как только о ее создании стало известно, в нее «записалось большое количество желающих обоего пола»²⁸³.

Первый спектакль студенты новой Театральной школы дали 6 мая 1939 г. В связи с этим событием газета «Этталаат» напечатала передовицу, в которой отмечалось исключительно

²⁸² Бизаи, Н. Негахи бе тарих-е немаеш дар Иран...

²⁸³ Кушеш. 27.03.1939.

важное значение театра в жизни общества, говорилось, что 30 лет назад создание театра в Иране считалось безнадежной мечтой. Газета приветствовала назначение заместителя министра промышленности Насра директором театральной школы, поскольку он на протяжении длительного времени играл большую роль в развитии театрального искусства в стране и являлся одним из знатоков и ценителей театра. Театральная школа называлась очагом великого подъема одного из главных направлений литературы, а о театре говорилось, что он будет способствовать развитию поэзии и музыки в стране. Открытие же самой театральной школы газета посчитала «одним из самых ценных плодов Организации по воспитанию мыслей»²⁸⁴.

Следует отметить, что создание государственной театральной школы было для Ирана того времени делом исключительным. В ней за казенный счет училось 12 женщин и 40 мужчин, все они получали от государства стипендию. Еще 40 человек посещали ее в качестве вольнослушателей. Среди преподавателей различных предметов театрального искусства были такие известные режиссеры и актеры, как Нушин, Дарьябеги, Намдар, Шахрдар и Ужик. А ее директор, заместитель министра Наср, читал лекции по истории мирового театра²⁸⁵.

Однако надежды многих театральных деятелей, драматургов и актеров, первоначально связанные с многими позитивными шагами Реза-шаха и проводимой им модернизацией всех сторон жизни общества, не оправдались. Прежде всего, это было вызвано введенными жесткими цензурными ограничениями. Такое положение привело нескольких видных театральных деятелей к самоубийству. В частности, так поступил самый известный драматург того периода Реза Камаль, более известный, как Шахрзад, автор пьес «Паришер и Паризад», «Братство», «Тысяча первая ночь», «Аббасе – сестра Амира». Так же поступил и Мирсиф эд-Дин Керманшахи, один из первых профессиональных театральных режиссеров в Иране, в свое время постигавший театральное мастерство в СССР.

²⁸⁴ Эттелаат. 10.06.1939.

²⁸⁵ Сетаре-е Иран. 11.06.1939.

Нилуфар Бизаи так пишет об этом периоде истории театрального искусства в Иране: «По сути, в период Реза-шаха, который проходил под заявления о модернизации и принес положительные перемены в этой области, мы встречаем многих интеллектуалов и писателей, которые сначала были оптимистично настроены в отношении всех предпринятых мер. Казалось, что после поражения Конституционной революции появилась надежда на расширение свободы слова. Но сильное давление и цензура в рассматриваемый период довели их до такого отчаянья, что некоторые из них покончили жизнь самоубийством»²⁸⁶.

Оценивая результаты перемен в области культуры, следует отметить масштабность происшедших сдвигов во всех сферах культурного строительства, которые проходили в рамках общей политики вестернизации. Менялся внешний облик страны или, как минимум, ее городов. Власть существенно изменила положение женщин не только внешне, запретив ношение чадры, но и создала условия для их постепенного вовлечения в общественную жизнь через предоставление возможности получения среднего и высшего образования, создание феминистских организаций и клубов.

На системной основе создавалось здравоохранение, которое охватило все провинции страны сетью больниц и амбулаторий. Большое значение для его развития играли усилия государства по подготовке национальных кадров врачей и среднего медицинского персонала как в учебных заведениях самого Ирана, так и за рубежом. Продолжением политики по улучшению здоровья нации явилось внимание к распространению физической культуры. В стране стали появляться спортивные клубы и стадионы, физическая культура и спорт начали входить в повседневную жизнь населения и усиленно культивироваться властями. Регулярными стали уроки физкультуры в школах не только для мальчиков, но и для девочек.

В связи с ростом числа грамотного населения существенное развитие получило издательское дело. Издавались не только

²⁸⁶ Бизаи, Н. Негахи бе тарих-е немаеш дар Иран...

произведения иранских классиков, но и переводная литература. В 1930-е гг. было издано более 4000 наименований книг, главным образом, произведений иранской классической литературы²⁸⁷. Примечательно, что в Калькутте издали «Антологию современной иранской поэзии». В ней были стихи 83 иранских поэтов, некоторые из которых проживали в эмиграции. Эти авторы работали, применяя разные стили: одни писали стихи в классической традиции, другие применяли более современные приемы стихосложения. В содержательном плане имелось много наивных произведений дидактического характера, но все стихи и поэмы были посвящены острым вопросам современного иранского общества. Одно из стихотворений, вошедших в эту антологию, «Осень» поэта Хади, было не только очаровательным по стилю, но и примечательно тем, что при его написании автор использовал только слова с персидскими корнями. Учитывая обилие слов арабского и тюркского происхождения в персидском языке, нетрудно представить, как сложно было написать такое произведение. Это полностью соответствовало политике Фархангистана.

Появились специализированные журналы, освещавшие вопросы политики, литературы, науки и техники, спорта и других сторон жизни общества. В это время получали образование и начали свою научную деятельность многие авторы, впоследствии ставшие крупнейшими иранскими историками и писателями, – Ф. Адамийат, А. Кясрави, Н. Кермани, Х. Макки, М. Малекзаде, Э. Теймури и др.

Особое значение имело создание профессиональных школ кинематографии и театрального искусства, появление первых отечественных режиссеров, актеров и драматургов, закладывавших основы кино и театра, принесшего в последующие периоды мировую известность данным видам искусства, особенно иранскому кинематографу.

Характерно, что все позитивные перемены осуществлялись под патронатом монарха или членов царствовавшего дома, которые своим примером и участием старались популяризировать

²⁸⁷ Elwell-Sutton, L. P. *Modern Iran*. P. 151.

вать нововведения среди иранского общества. При этом процесс культурного строительства не был лишен определенных недостатков и перекосов, поскольку осуществлялся исключительно в соответствии с личными представлениями Реза-шаха о прекрасном и необходимом. В частности, им не была осознана культурно-просветительская и политическая роль кино как средства массового воздействия на умы граждан, из-за чего иранский кинематограф прекратил свою деятельность в 1937 г. Но были и более серьезные изъяны. Прежде всего, наличие жесткой цензуры, контролирувавшей произведения лиц творческих профессий, ученых, обществоведов, писателей, режиссеров, актеров и других деятелей культуры. Деятельность цензуры жестко контролировала прессу. В стране существовало не менее 300 газет, издававшихся почти в каждом городе, но срок жизни подавляющего большинства из них был невелик, а освободившееся место быстро занималось каким-нибудь новым изданием. Закрытие газет происходило как по чисто экономическим причинам, так и по цензурным. Одним из наиболее ярких примеров этого является судьба газеты «Шефаг-е Сорх», издававшейся талантливым журналистом и писателем Али Дашти, в прошлом любимцем Реза-шаха, так как он оказал ему немалую поддержку на пути к трону. После 1930 г. Али Дашти почувствовал, что журналисты утрачивают возможность свободно излагать свои взгляды по общественно-политическим вопросам и передал руководство газетой ее главному редактору. Однако он продолжал критиковать правительство и шаха уже не на страницах прессы, а в частных беседах. Когда в 1934 г. его критика дошла до Реза-шаха, газета «Шефаг-е Сорх», выходившая с 1922 г., была закрыта властями, хотя в ней уже давно ничего антирежимного не писалось.

При этом пресса четко отработывала задачи по идеологической пропаганде режима и критике несогласных не столько в стране (в Иране 1930-х гг. они уже практически не имели возможностей для публичных выступлений), но и за рубежом. Ярким примером этого являются публикации иранских газет в связи с решением Реза-шаха разорвать дипломатические отношения с Францией в 1939 г. из-за критики французской прессой его

действий по конфискации земель (в частности, шаха сравнивали с кошкой, поедающей землю) и других особенностей внутренней политики²⁸⁸. Европейские и, в первую очередь, французские газеты и журналисты обвинялись в безответственности, некомпетентности, презрении к странам Востока. В частности, газета «Эттелаат» поместила статью некоего А. Д. «Благодарность иранскому правительству». В ней автор рекомендует журналистам серьезно изучать проблемы, о которых они собираются писать, обращаться при этом за разъяснениями к хорошо осведомленным специалистам. Помимо прочего, А. Д. отмечает: «...Если журналист пишет ради выгоды и для удовлетворения своих низких нужд, то он не придает значения этим правилам и фиксирует на бумаге все, что вытекает из его помешанной головы и скудных знаний. <...> Пустой журналист дает волю своему перу, пишет все, что придет ему в голову, и совершенно не считается с последствиями своих писаний. Такую оценку можно дать большинству французских газет. Эта страна, не имеющая ни одного политического вождя и руководителя, <...> не считается ни с какими заслуживающими уважения принципами.

Их (французских журналистов. – З. А.) сведения о странах Востока являются самыми устаревшими и необоснованными. <...> Они не верят, что восточные народы теперь не являются слабыми и разрозненными народами прежних времен. Французские низкие журналисты совершенно забывают, что в настоящее время политика основывается на общности интересов, и что их писания вызывают возмущение, которое и привело к разрыву дипломатических отношений. Все иранцы глубоко благодарят иранское правительство за то, что оно отстаивало честь страны»²⁸⁹.

Вероятно, разрыв отношений с Францией и негативные публикации об Иране и его правителе настолько взволновали

²⁸⁸ В апреле 1939 г. высокопоставленная французская делегация прибыла в Тегеран на торжества по случаю бракосочетания наследника престола. В ходе встречи с Реза-шахом ему были принесены официальные извинения в связи с публикациями французской прессы, и летом 1939 г. дипломатические отношения между двумя странами были восстановлены (см.: *Хушанг Махдави, А. Сийасат-е хареджи-йе Иран... С. 46*).

²⁸⁹ Эттелаат. 31.12.1938.

Реза-шаха, что иранская пресса несколько месяцев продолжала муссировать этот вопрос. Та же «Эттелаат» в феврале 1939 г. поместила статью «Тенденциозность одной западной газеты», направленную против швейцарской газеты «Дер Бернер Цайтунг», поместившей в номере от 5 января 1939 г. публикацию о разрыве ирано-французских отношений и о впечатлении, которое это произвело в Европе. В ней отмечалось: «Хотя автор статьи внешне (беспристрастно) пытается изложить причину этого факта, между строк статьи проходит красной нитью невежливый и тенденциозный тон, который обычно применяется западными газетами в подобных случаях по отношению к стране Востока. Некоторые западные журналисты настолько горды и эгоистичны, что не могут допустить мысль о том, что одно из государств Востока может порвать дипломатические отношения с европейской страной во имя защиты своей чести и национальных святынь».

Автор этой статьи затрагивает события целого века и пытается сделать неверные выводы о нашей стране. Почему эти политики всеми силами стараются приписать тому или иному народу все события, которые происходят на Востоке, и почему не хотят понять, что мощное государство и гордый народ не позволяют группе пустословов подрывать их престиж»²⁹⁰.

Контроль за местной прессой осуществлялся, прежде всего, через контроль за издателями, а не путем ежедневной проверки всех публикаций. Управление по руководству журналистикой (главный цензурный орган) проверяло общественно-политические настроения, квалификацию, наличие средств и прочие характеристики у лиц, подававших заявки на учреждение газет, и, только убедившись, что соискатель соответствует требованиям, выдавало лицензию. Однако оно оставляло за собой право в случае возникновения подозрений проверить любое издание.

Кроме того, в рамках политики «один язык – одна нация» на фоне роста системы образования и расширения ареала распространения персидского языка, появления множества газет

²⁹⁰ Эттелаат. 18.02.1939.

и журналов на нем, имело место ущемление интересов и прав национальных меньшинств – азербайджанцев, арабов, армян и других народов – в вопросах культуры. Количество школ, где велось преподавание на языках этих народов, и печатных изданий существенно сократилось. Наиболее сложным было положение меньшинств, не считавшихся ни в этническом, ни в конфессиональном плане иранскими: армяне, ассирийцы и евреи. Создание клубов и общественных организаций этих меньшинств было запрещено, хотя свобода их вероисповедания не нарушалась. Под особым подозрением были армяне, поскольку считалось, что они склонны к крамоле и сочувствию коммунистическим идеям, поэтому их перестали принимать на службу в государственные органы²⁹¹. Целью такой политики было не вытеснение их из страны, но обеспечение их лояльности режиму.

В ходе изменения культурного облика имела место сильная неравномерность перемен в дихотомии город–деревня, и основные плоды приходились на долю крупных городов, в то время как достижения культуры в сельскую местность и районы проживания племен, которые в то время активно переводились властью от кочевого к оседлому образу жизни, проникали в гораздо меньшей степени. Такая неравномерность понятна и имела место во многих странах, переживавших схожие процессы, однако в Иране она была крайне значительной, учитывая реакционную сущность аграрной политики Реза-шаха, что уже было отмечено в соответствующих главах настоящего исследования. Также за достаточно позитивной картиной перемен в целом не следует забывать о классовом характере режима Реза-шаха, который приводил к естественной неравномерности в доступе к достижениям культуры представителей различных классов и социальных групп.

²⁹¹ Elwell-Sutton, L. P. *Modern Iran*. P. 146.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексные иранские реформы 1920–1930-х гг. воспринимались в отечественной и зарубежной литературе как европеизация или вестернизация. Следует отметить, что набор сфер, подвергшихся реформированию в Иране, не отличался оригинальностью, что вполне понятно, поскольку все страны, становившиеся на путь реформ, в той или иной степени ориентировались на европейские образцы. Однако иранскому правительству предстояло ответить на вопрос о том, что хорошо, а что плохо для страны: индивидуализм, рационализм, нация как атрибут и одновременно продукт гражданского общества, или коллективизм, иррационализм, умма, критерием принадлежности к которой является вероисповедание человека. В практическом плане этот вопрос разрешился за счет использования опыта солидаризма в его итальянском варианте эпохи Б. Муссолини. Интересы государства, которое по заявлениям официальной власти, выражало интересы нации, ставились на первое место. Каждый человек должен был максимально содействовать укреплению государства и солидарно участвовать в процессе общественной жизни. Такой подход проявился во всех сферах, подвергавшихся реформированию. В результате за период модернизации иранское общество начало активно превращаться из традиционной уммы, основанной прежде всего на религиозной общности ее членов, в буржуазную нацию.

Экономическая политика в эпоху Реза-шаха в значительной степени следовала основным постулатам меркантилизма, поскольку была направлена на удержание денежной массы в стране. Это особенно проявилось в начале 1930-х гг., в период мирового экономического кризиса, оказавшего сильное негативное воздействие на иранскую экономику, поскольку упал спрос

на предметы традиционного иранского экспорта. Тогда правительство повышало пошлины на импортные товары (за исключением промышленного оборудования, машин и механизмов, которые не производились в Иране), поощряло развитие собственного производства, способного увеличить приток денег в страну и уменьшить их отток, т. е. проводило мероприятия, позднее названные экономистами политикой импортозамещения и экспортной ориентации. При этом правительство приучало общество пользоваться товарами отечественного производства. Например, в школах вводилась школьная форма, обязательно сшитая в Иране из тканей, произведенных на местных ткацких фабриках. Аналогичная ситуация была и с армейской униформой. Для защиты национальной промышленности применялись и различные протекционистские меры.

Благодаря мероприятиям в финансово-экономической сфере и особенно созданию современной транспортной сети (автомобильной и железнодорожной) в стране завершилось формирование единого национального рынка. Все ее регионы оказались прочно связаны друг с другом экономически. Во многом благодаря энергичному развитию транспортной системы стало возможным избегать голода, время от времени случавшегося в различных районах страны, и оперативно перебрасывать продовольствие в провинции, пораженные засухой и неурожаями.

Несмотря на решительность преобразований Реза-шаха, он не был склонен разрушать те традиционные структуры, которые не мешали его модернизации. Так, создавая новые, современные формы хозяйствования – акционерные общества, или, как их называли по-персидски, *шеркяты*, он сохранял традиционные цехи ремесленников и торговцев – *синфы*. В сфере образования это проявилось в лояльности государства к традиционным, хотя и устаревавшим, формам школьного образования – мактабам.

В трудах различных авторов, анализировавших изменения в Иране при Реза-шахе, принято сравнивать их с реформами в Турции, проведенными Ататюрком, которые протекали практически одновременно с иранскими, хотя и начались чуть раньше. Одним из таких наиболее вдумчивых и глубоких исследователей

является Е. Абрахамиан, отмечавший: «Таким образом, Реза-шах напоминает своего более известного турецкого современника Мустафу Кемаля. Оба стремились превратить свою традиционную многообщинную страну в современное государство-нацию. Оба ассоциировали модернизацию с вестернизацией; прошлое – с управленческой неэффективностью, анархией племен, властью духовенства и социальной неоднородностью; будущее – с культурным единообразием, политическим конформизмом и этнической гомогенностью. Оба надеялись построить суверенное государство, независимое от иностранного влияния. Оба надеялись вынудить женщин выйти из своих домов в общественную жизнь. Оба надеялись развить свои страны, особенно городские районы, с помощью увеличения поступлений от внутренних источников, в частности за счет масс сельского населения. Оба пришли к власти с помощью военных и были убеждены в том, что реформы в области культуры, экономики, общественной жизни не могут быть осуществлены без достижения политического абсолютизма. Однако оба различались в одном важном вопросе. В то время как Мустафа Кемаль сознательно направлял энтузиазм интеллигенции в Республиканскую партию, Реза-шах постепенно утрачивал поддержку гражданского общества и не сумел создать социальный фундамент для своих институтов, править с помощью организованной политической партии. Таким образом, тогда как власть Мустафы Кемаля прочно покоилась на турецкой интеллигенции, государство Реза-шаха опасно нависло над иранским обществом, не имея классового фундамента»²⁹².

Однако такое механическое сопоставление отрицает влияние существенных различий всего исторического пути, пройденного обеими странами к моменту начала процесса модернизации, на ее результативность, а в этом вопросе у Турции было огромное преимущество перед Ираном. Прежде всего, как наследница Османской империи она имела многовековой опыт всестороннего общения (военно-политического, экономического, культурного и иного) с европейскими государствами. Тур-

²⁹² *Abrahamian, E. Iran Between Two Revolutions. P. 148–149.*

ция в значительной степени и сама являлась европейской страной, уже хотя бы потому, что несколько веков ее частью являлись все Балканы, частично Венгрия, Румыния, Молдавия и Валахия и т. д. Столицей был древний восточно-европейский город с богатой культурной традицией – Константинополь-Стамбул. Уже в 1839 г. в стране начались реформы, получившие название *танзимат*. Основной упор в них делался на социально-экономические преобразования, а план реформ подготовил Мустафа Рашид-паша, который долгие годы служил послом в Англии и Франции. Основной их целью было укрепление центральной власти для более успешного противостояния европейским державам через приспособление условий жизни в империи к западным нормам и эффективному подавлению национально-освободительного движения покоренных народов. Серия реформ имела положительные результаты, хотя и не сделала империю способной на равных соперничать с основными европейскими странами.

Исторически в Османской империи веротерпимость была значительно выше, чем в Иране. Этому в значительной степени способствовал большой удельный вес немусульманского населения (греки, армяне, курды-йезиды, арабы-христиане и пр.). Также широкое распространение получили религиозные секты и группы, проповедовавшие веротерпимость и не слишком строго следовавшие нормам ислама, например, орден Бекташитов²⁹³. Кроме того, в Османской империи активно развивались всевозможные масонские ложи, являвшиеся дочерними структурами великих европейских лож (особенно активны были Великий Восток Франции и Великий Восток Италии). В них входили многие крупнейшие сановники империи, которые проникались там идеями европейского либерализма. При этом султаны не подвергали сколько-нибудь существенным репрессиям и гонениям турецких масонов.

Иран же в XIX – начале XX в. все сильнее опутывался системой неравноправных договоров, шаг за шагом отчуждав-

²⁹³ Подробнее об екташитах см.: Арабаджян, З. А. Иранское масонство... С. 29–31.

ших его суверенитет. Ни о каких реформах и речи не могло идти, особенно после того как Насер эд-Дин-шахом был отстранен (1851) и вскоре казнен (1852) канцлер Амир Кябир, пытавшийся провести в стране модернизацию, в некоторых чертах схожую с преобразованиями, проводившимися в свое время Петром I в России. В конце 50-х гг. XIX в. в Иране была создана первая масонская ложа (Фарамушхане), где проговаривались в достаточно завуалированной форме идеи либеральной модернизации. Однако через несколько лет Насер эд-Дин-шах понял, чем для него могут закончиться невинные на первый взгляд разговоры масонов, и разогнал ложу, наказав членов этой структуры и запретив даже употреблять само это слово. Значительная часть покинувших страну иранских масонов вступила в различные ложи Османской империи. С учетом изложенного предпосылки для модернизации Ататюрка были готовы или почти готовы, и его действия вызвали меньшее сопротивление, чем схожий процесс в Иране.

Пройденный странами исторический путь повлиял и на фигуры самих реформаторов, их уровень образования, жизненный опыт и кругозор. Мустафа Кемаль родился в пригороде европейского города Салоники и получил хорошее военное образование. Он последовательно закончил подготовительную военную школу в Салониках, военную школу в г. Манастир (ныне г. Битола в северной Македонии), Оттоманский военный колледж в Стамбуле и Оттоманскую академию Генерального Штаба. В двух последних учебных заведениях изучались европейские концепции организации вооруженных сил и военное искусство. В академии Мустафа Кемаль изучил и французский язык. После выпуска он участвовал в младотурецкой революции и во многих войнах начала XX в., служил военным атташе в Софии, контактировал с французскими и германскими военными, участвовал в качестве наблюдателя в военных маневрах во Франции, а за годы Первой мировой войны много воевал с вооруженными силами Антанты и дослужился до звания генерал-лейтенанта. Таким образом, турецкий реформатор был очень хорошо знаком с европейской жизнью и основами ее

организации в Европе, имел разносторонний жизненный опыт и кругозор.

Между тем, Реза-хан родился в иранской провинции Мазендерани и был самоучкой. Он нигде системно не учился. Кроме персидского владел азербайджанским и местным наречием алашти. Некоторые его недоброжелатели утверждали, что он был полуграмотным, с трудом умел читать и писать. Благодаря своим физическим данным он начал военную службу в 14 лет рядовым пехотинцем в персидской казачьей бригаде, где до некоторой степени изучил русский язык для общения с русскими офицерами, занимавшими в ней руководящие должности. Постепенно, не учась ни в каких офицерских школах или училищах, ко времени переворота третьего хута (февраль 1921 г.) дослужился до звания полковника. К моменту восшествия на престол он не был ни в одной зарубежной поездке, а после – лишь однажды ездил с официальным визитом в Турцию к Ататюрку (1934).

Сравнивая процессы модернизации в Иране и Турции, исследователь не должен упускать из вида приведенные выше различия в исходных, стартовых позициях в момент ее начала в каждой из этих двух стран. Эти различия повлияли как на результативность, так и на степень решительности и радикальности действия реформаторов. Например, в вопросе ограничения власти духовенства и освобождения женщин положение Реза-шаха было гораздо сложнее. Так, аятолла Модаррес во времена Меджлиса второго созыва (1909–1911), будучи моджтахидом, уполномоченным следить за соответствием принимаемых законов нормам ислама, выступал против наделения женщин избирательным правом, приравнивая их к слабоумным. Когда комиссия Меджлиса представила проект, в котором женщины упоминались среди тех, кто имеет право голоса, он заявил: «С самого начала моей жизни и поныне в море и на земле многое происходило с различными странами, но мое тело не содрогалось, а сегодня мое тело дрожало. Проблема с комиссией состоит в том, что среди избранных она назвала женщин, в то время как женщины не имеют права выбора; Бог не дал им способностей, чтобы они имели право выбора – слабые физически,

умственно²⁹⁴, и они (женщины. – З.А.) принадлежат к числу тех, чей разум не способен на это»²⁹⁵.

В вопросе освобождения женщин Реза-шах был более решителен и последователен, чем Ататюрк, что видно уже из того, как одевались женщины – члены семьи каждого из них. Вот как выглядели супруга Реза-шаха и его дочери в День снятия хиджаба (8 января 1936 г.):

²⁹⁴ Здесь Модарресом использованы слова *мостазефин* и *мостазефан*. После победы революции 1978/1979 г. в Иране слово *мостазеф* (*мостазефин*) принято понимать как «обездоленный (обездоленные)». Однако здесь дается перевод их как «слабые физически и умственно», поскольку иранский богослов ходжат уль-ислам Мохсен Гараати в своих лекциях по Корану отмечал, что слово *мостазефин* в нем встречается всего четыре раза и при этом имеются в виду люди умственно неполноценные. Кроме того, в пользу такой трактовки указанных слов говорит и то, что в конце фразы Модаррес отмечает, что разум всех трех групп не способен принимать правильные решения.

²⁹⁵ Фирехи, Д. Шийе ва незам-е сийаси-йе машруте (Шиизм и конституционный политический строй) // Незам-е сийаси ва доулят дар ислам (Политический строй и государство в исламе). Тегеран: Семмат, 1382. С. 227–228.

А так одевалась супруга Ататюрка после провозглашения им политики отказа от хиджаба:

Очевидно, что даже в теплый день, о чем свидетельствует легкая одежда присутствующих на снимке мальчика и девочки, она предстала плотно закутанной в платок.

Также вызывает сомнение тезис Е. Абрахамиана о том, что Республиканская партия, в которую направлялся энтузиазм интеллигенции, стала прочной основой власти Ататюрка. На этом фоне отсутствие партийной структуры у Реза-шаха якобы привело к опасному нависанию его государства над иранским обществом, поскольку государство не имело классового фундамента. В действительности Республиканская партия являлась карманной партией Ататюрка и выполняла чисто представительские функции. Реальную политическую партию, которая могла бы в перспективе составить ему оппозицию (КПТ), он уничтожил самым жестоким образом: многих руководителей и активистов из числа турецких коммунистов

сажали в лодки и выбрасывали в море, предварительно вспоров им животы²⁹⁶.

Кроме того, указанный автор, что характерно для буржуазных исследователей, путает партийную и классовую структуру, поскольку партия, тем более основанная на «энтузиазме интеллигенции», не может быть «классовым фундаментом» государства. Классовым фундаментом государства может являться только господствующий класс, который выстраивает государство, защищающее его интересы. В лучшем случае партия, если она не отражает интересы угнетенных классов, может быть политическим стержнем, каркасом государства, реализующим волю господствующего класса.

Сравнение процесса модернизации в Иране и Турции является уже чем-то стандартным при оценке деятельности Реза-шаха. Однако представляется небезынтересным сопоставить реформы в Иране с таковыми в России и Советском Союзе. Как ни странно, учитывая различия исторических, культурных, религиозных, экономических, иных условий и традиций, между некоторыми процессами, протекавшими в обеих странах, имеется определенное сходство. При этом то, что делал иранский монарх, в нашей стране проводилось значительно раньше. Например, Реза-шах подрывал основы экономического и политического влияния своих противников, проводя политику конфискации их земельных угодий, владений крупных феодалов, племенных вождей, а конфискованные земли переводились в разряд коронных земель. Похожий процесс, получивший название в нашей исторической литературе как земельный террор, имел место при Иване Грозном. Правда, царь не конфисковывал земельные владения у бояр, которых считал оппозиционно настроен-

²⁹⁶ Мустафа Кемаль, борясь с Грецией и поддерживающими ее англо-французами, опирался на помощь Советской России. Для получения этой помощи он делал вид, что придерживается социалистических взглядов, а его война является частью мировой революции. В связи с этим Коммунистической партии Турции было разрешено легально действовать в стране, и она поддерживала кемалистов. Однако после утверждения своей власти, получив от советской стороны все, что только мог, урегулировав отношения с Англией и Францией, он запретил деятельность КПТ и уничтожил турецких коммунистов. Реза-шах же, крайне жестоко управлявшийся с иранскими коммунистами, о чем рассказано в соответствующей главе настоящего исследования, до такой жестокости не унился.

ными, а, забирая их земли, давал взамен примерно равнозначные в других местах. Смысл этого заключался в том, чтобы порвать прочную связь между боярином и детьми боярскими (в XVI в. так называлось служилое дворянство), которые, как и их предки, из века в век служили семье боярина. На новом месте местное дворянство ничем не было обязано семье переселенного боярина и никак не было с ней связано. Разумеется, действия русского и иранского государей не были полностью одинаковыми, но достигаемый результат был схож – ослаблялись финансовые возможности знати и, особенно, поддержка со стороны зависимых от нее людей. В русском случае – дворянства, в иранском – многочисленных арендаторов, клиентов, зависевших от землевладельца, управляющих, местных мелких чиновников и пр.

Сам перечень сфер общественной жизни, подвергшихся реформированию при Реза-шахе, напоминал таковые, когда в Московском царстве XVII в. начинался медленный процесс европеизации (в отличие от стремительной европеизации эпохи Петра I). Реформированию подверглись правовая система, армия, образование (взаимоотношение государства и церкви в вопросах образования), экономическая политика, был создан централизованный механизм государственного управления и т. д. Процессы внутренних реформ в России и Иране принимали форму европеизации/вестернизации, поскольку для обеих стран Европа выступала в качестве образца, на который следовало равняться. Однако европейские инновации вводились с определенной адаптацией к местным условиям и с соответствующим идеологическим оформлением: в иранском случае – апелляция к достижениям прошлого, в первую очередь древнего Ирана, а в русском – к опоре на православие и концепцию Москва – Третий Рим.

Особенностью развития капитализма в Иране при Реза-шахе, равно как и в пореформенной России, стало то, что промышленное развитие пошло по пути развития госкапитализма. Во многом это объяснялось восприятием самого капиталистического предпринимательства как чего-то, не отвечающего представлениям народных масс о справедливости. Устойчивость такой оценки подтверждается тем, что и при всех режимах,

и сегодня частнокапиталистический уклад не может стать локомотивом экономического развития ни в Иране, ни в России²⁹⁷.

Определенная близость имела и в проведении процесса индустриализации 1920–1930-х гг. Обе страны успешно воспользовались мировым экономическим кризисом для покупки промышленного оборудования, спрос на которое в то время существенно сократился. Это позволило скупать предприятия по низким ценам и привлекать потерявших работу на Западе квалифицированных инженеров и техников. Также в качестве схожих приемов, позволявших существенно ускорить промышленное развитие стран, применялись протекционизм, введение монополии внешней торговли²⁹⁸ и прочие меры. В обоих случаях кроме индустриализации проходило масштабное развитие системы автомобильных и железных дорог. Все экономические проекты реализовывались без привлечения иностранных инвестиций и кредитов.

В более широком плане и при сталинской модернизации 1930-х гг., и при модернизации Реза-шаха произошли огромные изменения в культурном облике стран, осуществлялись меры по борьбе с неграмотностью, ставшие частью культурной революции (по крайней мере в СССР). В Иране этот процесс сопровождался созданием сети современных высших учебных заведений. В Советском Союзе, наряду с расширением ВУЗовской системы, упор делался еще и на массовое создание научно-исследовательских институтов и центров в рамках Академии наук СССР и отраслевой науки. Еще одним отличием стало то, что в СССР, как раньше в России, ввезенные научно-технические новшества органично вписывались в ткань общества, которое, отталкиваясь от них, смогло генерировать свои научные открытия и изобретения. В Иране при Реза-шахе этого не происходило: использовать импортное оборудование смогли, но совершенствовать его и создавать что-то новое – нет.

²⁹⁷ Подробнее по данному вопросу см.: Арабаджян, З. А. Вместо предисловия. Исламская республика Иран: цивилизационные особенности // 40 лет Исламской Республике Иран / Отв. ред. М. С. Каменева, И. Е. Федорова. М.: ИВ РАН, 2020. С. 7–18.

²⁹⁸ Различия в монополии внешней торговли в Иране и СССР указаны в соответствующей главе настоящего исследования.

Несмотря на приведенные некоторые сходства процессов модернизации в Советском Союзе и Иране, они имели принципиальные различия не только по своим масштабам и результативности, что определялось как исходными возможностями стран, их экономик и пройденным историческим путем, так и классовой сущностью и задачами, которые власть ставила перед собой. В нашей стране удалось достичь гигантских успехов благодаря советской власти, высвободившей творческий потенциал и созидательную энергию народных масс. Реза-шах так же старался, как показано в настоящем исследовании, направить энергию людей в конструктивное русло, но классовые корни его монархии и сама суть капиталистической системы не позволили сделать этого в должной мере.

Хотя при Реза-шахе почти во всех сферах общественной жизни произошли большие позитивные изменения, в Иране имеется множество исследователей с весьма критичным взглядом на его правление. Здесь имеются ввиду даже не авторы эпохи Исламской Республики Иран, что вполне понятно, но те, кто писал и публиковал свои труды в 1940-е гг., когда в стране была возможность достаточно свободно выражать взгляды. К их числу можно отнести Х. Макки, М. Т. Бахара (он же известный иранский поэт Малек ош-Шоара Бахар) и других. Среди историков принято называть правление Реза-шаха диктатурой. Некоторые считают весь период с 1925 по 1941 г. эпохой диктатуры, другие считают, что диктатура началась после 1928 г., а до этого элементы демократического устройства еще сохранялись, поскольку в 1926–1928 гг. в Меджлисе пятого созыва существовали остатки парламентской оппозиции, лидером которой являлся аятолла Сеид Хасан Модаррес, а некоторые газеты все еще могли напечатать что-то не совсем совпадающее с официальной линией. Основными претензиями к монарху являются попрание им буржуазных свобод: печати, собраний, прессы, террор по отношению к своим противникам, насилие, применявшееся к племенам, превращение правительства и особенно Меджлиса в декоративные инструменты, послушно выполнявшие волю монарха, иными словами – попрание Основ-

ного закона и всех достижений Конституционной революции 1905–1911 г.

Эти обвинения в значительной степени справедливы и обоснованы. Да, были диктатура и очень жесткое правление, репрессии против классовых врагов монархии (иранских коммунистов), личных политических врагов или даже тех, кто казался врагами Реза-шаху, не являясь таковыми в действительности. Но наряду с этим была масса позитивных изменений страны в лучшую сторону в социальной сфере, экономике, культуре и других сферах жизни общества. Проблема состояла в том, что вытащить иранское общество из прошлого, из феодальной отсталости деликатными, либеральными способами, о которых мечтала интеллигенция, было невозможно. Об этом красноречиво свидетельствует вся история Ирана двух первых десятилетий XX в. Ограничения прав и свобод личности оказались неизбежной платой за развитие. Это, конечно, вызывает сожаление, но гораздо хуже, когда в иных странах диктатура есть, а развития нет.

Важно понять, кто и почему выражал недовольство режимом личной власти монарха. Прежде всего, речь идет о представителях верхов общества. Рабочее движение, возглавляемое иранскими коммунистами, в своих экономических и – реже – политических требованиях выступало не столько лично против шаха, сколько против системы капиталистической эксплуатации в целом. В буржуазных же стратах критика доносилась со стороны тех, кто более всего получил от политики модернизации: бюрократии, средних городских слоев и, особенно, интеллигенции. Более того, эти слои в их современном виде в качественном и количественном измерении являлись продуктом резашаховской модернизации. Особенно это относится к интеллигенции и средним слоям, которые во времена Каджаров были исключительно малочисленны. Можно сказать, что шах оказался отцом иранской интеллигенции. Но, появившись в результате буржуазного развития своей страны, эти страты настоятельно требовали соответствующих капиталистическому устройству общества буржуазных свобод. Однако именно этого не хотел, да и не мог им дать Реза-шах, превратившийся в тирана в глазах порожденных им же социальных групп.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТРЫ ИРАНА В ГОДЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕЗА-ШАХА (1925–1941)

Премьер-министр		Вступил в должность	Ушел в отставку	Партийная принадлежность
	Мохаммед-Али Форути (1875–1942)	1 ноября 1925 г.	13 июня 1926 г.	Партия Обновления (Таджаддо)
	Мирза Хасан- хан Мостоуфи уль-Мамалек 1875–1932	13 июня 1926 г.	2 июня 1927 г.	Партия Обновления (Таджаддо)
	Мехди Голи- хан Хедаят Мохбер ос-Салтане 1864–1955	2 июня 1927 г.	18 сентября 1933 г.	Партия Обновления (Таджаддо) Независимый

	Мохаммед-Али Форути (1875–1942)	18 сентября 1933 г.	3 декабря 1935 г.	Независимый
	Махмуд Джам (1880–1969)	3 декабря 1935 г.	26 октября 1939 г.	Независимый
	Ахмед Матин- Дафгари (1897–1971)	26 октября 1939 г.	26 июня 1940 г.	Независимый
	Али Мансур (1886–1974)	26 июня 1940 г.	27 августа 1941 г.	Независимый

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации

АИНК – Англо-Иранская нефтяная компания

АПНК – Англо-Персидская нефтяная компания

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ИКП – Иранская коммунистическая партия

КПТ – Коммунистическая партия Турции

КУТВ – Коммунистический университет трудящихся Востока

НПИ – Народная партия Ирана (Туде)

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

САВАК – Сазман-е Эттелаат ва Амният-е Кешвар (Служба информации и безопасности страны), Министерство государственной безопасности Ирана времен правления шаха Мохаммеда Реза Пехлеви (1957–1979)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные источники

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

1. Ф. 144. Оп. 488. Ед. хр. 4459.
2. Ф. 194. 1907. Оп. 5286. Ед. хр. 57.

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)

1. Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 126 (50763).
2. Ф. 64. 1925. Оп. 18. П. 125. Д. 50855.
3. Ф. 94. Оп. 24. П. 68. Д. 31.
4. Ф. 94. Оп. 26. П. 69/а. Д. 31.

Литература

На персидском языке

1. *Агели, Б.* Реза-шах ва гошун-е моттахе-дульшекль (1300–1320) (Реза-шах и объединенная армия (1300–1320)). – Тегеран: Нашр-е намак, 1377. – 827 с.

2. *Альмоути, З.* Фосули аз тарих-е мобарезат-е сийаси ва эджте-май-йе Иран. (Главы из истории политической и социальной борьбы Ирана). – Тегеран: Шеркят-е энтешарат-е чапхаш, 1370. – 600 с.

3. *Бахар, М. Т. (Малек ош-Шоара).* Тарих-е мохтасар-е ахзаб-е сий-аси-йе Иран (Краткая история иранских политических партий). – Т. 1–2. – Тегеран: Шеркят-е сахами-йе кетабха-йе джиби, 1357. – 382 с; 418 с.

4. *Бизаи, Н.* Негахи бе тарих-е немаеш дар Иран аз агаз та сал-е 1358 (Взгляд на историю театра в Иране от начала до 1358 г.) // Электронный песурс. URL: <https://vista.ir/m/a/lr7a0> (дата обращения: 30.11.2020).

5. *Ганун-е моджазат-е оуми* (Уголовный кодекс). – Тегран: Энтешарат-е Маджлес, 1304. – 69 с.

6. *Джография-йе незами-йе Иран* (Военная география Ирана) / Под ред. Х. А. Размара. Т. 1. – Тегран: Дайере-йе Джографияи-йе сетад-е артеш, 1320. – 220 с.

7. *Зендеги-йе туфани. Хатерат-е Сеид Хасан Тагизаде* (Бурная жизнь. Воспоминания Сеида Хасана Тагизаде). – Тегран: Эльми, 1368. – 421 с.

8. *Кетаб-е аввал-е акбар-е махсус. Тадрис дар келас-е аввалие-йе амужешгахха-йе Акбар.* (Перая книга о важных событиях. Обучение в первом классе школ «Акбар»). – Тегран: [б. и.], 1316. – 103 с.

9. *Мааши.* Альмас во риг (Алмаз и булыжник). – Нью Йорк: [б.и.], 1989. – 484 с.

10. *Маджмуэ-йе гаванин-е моузуэ ва мосавват-е Маджлес-е еком ва доввом* (Сборник законов и постановлений первого и второго Меджлисов). – Тегран: [б. и.], [б. г.]. – 538 с.

11. *Маджмуэ-йе гаванин-е моузуэ ва мосавват-е Маджлес-е хафтом* (Сборник законов и постановлений седьмого Меджлиса). – Тегран: Матабе-йе маджлес, 1320. – 605 с.

12. *Макки, Х.* Тарих-е бистсале-йе Иран (Двадцатилетняя история Ирана). Т. 4–7. – Тегран: Бонгах-е тарджоме ва нашре кетаб, 1361–1363. – 607 с.; 544 с.; 511 с.; 543 с.

13. *Омид, Дж.* Тарих-е синема-йе Иран 1289–1357. (История иранского кино 1286–1357). – Тегран: Зузане, 1374. – 1176 с.

14. *Раен, Э.* Фарамушхан-е ва фарамасонери дар Иран (Фарамушхане и франкмасонство в Иране). – В 3 т. – Тегран: Амир Кябир, 1357. – 714 с.; 755 с.; 775 с.

15. *Рахха-йе Иран* (Дороги Ирана). – Тегран: Эгбаль, 1322. – 378 с.

16. *Реза-шах. Хатерат-е Сулейман Бехбуди, шамс Пехлеви, Али Йазди.* (Реза-шах. Воспоминания Сулеймана Бехбуди, Шамс Пехлеви, Али Йазди). – Тегран: Сахба. – 607 с.

17. *Толуц, М.* Базигяран-е аср-е Пехлеви (Игроки эпохи Пехлеви). – Т. 1. – Тегран: Нашр-е Эльм. 1372. – 1260 с.

18. *Фирехи, Д.* Шийе ва незам-е сийаси-йе машруте (Шиизм и конституционный политический строй) // Незам-е сийаси ва доулат дар

ислам (Политический строй и государство в исламе). – Тегеран: Семмат, 1382. – 314 с.

19. Хатерат-е Агабекоф (Воспоминания Агабекова). – Тегеран: Энтешарат-е Пийам, 1357. – 330 с.

20. Хатерат-е сийаси-йе Ардешир Аванесиан. Бе кушеш-е Али Бехдаши (Политические мемуары Ардешира Ованесяна). – Тегеран: Сохан, 1378. – 508 с.

21. *Хедаят Мохбер ос-Салтанс*. Хатерат ва хатарат (Воспоминания и опасности). – Тегеран: Завар, 1344. – 563 с.

22. *Хушанг Махдави*, А. Сийасат-е хареджи-йе Иран дар доуран-е Пахлави 1300–1357 (Внешняя политика Ирана в период Пехлеви 1300–1357). – Тегеран: Пейкан, 1374. – 612 с.

На русском языке

1. *Арабаджян, А. З.* Социально-экономические корни монархии Реза-шаха и реакционная сущность ее экономической политики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Т. 2. – Москва: [б. и.], 1952. – 623 с.

2. *Арабаджян, З. А.* Иран от революции до революции (история в лицах. – Москва: Товарищество науч. изд. КМК, 2018. – 157, [2] с.

3. *Арабаджян, З. А.* Иранское масонство и его роль в социально-политическом развитии страны (от истоков по начало XX века). – Москва: Изд. КМК, 2019. – 169 с.

4. *Арабаджян, З. А.* Вместо предисловия. Исламская республика Иран: цивилизационные особенности // 40 лет Исламской Республике Иран / Отв. ред. М. С. Каменева, И. Е. Федорова. – Москва: ИВ РАН, 2020. – 358 с.

5. *Арабаджян, З. А.* История иранского масонства в XX веке (от зенита до заката). – Москва: Товарищество научных изданий, 2020. – 172 с.

6. *Арабаджян, З. А.* Республиканское движение в Иране и причины его неудачи (январь–март 1924 г.) // Минбар. – 2020. – № 4. – С. 794–823.

7. *Арабаджян, З. А.* Иран в годы Первой мировой войны. – Москва: Издательская группа URSS, 2021. – 236 с.

8. *Арабаджян, З. А.* Неизвестные страницы Конституционной революции 1905–1911 гг. в Иране. – Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2021. – 239 с.

9. Арабаджян, З. А. От Реза-хана к Реза-шаху (истоки иранской модернизации 1921–1925 гг.). – Москва: ИВ РАН, 2022. – 289 с.

10. Атабаки, Т., Раванди-Фадаи, Л. М. Жертвы времени. Жизнь и судьба иранских трудовых деятелей и трудовых мигрантов в межвоенный период. Изд. 2-е, испр., доп. – Москва: ИВ РАН; Издатель Воробьев А. В., 2020. – 532 с., ил.

11. Ахундов, М. Ф. Избранные философские произведения / Вступ. ст. Э. М. Ахмедова. – Баку: Азернешр, 1982. – 340 с.: 1 л. портр.

12. Бади, Ш. М. Городские средние слои Ирана. – Москва: Наука, 1977. – 231 с.

13. Балаян, Б. П. Восстания племен на юге Ирана (1922–1930). – Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1974. – 112 с.

14. Башкиров, А. В. Рабочее и профсоюзное движение в Иране. – Москва: Профиздат, 1948. – 116 с.

15. Берар, В. Персия и персидская смута / Пер. с фр. А. Павловича. – [СПб.]: Брокгауз-Ефрон, 1912. – XII, 300 с., 1 л. фронт. (портр.), 1 л. карт.

16. Боев, Э. Б. Идеология государственного национализма в Иране в период правления династии Пехлеви (1925–1979 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Нижний Новгород: НГПУ им. Козьмы Минина, 2017. – 226 с.

17. Бюллетень прессы Среднего Востока. Ташкент, № 6–7. – Ташкент: Бюро прессы Среднего Востока при Средазбюро ЦК ВКП(б), 1928. – 143 с.

18. Бюллетень прессы Среднего Востока. – Ташкент: Бюро прессы Среднего Востока при Средазбюро ЦК ВКП(б), 1931. № 12. – 136 с.

19. Гаффаров, М. А. Персидско-русский словарь. Т. 1. – Москва: Тип. М. О. Аттая и К°, 1914. – IV, 432 с.

20. Глухoded, В. С. Проблемы экономического развития Ирана. – Москва: Наука, 1968. – 200 с.

21. Годс, М. Реза. Иран в XX веке: политическая история / Пер. с англ. М. Реза Годс. – Москва: Наука; Восточная литература, 1994. – 353, [1] с.

22. Дорошенко, Е. А. Система просвещения в Иране. – Москва: Восточная литература, 1959. – 84 с.

23. Завриев, Д. С. Персия наших дней. Экономические очерки. – Тифлис: Заккнига, 1931. – 215 с.

24. Завриев, Д. С. Иран и мировой кризис. – Тифлис: Закавказская торговая палата, 1935. – 94 с.

25. *Завриев, Д. С.* Торгово-политический курс Персии. – Тифлис: Заккнига, 1931. – 176 с.
26. *Иванов, М. С.* Новейшая история Ирана. – Москва: Мысль, 1965. – 255 с.
27. Ирандуст. Персия вчера и сегодня. – Москва; Ленинград: Московский рабочий, 1927. – 40 с., карт.
28. История Ирана / Отв. ред. М. С. Иванов. – Москва: Изд-во МГУ, 1977. – 487 с.
29. *Каменева, М. С.* О деятельности двух академий языка Ирана и некоторых инновациях в лексике персидского литературного языка // Развитие языков в странах зарубежного Востока (послевоенный период). Сборник статей / Отв. ред. А. Б. Никольский. – Москва: Наука, 1983. – С. 89–99.
30. *Комиссаров, Д. С.* Пути развития новой и новейшей персидской литературы. – Москва: Наука, 1982. – 264 с.
31. *Мосяков, Д. В.* Новая и Новейшая история. Модернизация и глобализация восточных обществ. – Москва: НОЧУВПО «Институт стран Востока», 2016. – 558 с.
32. Очерки новейшей истории Ирана / Отв. ред. З. А. Арабаджян. – Москва: Наука; ГРВЛ, 1976. 469 с.
33. *Рубинчик, Ю. А.* Некоторые особенности формирования и развития лексики современного персидского языка (период до революции 1979 г.) // Развитие языков в странах зарубежного Востока. – Москва: Наука, 1983. – С. 126–139.
34. *Сенджаби, М.* Персия в кризисе. – Москва; Ташкент: Объед. гос. изд-во, Среднеазиат. отд., 1931. – 189 с., ил.
35. *Тер-Оганов, Н. К.* Персидская казачья бригада 1879–1921. – Москва: ИВ РАН, 2012. – 350 с.: ил., портр., табл., факс.
36. *Элвелл-Саттон, А.* Иранская нефть. К истории «политики силы». – Москва: Иностранная литература, 1956. – 424 с.
37. *Уилс, Ч. Дж.* Современная Персия. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1887. – 279 с.
38. *Филин, Н. А.* История и современные процессы легитимации власти в Исламской Республике Иран (1979–2019 гг.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Москва: РГГУ, 2019. – 524 с. + Прил.
39. Энциклопедия персидско-таджикской прозы. – Душанбе: Глав. науч. ред. таджикской научной энциклопедии, 1986. – 512 с.

На английском языке

1. *Abrahamian, E.* A History of Modern Iran. – New York: Cambridge University Press, 2008. – XXVIII+228 p.
2. *Abrahamian, E.* Iran between to revolutions. – Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1982. – XIII+561 p.
3. *Abrahamian, E.* Tortured Confessions. Prisons and Public Recantations in Modern Iran. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1999. – VIII+280 p.
4. *Arani, T.* Azerbaijan // Farangestan. – Vol. 1, no. 5 (September 1924). – P. 247–254.
5. *Arfa, H.* Under five Shahs. – London: William Morrow and Co., 1964. – 457 c.
6. The Armenians of Iran. The Paradoxical Role of Minority in Dominant Culture. Articles and Documents. – Massachusetts: Center for Middle Eastern Studies of Harvard University, 1998. – 409 p.
7. *Banani, A.* The Modernization of Iran. 1921–1941. – Stanford: Stanford University Press, 1961. 191 p.
8. *Bakhash, S.* Iran: Monarchy, Bureaucracy and Reforms under Qajar: 1858–1896. – London: Ithaca Press for the Middle East Centre; Oxford: St. Antony's College, 1978. – 444 p.
9. *Bharier, J.* Economic Development in Iran 1900–1970. – London; New York: Oxford University Press, 1971. – 380 p.
10. *Elwell-Sutton, L. P.* Modern Iran. – London: G. Routledge & Sons, 1941. – 264 p.
11. *Essad-Bey, M.* Reza Shah. – London: Hutchinson & Co., 1938. – 250 p.
12. *Gilmoure, J.* Report on an investigation into the sanitary conditions in Persia; undertaken on behalf of the Health Committee of the League of Nations at the request of the Persian Government. – Geneva: Health Committee of the League of Nations, 1925. – 64 p.
13. *Kameneva, Marina S.* The Jews of Iran: Past and Present // Восток (Oriens). – 2020. – № 2. – С. 131–137.
14. *Matine-Daftary, A. K.* La suppression des capitulations en Perse: L'ancien régime et le statut actuel des étrangers dans l'Empire du «Lion et Soleil»: Thèse pour le doctorat des sciences politiques soutenue à l'Université de Lausanne. – Paris: Les Presses Universitaires de France, 1930. – 266 p.

15. *Pahlavi, A.* Faces in a Mirror. – Prentice-Hall, INC.: Englewood Cliffs, N. J., 1980. – 238 p.
16. *Pahlavi, M. R.* Mission for my Country. – London: Hutchinson, 1960. – 336 p.
17. *Parhami, Sh.* Iranian Cinema: Before the Revolution. Off Screen. – Vol. 3. – Issue 6. – November 1999 // URL: <https://offscreen.com/view/iran2> (дата обращения: 30.11.2020).
18. *Rawlinson, H, Rawlinson, H. C.* England and Russia in the East. – London: John Murray, Albemarle street, 1875. – 393+20 p.
19. *Sadiqi, I.* Modern Persia and Her Education System. – New York: Bureau of Publications teachers College, Columbia University, 1931. – 125 p.
20. *Sykes, P.* A History of Persia. – London: Macmillan and Co., Limited, 1930. – 565 p.
21. *Slaughter Morton, R.* A Doctor's Holiday in Iran. – New York: Funk & Wagnalls Company, 1940. – 378 p.
22. *Szyliowicz, J. S.* Education and Modernization in the Middle East. – Ithaca; New York: Cornel University Press, 1973. – 447 p.
23. *Wilber, D. N.* Reza Shah Pahlavi: The Resurrection and Reconstruction of Iran. – Hicksville; New York: Exposition Press, 1975. – 301 p.

Научное издание

Арабаджян Завен Артемович

ИРАНСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ 1926–1941 гг.

Монография

Ответственный редактор *Н. М. Мамедова*

Редактор *Т. М. Мастюгина*

Верстка *Н. В. Макеева*

Оформитель *П. А. Трошина*

Корректор *М. Я. Колесник*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 18.10.2022 г. Формат 60×90/16

Усл. печ. л. 14,8. Тираж 500 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Амирит»

410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88

Тел.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru. Вебсайт: <http://amirit.ru>